

УРАЛЬСКИЙ № 11 (581), 2005
Следопыт
РОССИЙСКИЙ ЖУРНАЛ ISSN 0134-241X

ноябрь:

**ТУРИНСКИЕ
ОПОЛЧЕНЦЫ
ПРОТИВ НАПОЛЕОНА**

**АВТОСТОПОМ
ПО ЕВРОПАМ**

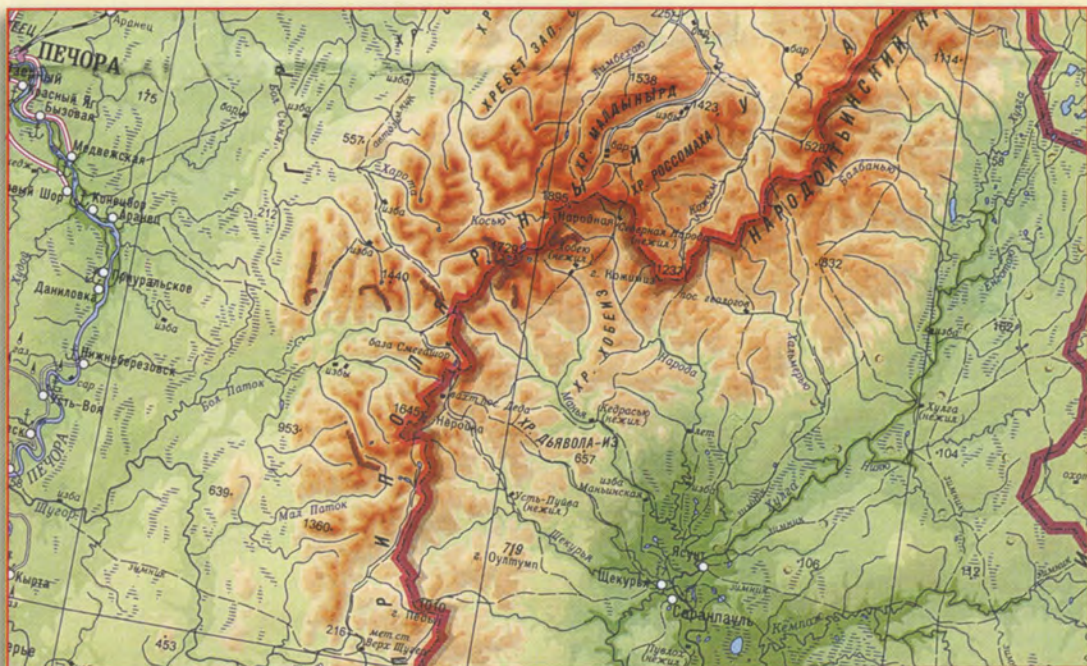
**ТЕОРИЯ
ВЫМИРАНИЯ
ДИНОЗАВРОВ**

**зовут
дороги**

Маршруты Уральского следопыта

3 ноября в редакции журнала открывается художественная выставка. На выставке представлены картины художника Альберта Михайловича Туманова, чьи работы УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ начал публиковать ещё в 60-е годы прошедшего века. Мастер уже несколько десятилетий воспеваает в своих работах суровую красоту Урала. Здесь и покрытые еловыми лесами увалы, и болотистые предгорья, и заснеженные вершины Приполярного Урала и бескрайние просторы высокогорной тундры Полярного. Читайте статью на стр. 80.

А.Туманов. На перевале. Акварель

РЕКА ВРЕМЕНИ

Тропой поиска

Ю.КЛЮШНИКОВ	Бородино туринских ополченцев ...	2
Ю.ГОРБУНОВ	Писательницы России	7

Краеведческая копилка

В.ТРУСОВ	Взлет семьи Зотовых	6
М.АНТОНОВ	Верхний Уфалей и... Лондон	12

Награды субъектов РФ в УрФО

А.МАКУРИН	Награды Ханты-Мансийского автономного округа – Югры	15
-----------	---	----

Ишимские хроники

О.ОЖИГБЕСОВА	Черный квадрат Валентина Филатьева	47
--------------	---	----

Заочная экспедиция

В.ШУМКОВ	Страна пещер. Подземные города наших предков ..	56
----------	--	----

АЗЛИТА

Современная проза

В.КУЗИН	Горбун	8
В.ЧАЩИН	Катастрофа	60
Н.СМИРНОВ	Осень Артиста - гончего пса	72

Современная проза Урала

Э.УРАЛЬСКИЙ	Зеленое солнце	14
-------------	----------------------	----

Фантастика

Н.ИПАТОВА	Ледяное сердце Златовера	23
И.ВОДОЛЕЕВ	Дорога в Аресибо	50

Дебют

А.БРЫЛЯКОВА	Стихи	71
-------------	-------------	----

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Фотоконкурс

С.ПОЛЯКОВ	Мы – уральцы	18
-----------	--------------------	----

Записки очевидца

М.ПЕТРУШКО	«Чайник» на обочине	20
------------	---------------------------	----

По белу свету

С.НОВОПАШИН	Полуостров Терпения	52
-------------	---------------------------	----

Проекты «Уральского следопыта»

А.ТУМАНОВ	С мольбертом по Уралу	80,
-----------	-----------------------------	-----

Главный редактор
Максим Фирсов

Редакторы разделов –
Юний Горбунов,
Андрей Наседкин.
Художественный редактор,
верстка –
Юлия Ульянова.
Художник –
Ирина Овсянникова.
Набор –
Валентина Кадочникова.
Корректор –
Лариса Черных.
Интернет-версия –
Дмитрий Новоселов.
Учредитель:
Общественная организация
«Трудовой коллектив
редакции журнала
«Уральский следопыт».
Издатель:
ООО «Редакция журнала
«Уральский следопыт».

Редакционный совет:
Владислав Крапивин
Сергей Казанцев
Борис Стругацкий
Геннадий Прашкевич
Олег Поскребышев
Юрий Казарин
Станислав Мешавкин

Наблюдательный совет
Евгений Виноградский
м.с.м.к., «Снежный Барс»
Евгений Савенко
чл. Союза фотохудожников России
Семен Спектор
заслуженный врач России

Выпуск издания осуществлен
при финансовой поддержке
**Федерального агентства по печати
и массовым коммуникациям**
при поддержке
**министерства физкультуры, спорта
и туризма Свердловской области**

Регистрационное свидетельство № 441,
выдано 13.12.90 г. Министерством печати
и массовой информации РСФСР.
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт» обладает исключительным
правом на логотипы и название журнала.
Рукописи принимаются отпечатанными не
менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28-30
строк на странице. Каждая страница
рукописи должна быть подписана автором.
Обязательно прилагать информацию об
авторе; указывать согласие на публикацию в
журнале, на сайте журнала, корректорскую и
редакторскую правки. В первую очередь
рассматриваются рукописи, дополненные
электронной версией (E-mail, дискета, CD).
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
При отправлении электронных сообщений
обязательно заполнять поле ТЕМА.
Любое использование материалов журнала
допускается только с письменного согласия
ООО «Редакция журнала «Уральский
следопыт». Ссылка на журнал «Уральский
следопыт» обязательна.
По вопросам приобретения журнала
обращаться по тел. (343) 257-10-74.
Подписано к печати 30.10.2005 года.
Формат бумаги: 84x108/16. Бумага
офсетная. Печать офсетная. Тираж 4500.
Отпечатано в типографии
ООО «ИА «Рег-пресс», г. Первоуральск,
ул Чкалова, 18-в, тел. (34392) 675-09.
Заказ № 808

© ООО «РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ»

Адрес редакции:
620142, г. Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67. Тел. редакции:
(343) 257-45-01, 257-36-62
E-mail: info@uralstalker.ru
www.uralstalker.ru

Бородино туринских ополченцев

Михаил Илларионович Кутузов (в минувшем сентябре исполнилось 260 лет со дня его рождения) – бессмертное имя на скрижалях истории. Великий русский полководец. Генерал-фельдмаршал. Светлейший князь Смоленский. Весьма обширная литература посвящена «спасителю Отечества». Но все ли мы знаем о нем? Новые факты открывают нам туринские ратники.

Туринск (в ту пору сибирской Тобольской губернии) не обязан был выставлять народное ополчение на войну против наполеоновских полчищ: повеление государя касалось лишь 16 губерний европейской части России. Но разве удержишь патриотический порыв? В ополчение для защиты Отечества Туринская волость выставила 73 человека – по одному от каждых 50 душ. На отдельное воинское формирование не набралось. 38 человек из города на Туре попали в Екатеринбургский ополченский пехотный полк. Остальные 18 мещан и 17 крестьян «закрепились» в Нижнетагильском ополченском полку генерал-майора Николая Никитича Демидова – из знаменитого рода основателей металлургических заводов на Урале. Он набрал полк на свои средства.

Как все в этом полку, туринские «демидовцы» получили провиант и жалованье на три месяца. За две недели выучились на егерей (стрелков легкой

пехоты). Оба уральских полка приписали к Московскому ополчению, входившему в объединенные Кутузовские силы. С этого момента туринцы, как и все остальные русские добровольцы, ощутили на себе влияние и заботу главнокомандующего.

В фонде военного управления армиями Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА) я обнаружил упоминание о том, что светлейший князь Смоленский лично вручил Знак отличия военного ордена четверым туринским ополченцам.

За что же туринцам такая честь? В Государственном историческом архиве Московской области (ГИМО) те же четыре туринских фамилии мы находим в общих списках «награждения мужества и отличной храбрости», составленных выдающимся полководцем Кутузовым на основе представлений начальника Московского ополчения генерал-лейтенанта И.Маркова.

По словам Маркова, туринский егерь Иван Анисимович «демидовского» Первого Егерского полка Московского ополчения (так полк теперь именовался) отличился в сражении третьего пехотного корпуса генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова против пятого французского пехотного корпуса генерала И.Понятовского на бородинском поле вблизи деревни Утица, где французам так и не удалось ударить с тыла

На биваке

по главным русским силам. Аникин находился среди ратников Московского ополчения, откомандированных из резерва московской военной силы в подкрепление корпуса Тучкова, «метко стрелял по егерям Понятовского, с неимоверной храбростью бросался на стрелков неприятельских» в стыковой атаке корпуса Тучкова, обратившей егерей Понятовского в бегство.

«Равнодушие к опасностям, твердое и полное презрение к смерти» проявил туринский ратник Михаил Гулявин в Бородинской битве, когда после ожесточенного рукопашного боя французская пехота была сбита с захваченного ею Утицкого кургана.

Приказом шефа 1-го Егерского полка Московского ополчения туринский ратник Егор Аникин с несколькими дружинниками был определен «для выносу раненых с места сражения» при Бородино. «Во время сражения, – продолжает начальник Московского ополчения, – он выбегал даже вперед фронта к французским стрелкам и выхватывал почти из рук неприятеля своих раненых, относил их туда, где назначено было им место. Сие делал с таким усердием и мужеством, что жестокий огонь артиллерии и пехоты неприятеля не смог остановить сие его намерение». Аникин сохранил до 30 раненых, которые без него «должны были почти все погибнуть, ибо строевых солдат для выносу многого числа раненых нельзя было отделять».

В сражении при Тарутине, когда русские войска разбили французский корпус короля неаполитанского сподвижника Наполеона Иохима Мюрата, туринский ратник Яков Зубавин, по словам графа И.Маркова, «явил неустрашимость и храбрость во всем своем блеске, дрался с неслыханной стойкостью и взял в плен несколько французских кирасиров». Как видим, высокая кутузовская оценка боевых заслуг четверки туринских смельчаков не нуждается в комментариях.

Ученик А.В. Суворова Кутузов следовал завету гениального учителя: беречь солдата, заботиться о нем. Свидетельства туринских ратников, найденные в фонде Туринской волости Тобольского филиала Тюменского государственного архива и фонде Московского ополчения ГИАМО дополняют портрет великого русского полководца.

«В Царево-Займище, – вспоминает туринец Иван Аникин, – Кутузов, принимая командование войсками, заметил, что в нашем Туринском отряде «демидовского» полка не хватает егерского обмундирования и оружия: два ружья и три пистолета, что с собой взяли, на 35 человек. По его приказу выдали нам оружие из Московского арсенала. На счет обмундирования посетовал батюшка Михайла Ларивоныч: “Много вас нынче. Всех враз не оденешь. Потерпите, ребятушки! Побьем француза – дольше вас не задержу. Вы, чай, не рекруты, а добровольцы”. Пришлось походить нам пока в одежде ополченцев: длиннополый кафтан из грубого домотканого сукна, меховая шапка или картуз с серебряным крестом на тулье (крест – отличительный знак ополченца). Потом форменное обмундирование, по настоянию Кутузова, нам доставили».

«Увидел князь-батюшка, как мы, туринцы, со смоленскими ратниками раненых выносим из боя, – рассказывает Егор Аникин, – прослезился. “Друзья мои! – говорит. – Вы истинно воины, не жалея себя, своих собратьев спасаете”. На привале подсел однажды Кутузов к нашему туринскому отряду «демидовского» полка. Запретил суетиться, тянуться, строиться при нем. “Отдыхайте, – говорит. – Солдату в походе отдыхать надобно после трудов, к победе готовиться. Я и приехал посмотреть только, здоровы ли вы, дети мои”. Узнав, что мы из Туринска, подметил: “Уральцы, сибиряки – народ крепкий. Славно бивали мы вместе турок у Бабадага и Мачина” (в русско-турецкой войне в 1791 г.).

Солдаты великой армии на обратном пути. (Л.И.Потт)

«Как-то раз, – свидетельствует туринский ополченец Михаил Гулявин, – уже в заграничном походе подъезжает к нам на биваке Кутузов в простецкой бескозырке, на гнедой кобыленке. Спрашивает, в чем наши нужды. Мы ему все обсказали. Про армяки дырявые, которыми укрыться нельзя от холода. И что почти без рубах и обуви стоим всякую ночь в колоннах или траншеях по колено в воде. При этом всегда в ружье, на передовых позициях, в ежечасной готовности к смерти. Фельдмаршал насутился. Во всеуслышанье закричал кому-то невидимому, нагайкой погрозил: “Погодите же вы, интендантские крысы! Вздерну. На первом суку!” После давай нас успокаивать: “Все нужное доставят вам, ребятушки. Прослежу”. Лицом посветлел: «Освободили Россию – Европу освободить надо. От Буонапартия. Добить врага, а то – неровен час – снова подымется»».

3 декабря 1812 г. Кутузов письменно «по поручению императора» объявил «монаршее благоволение» шефу нижнетагильского полка Н. Демидову. Отметил демидовское усовершенствование 1-го Егерского полка, командование Демидова резервом Московской военной силы в Бородинском сражении и потом, до назначения полка в армию, его деятельность и исправность в должности начальника полка. «Я зачитал письмо Кутузова нашему нижнетагильскому добровольческому полку, – вспоминает Н. Демидов. – После чего обратился к ратникам с такими словами: “Это не мне одному благодарность. Это благодарность всем ополченцам Нижнего Тагила, Туринска и других городов Урала и Сибири”. Повторил слова Светлейшего, обращенные к войскам: “Вы сражались за веру в своих прародителей и честь народную. Каждый из вас есть спаситель Отечества”».

Исправно выполняли кутузовскую волю туринские ратники на протяжении всей военной кампании 1812-1813 гг. Вплоть до кончины 67-летнего генерал-фельдмаршала 16/28 апреля 1813 г. в силезском городке Бунцлау (ныне Болеславец).

Штабные документы кутузовской армии из фондов Центрального государственного военно-исторического архива, по которым мы можем проследить боевой путь туринских ополченцев, были внимательно прочитаны Светлейшим. Об этом говорят письменные замечания, комментарии Кутузова к этим документам. Восклицательный знак поставил Главнокомандующий перед фразой реляции об участии уральских ополченских полков в преследовании неприятеля «от Ярославца до Красного». 17 сентября 1812 г. в сражении с французами около деревни Чириковой туринцы в «открытых действиях с неприятелем ни в чем не уступали старым солдатам». В ожесточенном сражении под Малоярославцем 12 октября 1812 г., когда был сорван замысел Наполеона прорваться к Калуге, туринские егеря вслед за конницей тульского ополчения переплыли вплавь реку Лужу с нашего берега на французский и, пока туляки захватывали вражес-

кую артиллерию и обозы, меткой стрельбой, по словам генерал-квартирмейстера 2-й армии М.С. Вистицкого, «истребили довольно число неприятеля». Выполняя поставленную Кутузовым задачу – стремительно нападать на отступавшие колонны неприятеля, нижнетагильский Егерский вместе с седьмым пехотным, вторым Егерским и конным полком Московского ополчения отличились в разгроме французского корпуса маршала Луи Никола Даву 22 октября (4 ноября) под Вязьмой. Группа егерей под командованием Свентицкого – в ней вместе с другими было несколько туринцев – отбила у противника обоз и несколько орудий. Фраза реляции «Демидовские егеря (среди них были и туринские. – Авт.) оказали отличную храбрость и искусство» подчеркнута фельдмаршлом.

После изгнания наполеоновских полчищ из России Кутузов включил оба уральских полка, ввиду особой их храбрости в сражениях, в Польскую (реорганизованную бывшую резервную) армию генерала Л. Беннигсена для участия в заграничном походе. Туринцы оказались в союзных войсках, которым предстояло освободить Западную Европу от наполеоновского владычества. Вместе со всеми уральцами, участниками заграничного похода, с 18 по 25 августа 1813 г., туринские ратники прошли дополнительную военную подготовку. Отряду из города на Туре провели смотр. Генерал Марков поздравил туринцев с успешным завершением похода в России, отметил их высокий боевой дух. 6 сентября 1813 г. туринское ополчение, пополненное новыми туринскими добровольцами в связи с по-

Казачи в Париже. С акварели Опица

Русский, берущий уроки грации в Париже.
(С фр. карикатуры)

терями в предыдущих сражениях, вместе со всей русской армией вступило в пределы Силезии для действий против Пруссии – союзника Наполеона.

Вместе с Поволжским ополчением участвовали осенью 1813 г. в ликвидации французского гарнизона маршала Сен-Сира в Дрездене. По-кутузовски сражались в баталиях союзных войск в гигантской «битве народов» под Лейпцигом. В этой битве уральские полки вместе с русским корпусом генерала А.Ланжерона, при поддержке двух шведских и одной русской батареи, обрушились на правый французский фланг, под сильным неприятельским огнем ударили в штыки, выбили французов из деревни Шёнфельд. Среди пушечной и ружейной перестрелки ворвались в предместье Лейпцига, умело действовали в уличных боях против саксонских гвардейцев.

К тому времени Туринское ополчение уже числится как отряд 1-го Егерского полка регулярной армии. И в этом качестве проявило себя в операции союзных войск при Фершампенуазе 13 марта 1814 г. против корпусов маршалов Франции О.Мармона и Э.Мортье. 18 марта 1814 г. в штурмовой колонне генерал-лейтенанта А.Рудаевича туринцы штурмовали Монмартр, осыпавший атакующих ядрами, гранатами, картечью и пулями. Атакующие войска, где находились также и туринские егеря, бегом преодолели промезуток от подножия горы Монмартр до городской стены, захватили четыре французских орудия, оттеснили врага к стороне больницы Святого Лазаря и вступили на Монмартр, выставив передовую линию перед стеною Парижа на расстояние пистолетного выстрела. К семи вечера все было кончено. Окруженный союзными войсками, Париж капитулировал. 19 марта 1814 г. наши егеря в общей парадной колонне армии победителей прошли по столице Франции.

В отличие от наполеоновских вояк, разоривших, разграбивших Москву, русские победители и в столице поверженной Франции оставались верны кутузовскому завету – не следовать «примеру врагов на-

ших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата... содействовать достижению всеобщего согласия для сохранения мира и покоя на земле». Подтверждает это, в частности, поведение туринских егерей, которые вели себя «дружески в отношениях с парижанами». О насилии, мародерстве не было и речи. Все свободное время туринцы отдавали знакомству с культурой столицы Франции. Туринский ратник Яков Зубавин по возвращении на родину восторженно рассказывал землякам о посещении Национального французского музея церковных редкостей, пышном убранстве луврских, тюильрийских и люксембургских дворцовых палат, Пантеоне – усыпальнице великих мужей Франции Мирабо, Вольтера, Руссо, Марата. «Многочисленно переходили мы, – продолжал Зубавин, – площадь Людовика XV, обставленную античными мраморами и

гранитами Египта, Афин, Коринфа и Рима». В Большой опере и французском театре туринские ополченцы, по словам Зубавина, были изумлены «превосходным искусством оркестра, чудесными декорациями, дивною игрою театральными артистов»...

Примерно половина дружинников, ушедших на войну из Туринска, полегла на поле брани. Остальные, по словам туринского ратника Якова Зубавина, «принесли с собой на родину величие победы и ратного подвига, личный пример воинской славы в назидание потомкам», дабы помнили они, что «гордость хищников – писал Кутузов – пала перед неустрашимостью сынов Отечества».

Русские в Париже в 1814 году. С акварели Опица.

Взлет семьи Зотовых

В 1703 году из Чусовской (Уткинской) слободы был отправлен первый караван барок с пушками и металлом Каменского завода. В этом же месте с левой стороны в Чусовую впадает речка Верхняя Утка. В середине 1740-х годов пристанской управитель шихтмейстер Михайло Кашперев и пильщики Федот Мезенин и Матвей Гилев объявили, что здесь удобное место для заведения завода.

Уткинский чугуноплавильный и железоделательный завод построен казной на пустующей государственной земле в 1749 г. Строительством руководил член канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов Густав Ульрих Райзер. Тряхнув стариной, плотину возвел демидовский мастер Леонтий Злобин. Первоначально завод был чугуноплавильным и имел одну домну. Готовая продукция отправлялась для переделки на Сылвинский завод, вступивший в действие 22 ноября 1738 года.

17 июля 1758 г. последовал указ Берг-коллегии о передаче Уткинского завода действительно-

му камергеру Сергею Павловичу Ягужинскому, который вступил во владение с 1 января 1759 г. Ягужинский планировал расширить завод. В дальнейшем интерес его к предприятию угас, поскольку он перенес центр тяжести на строительство новых заводов.

В годы крестьянской войны под предводительством Емельяна Пугачева Уткинский завод оказался в зоне боевых действий, 29 января 1774 г. захвачен и разграблен. С подавлением восстания С. П. Ягужинский постарался избавиться от своих предприятий и в сентябре 1778 г. продал Уткинский и Сылвинский заводы Савве Яковлевичу Яковлеву (Собакину) за 100 тыс. рублей.

Еще ранее Яковлев купил металлургические предприятия у Прокофия Акинфиевича Демидова, в том числе Невьянский завод, у графа Р. И. Воронцова – Верх-Исетский.

В 20-х – начале 30-х гг. XVIII столетия Акинфий Никитич Демидов перевел на Невьянский завод се-

Новоуткинский завод. 1905 год

мью Петра Зотовича Зотова (ок. 1704 – ок. 1773) – из тульских крепостных служителей. В ревизской сказке 1782 г. указаны 5 его сыновей, 2 дочери и 11 внуков. Старший сын Федот (ок. 1732 – после 1802) назван приказчиком, его братья Кирило и Иван – служителями, Харлампий – расходчиком. У Федота Петровича жена Татьяна Митрофановна, дети: Поликарп, Григорий, Савва, Ульяна, Марья. Дочь Ефимия Федотовна (1756 г. рожд.) выдана замуж в Уткинский завод (сейчас Староуткинский) за крепостного крестьянина Степана Татаринова.

1 февраля 1784 г. умер Савва Яковлев. Он оставил духовное завещание, которое было нарушено, ибо некоторые из сыновей посчитали себя обиженными и обратились к Екатерине II о заступничестве. Императрица поручила разобрать тяжбу вельможам Г. А. Потемкину, И. П. Елагину и П. В. Завадовскому. Восторжествовало мнение Завадовского, признавшего завещание несправедливым и недействительным, что и было учтено при издании именного указа (15 мая 1785 г.).

Из документа XVIII века узнаем: «По учиненному раздельному постановлению в собственную вечность причислены к Шуралинской части... поименно: приказчики – Никита Лысков, Михайло Солодовщиков, Михайло Томиных, Иван Молодцов, Федот Зотов. Шуралинской владелец по приеме их во владение свое заплатил Невьянскому или в часть Невьянскую немедленно собственными своими деньгами по установленной ими с общего согласия по разделу цене: за приказчиков и расходчиков по 500 р., за конторщиков и служителей по 325, за взрослых и годных в работу мужеска полу детей по 150, за малолетних по 50, а за женский пол всякого нейисключительно в семействе находящегося возраста по 20 рублей за каждую душу».

Так после 1785 г. семья Федота Петровича и Татьяна Митрофановны Зотовых попадает на Уткинский завод (сейчас Новоуткинский Первоуральского района).

На заводе семья Зотовых начала производство кричного железа. В 1790 г. имелись 1 домна и 1 молот, а в 1797 г. уже в доменной фабрике существовали 2 домны, действовала молотовая фабрика с 2 колотушечными горнами и молотом. В 1790 г. Григорий Зотов был замечен в Перми после сплава по Чусовой на барках заводской продукции. У Поликарпа в 1795 г. родился сын Тит.

Для лучшего управления своими предприятиями Иван Саввич Яковлев создает Главное правление. Оно по указу Берг-коллегии от 23 сентября 1798 г. было официально утверждено и поименовано в Главное Верх-Исетское заводское правление. Григорий Федотович Зотов переводится с Уткинского завода и с первых дней становится у руководства Главного Верх-Исетского правления.

В разное время из семьи Зотовых были у Яковлевых приказчиками (по современным меркам директорами металлургических предприятий): Петр Зотович – Невьянского, Федот Петрович – Невьянского, Уткинского и Шуралинского, Савва Федотович – Шуралинского, Поликарп Федотович – Уткинского, а затем Режевского, Тит Поликарпович – Режевского заводов.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для
библиографического словаря)

А

АХЛОПКОВА Варвара Николаевна (1843 – после 1896), авт. воспоминаний.

Дочь математика Н.И.Лобачевского. "Воспоминания". – В кн.Модзалевский Л.Б. Материалы для биографии Н.И.Лобачевского. М.-Л., 1948. С. 593-596.

ИДРДВ. Т.2. Ч.2. № 2829.

АХМАТОВА Анна Андреевна (псевд., наст. фам. Горенко, в замуж. Гумилева; 1889 – 1966), поэтесса.

Жена поэта Н.С.Гумилева, мать историка и географа Л.Н.Гумилева. Анна Ахматова – одна из самых ярких и самобытных представителей и выразителей "серебряного века" российской поэзии. Время Ахматовой, взбаламученное социальными катаклизмами, было временем взаимных творческих влияний, состязания талантов, способствовавших тем не менее рождению индивидуальностей. На Ахматову в разное время и в разной степени воздействовали Н.С.Гумилев и А.А.Блок, М.А.Кузмин и И.Ф.Анненский. Известна ее плодотворная дружба и творческое общение с М.Л.Лозинским, О.Э.Мандельштамом, Н.В.Недоброво. Одновременно варьировались в ее ранней поэзии (сб. "Вечер", "Четки") и типы лирических героев. Но само "многообразие масок", как пишет современный исследователь, по-видимому, имело целью "воспрепятствовать отодествлению автора с каждой из них в отдельности". Самобытность ахматовской поэзии критики находили в ее эпическом характере, в появлении лирического героя, включенного в исторический контекст. "Эта лирика, – писал, например, критик В.Гиппиус, – пришла на смену умершей или задремавшей форме романа". Неповторима Ахматова и тем, что ее поэзия как-то интригующе автобиографична, таинственно конкретна. Не случайно читатели ее стихов чувствовали себя посвященными в интимную жизнь автора. Своеобычна и форма ахматовского стиха. Свобода "самовыражения", кажущаяся простота стихотворного языка возведены ею на высоту поэтического стиля. А. выступала также и как пушкиноведа, мемуаристка, известны ее художественные переводы.

Русские писатели (портр.); КЛЭ; ИДРДВ. Т. 4. (ук. им.).

(Продолжение в следующем номере)

ГОРБУН

В дырявых штанах и грязной засаленной куртке, он вошел в вагон электрички на третьей остановке и, взявшись за гармонь, подвешенную к груди с помощью двух кожаных ремней, затащил заунывную песню, время от времени встряхивая головой, будто прогоняя комаров. При этом пряди его длинных волос спадали на морщинистое, в царапинах и ссадинах лицо, почти соединяясь с густой бородой.

«Чем не леший?» – подумала Валентина Алексеевна.

Однажды она уже видела этого горбатого мужчину, просящего милостыню на одной из платформ. Тогда шапка для мелочи лежала у его ног на асфальте; теперь же ее держала в своих руках старушка, шедшая за ним, – такая же, как и он, обросшая и в лохмотьях.

Валентина Алексеевна почти никогда никому не подавала: она считала, что практически все нищие – лентяи и пьяницы, а о действительно нетрудоспособных должно заботиться государство, которому граждане исправно платят налоги, в том числе и для подобных нужд. К тому же в последнее время Валентине Алексеевне вообще не хотелось думать ни о чем постороннем: ей уже перевалило за семьдесят; здоровье ее было, как она любила говорить, «никудышное»; и потому, чувствуя свой близкий уход в иной мир, она как бы сосредоточилась на подведении итога своей жизни. А он ей утешительным отнюдь не казался.

Муж оставил ее с двумя детьми-близнецами, Светой и Юрой, когда те только научились ходить. Как написал затем в письме, он желал видеть в любимом человеке прежде всего «женщину, а не наставника». Действительно, Валентина Алексеевна, еще со школьной скамьи имея склонность к организаторской деятельности (ее выбирали председателем совета пионерского отряда, затем комсоргом), со временем, уже будучи главным экономистом одного из оборонных предприятий, была замечена партийным руководством города и перешла на работу в административные органы. Руководителем она была строгим и требовательным, что, очевидно, и отразилось на ее семейной жизни. Причем не только на отношении к своему – как она говорила, «непутевому» – мужу (который выше «обычного слесарьшики» так и не поднялся), но и к детям, с коих она требовала четкого выполнения всех школьных и домашних обязанностей. Ее сын нелепо погиб еще в раннем детском возрасте, и потому все ее внимание было уделено дочери: та окончила школу с зо-

лотой медалью и поступила в институт. Но когда Светлана стала инструктором горкома ВЛКСМ (разумеется, не без ходатайства своей матери), произошло то, что повергло Валентину Алексеевну в шок: неожиданно для всех дочь прислала ей из Испании, где была в командировке, письмо, в котором сообщила о своем решении остаться за границей; что она якобы полюбила там молодого бизнесмена, за которого вскоре собирается выйти замуж. С огромным трудом Валентина Алексеевна нашла в себе мужество публично осудить поступок дочери, тем самым сохранив свою должность и влияние в чиновничьей среде. Написала Светлане, что до ее возвращения и раскаяния она, как патриот, прерывает с ней всякие отношения... Однако вскоре, уже при Горбачевской «демократизации», все же возобновила с ней переписку. Из которой сделала вывод, что так называемый будущий муж Светланы просто ею «натешился» и затем бросил ее на произвол судьбы, и что та связалась в Испании с подозрительными типами – очевидно, из-за отсутствия средств к существованию. И материнское сердце заболело.

Это вылилось как в строгие наставления дочери – в письмах и во время редких международных переговоров, так и в посылаемые по просьбе Светланы посылках с дорогими и дефицитными продуктами питания и предметами первой необходимости (кои Валентина Алексеевна, как и все госслужащие высшего ранга, получала со спецскладов). А когда она и сама обнищала (скопленные на ее сберкнижке тридцать две тысячи советских рублей во время гиперинфляции начала девяностых превратились в копейки), она обратилась к вере: купила себе иконки Христа и Богородицы и долгими одинокими вечерами молилась им о вразумлении и спасении дочери; да иногда посещала в соседнем поселке храм, откуда сейчас и возвращалась...

Так, размышляя о своем, под монотонный стук колес электрички Валентина Алексеевна задремала...

На одной из остановок в вагон ввалилась шумная компания подростков, общение которых меж собой состояло из сплошного сквернословия. И, не терпевшая подобного, Валентина Алексеевна решила пересечь в соседний вагон.

А когда вышла в тамбур, увидела лежащего там горбатого мужика, что около часа назад просил в их вагоне милостыню. Тот сладко посапывал, а возле него, в углу, стояла почти опорожненная бутылка «Портвейна».

«Рыба гниет с головы», – подумала Валентина

Алексеевна, вспомнив одно из выступлений подвыпившего Ельцина на Съезде Народных Депутатов.

Брезгливо сморщившись, она носком сапога откинула мешавшую ей пройти руку бородача и шагнула дальше. Однако в следующий миг застыла на месте и, резко обернувшись, посмотрела на показавшуюся у того из рукава куртки правую ладонь.

Сердце Валентины Алексеевны забилося чаще, на лбу выступила испарина. Не веря своим глазам, она наклонилась: точно, вместо двух крайних пальцев – две культияпки, без костей и ногтей! Валентина Алексеевна тряхнула головой, словно избавляясь от наваждения... затем с ужасом всмотрелась в лицо бомжа... наконец, внезапно, будто что-то вспомнив, отогнула ему левое ухо и, увидев за ним дугообразную папилому, вскрикнула, попятилась и, с грохотом ударившись спиной о противоположную дверь, закрыла руками лицо:

– Мамочка!.. Мамочка!..

– Че... че надо? – разбуженный шумом горбун зарезал у стены.

Она вперила в него свои широко раскрытые глаза... Попыталась что-то сказать, но не смогла... Наконец пересилила себя:

– Это... – кивнула на его правую ладонь, – это... откуда?..

– Ты кто, тетка? – он с трудом оперся о левый кулак и, присев в углу, в свою очередь взгляделся в незнакомку.

– Что у Вас... с пальцами? – задыхаясь от волнения, Валентина Алексеевна достала из сумочки флакон валокордина, с которым в последнее время не расставалась ни на минуту, откупорила его и отхлебнула несколько глотков.

Бородач долго и сосредоточенно смотрел женщине в лицо... затем опустил голову и, насупившись, пробурчал себе под нос:

– С рождения.

Продолжая лихорадочно дышать, она схватилась за сердце, всеми силами стараясь успокоиться. Еще раз отхлебнула лекарства...

– Тебе... Вам... сколько лет?

Мужик продолжал смотреть в пол:

– Почти полвека...

– А... звать Вас... как?

Тишина...

– Пожалуйста, ответьте... – умоляюще пролепетала она, – Вы не... Юрий?

Бородач вздрогнул и, немного помолчав, – видимо, тоже делая над собой усилие, – тихо промолвил:

– Я уже забыл это имя...

– Нет, нет, нет! Этого не может быть! – Валентина Алексеевна закричала так, что, если бы не грохот колес встречного поезда, из вагона прибежали бы испуганные люди.

Бомж отвернулся к стене и принялся кусать губы.

– Или ты смеешься, или...Посмотри на меня...

– Валентину Алексеевну затрясло, словно в лихорадке. – Ты меня... не помнишь?..

– А чего мне смотреть... Человек хоть и стареет, но глаза у него всегда те же... Только раньше... Вы... носили голубую косынку с вышитой на ней желтой ромашкой...

– Господи!.. Господи!.. – она согнулась, словно от резкой боли; из ее глаз потекли слезы. – Это ты!.. Ты привидение?.. Или я сплю?..

Горбун всхлипнул, из его полуоткрытого рта потекла слюна... Он быстро вытер ее рукавом куртки:

– Я всегда боялся этого района: помнил, что Вы живете где-то здесь...

Электричка остановилась, и в вагон стали входить пассажиры, стряхивая с пальто и шапок снег... А когда колеса снова зашуршали, Валентина Алексеевна уткнулась лбом в металлические прутья у окна.

Несколько минут прошло в неловком молчании. Она боялась даже взглянуть на того, кто сидел рядом с ней.

– Ты... что же... все помнишь?.. Скажи, не мучай меня: это правда, ты?.. Ты не утонул?..

Бородач отыскал глазами бутылку, допил остатки и, откашлявшись, стал медленно говорить хриплым басом:

– Меня нашел на берегу цыганский табор, я был весь изломан и исковеркан... Полгода поили какой-то отравой; потом сказали, что вытащили буквально с того света... Наверное, в шутку нарекли меня, девятилетнего мальчишку, Гавриком и взяли с собой кочевать... А когда у меня на месте травмы позвоночника вырос горб, они сшили мне зеленый балахон с погремушками и выучили плясать. Вот я и кривлялся в деревнях и на базарах, отрабатывая свой хлеб... Дочка Равила меня грамоте обучила,

вечерами давала читать книжки и газеты... А через несколько лет я от них дал стрекоча: надоело рабом быть... Жил при монастырях, стройки по ночам сторожил... А когда коммунистов скинули и стало совсем тяжко, прибился к таким же бедолагам... Зарабатываю неплохо, иногда даже баксы подают... Нутро, правда, гнилое: болит все. Ну да никто из нас не вечен...

Не смея поднять глаз, Валентина Алексеевна спросила:

– Как же ты не мог этим цыганам... ничего о себе сказать?... И почему они не сообщили властям?

– Цыгане боятся с ними связываться... А меня парализовало, я очень долго не мог ни говорить, ни двигаться... Сначала вообще был в шоке: не понимал, что произошло... Когда же вырос горб, уже юнцом, подумал: а нужен ли буду Вам такой урод, если даже без двух пальцев не очень-то был любим?

– Ты что? Ты что?

– Я ведь не забыл тот день, – губы его задрожали, – он мне иногда даже снится: я держусь онемевшими ладонями за выступ камня, меня тянет за собой сильное течение, и вдруг... появляется самый родной мне человек, смотрит мне прямо в глаза... Еще миг, думаю я, она протянет мне свою руку, и тогда я спасен!.. Но она поворачивается и бежит от меня прочь, в противоположную сторону... – он засопел. – Каждый раз при воспоминании об этом у меня перехватывало дыхание: всего несколько Ваших шагов ко мне, и моя жизнь могла бы стать совершенно иной!..

Валентина Алексеевна обернулась и взглянула на сидевшего перед ней бомжа глазами, полными слез:

– Если бы ты знал, что у меня тогда творилось здесь, – она ударила себя кулаком в грудь. – Все случилось внезапно. Вы со Светкой стояли на обрывистом берегу и смотрели на красные шарики, которые пускали из своих рук по ветру. Я не могла на

вас налюбоваться... И вдруг... какой-то кошмар... земля под вами сыплется, откос рухнет; вы только успеваете взмахнуть ручонками... В первый миг я ничего не поняла – сидела как вкопанная... Потом заорала, бросилась к вам! И вот тут... Понимаешь, вы уже оба были в воде: слева барахталась в корягах Светка; справа, метрах в десяти от нее, держался за камень ты... Я метнулась к тебе, затем к Светке, опять к тебе... Я ничего не соображала; только чувствовала, что, скорее всего, обоих спасти не успею. Ведь мне нужно было скинуть туфли и платье, которые бы только помешали; и осторожно, одной рукой цепляясь за прибрежную осоку, вторую протянуть одному из вас. И если все удастся, тут же бежать к другому!.. А если бы я второпях поскользнулась и меня подхватило это бурное течение, я бы уже не спасла никого из вас!..

– Ясно: за каменной грядой, куда свалился я, было намного опаснее, – ухмыльнулся он.

Валентина Алексеевна опять отвернулась:

– Может, и так, не помню... Поверь, все эти

годы я не просто так провела: мол, потеряла тебя и все, ничего не поделаешь... Я долго думала... в последнее время не раз исповедывалась батюшке... Хотя перед тобой это, конечно, не оправдание... Но если уж Господь воскресил тебя до моей смерти – значит, я обязана исповедаться и тебе... – Валентина Алексеевна тяжело вздохнула и, немного помолчав, продолжила: – Да, – закачала она головой, – я решила начать именно со Светки... Потому что всю жизнь – и до того случая, и после – была слишком практичной. Мне сейчас трудно вспомнить подробности... Кажется, я очень испугалась остаться без дочери – няньки на старости лет... Но главное, в моей бедной головушке замелькали ее отличные отметки в дневнике, перспектива института... возможная карьера... – она всхлинула. – Вот что я поняла во время долгих бессонных ночей почти сразу после трагедии... А тогда, порезав о камень стопу, я кое-как все же вытащила Светку на берег. Она, видимо, нахлебалась много воды и уже закатила глаза. Я принялась давить ей на грудь, как нас учили на анатомии, била ее по щекам и изо всех сил кричала, чтоб она меня не бросала!.. А едва она закашляла, повернула ее на бок и кинулась к каменной гряде. Но тебя там уже не было... Потом поисками занялись милиция и водолазы – все бестолку... Помню, первые месяцы после несчастья я почти ежедневно приходила на берег и всматривалась в каждый кустик у реки...

Через тамбур в следующий вагон прошли двое мужчин в военной форме, с любопытством взглянув на сидящего бомжа и отвернувшуюся к окну женщину... Валентина Алексеевна вновь отхлебнула валокордина и, поморщившись, обтерла губы носовым платком.

– Конечно, – задумчиво проговорил горбун, – сестренка была умница... да и красавица, не то, что я, полуинвалид с детства...

– Ты имеешь полное право меня ненавидеть...
 – Кстати, как она? – будто не услышав ее последние слова, спросил он. – Наверное, счастлива: мужа, дети?..

– Увы, ни то, ни другое...

– Почему?

– Она в восемьдесят третьем сбежала за границу и до сих пор там околачивается. Связалась то ли с мафией, то ли с сутенерами. Да еще все пузо себе раскроила абортми...

– Жаль... А вообще, очень бы хотелось ее повидать. Смутно помню ее косички с бантиками и улыбку до ушей. Особенно, когда запускали воздушные шарик... Но только краешком глаза, чтоб она меня не заметила. Иначе помрет со страху...

Валентина Алексеевна опустила голову:

– Как-то она мне написала, что, мол, брату просто не повезло: все хорошее и плохое в жизни – дело случая, «фартуны». Только я в это не верю, во всяком случае с недавних пор. Господь меня не зря припечатал к стене: пожалела более здоровую и «перспективную» дочь, желая выгоды исключительно для себя, – получи непутевую Светку и одинокую старость!.. А если бы со мной остался ты, – она обернулась, – вдруг все получилось бы иначе? Ведь ты рос пускай застенчивым, «непробивным» что ли, но таким добрым и ласковым!..

Горбун махнул рукой:

– Глупости... Все мы, взрослея, становимся хуже, поскольку начинаем видеть изнанку жизни...

– Нет, я теперь поняла: Бог спас мою душу ценой твоих многолетних страданий... Господи, ведь я последние годы только тем и утешалась, что представляла тебя на небесах в виде ангелочка в райском саду, куда попадают не познавшие греха детишки... Не ведаю, сколько мне осталось дней, но теперь точно знаю, для чего мне жить. Прежде всего, ты отмоешься и пострижешься. Потом я тебя как следует накормлю и уложу спать. Затем ты проверишься у врачей. А дальше я использую... постараюсь наладить свои прежние связи и устрой тебя на работу, пусть не очень прибыльную, но для тебя посильную... Вечерами мы будем вместе молиться Богу и вспоминать твое детство – только самые хорошие его моменты! У меня даже осталось несколько фотографий той поры...

Мужчина усмехнулся:

– Представляю, как Ваши соседи и знакомые начнут перемывать Вам косточки – мол, бабка на старости лет рехнулась: калеку-хахаля к себе привела. Ведь никто же не поверит в сказку о чудесном воскресении утопленника. А со временем, я убежден, Вам станет за меня просто стыдно: это только грязь можно смыть, а верблюжий подарок, – он кивнул головой назад, – никогда! Он мне дан до самой могилы... Да и вообще, ни к чему все это: я известный в округе Гаврила Горбатый; у меня всегда найдется крыша над головой, кусок хлеба и «Портвешок». Чего мне еще желать? А насчет воспоминаний... Это тоже счастье – носить в сердце свою тай-

ну: раскидистые березки вдоль берега, чайки над рекой. И Ваши ладони, кои расчесывали нам со Светкой наши мокрые волосы, когда, искупавшись, мы лежали с ней бок о бок на горячем песке...

– Нет, теперь мне на все мои «выгоды» глубоко наплевать. Я сделаю для тебя все, что в моих старушечьих силах! Даже если ты не перестанешь меня осуждать до самой моей смерти!..

Двери открылись, и с улицы вместе с пассажирами вошла продавщица с огромной корзиной сладостей... А когда она захлопнула за собой дверь вагона, бородач поднялся, взял в руки гармонь и, с улыбкой взглянув в лицо своей собеседницы, сказал:

– Хорошо. Если Вам хочется сделать для меня добро, купите мне шоколадку: честно говоря, я с самого детства ничего подобного не ел.

– Конечно, – она растерянно засуетилась, – я сейчас...

Вынув кошелек из своей сумки, лежавшей в углу, Валентина Алексеевна кинулась в вагон и помчалась за продавцом; споткнулась о ножку сиденья, упала, снова поднялась... А когда через некоторое время буквально влетела в тамбур с плиткой шоколада и пакетиком карамелек в руках, там никого не оказалось. А на ее сумке лежал помятый лист картона. Быстро схватив его, Валентина Алексеевна увидела написанное синим фломастером:

ПРОСТИ МЕНЯ, МАМА

Двери электрички захлопнулись.

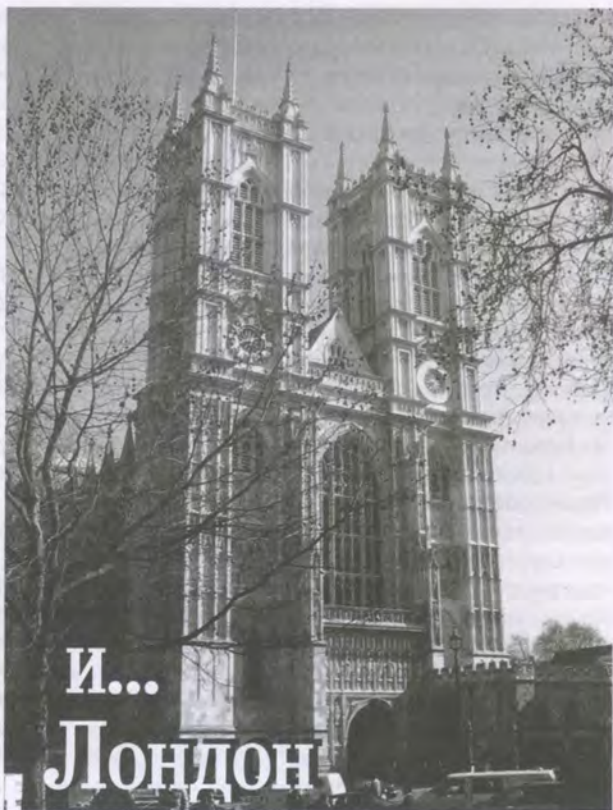
– Юрочка! – Она прильнула к окну. – Сынок!

Состав тронулся, и вскоре за окном снова замелькали почерневшие от сырости сосны...

Верхний Уфалей

И... Лондон

Что, казалось бы, общего между ними? А общее есть! Впервые эту историю я услышал в 1951 году, когда учился в шестом классе. Однажды друг соседа Степана Васильевича Гудкова рассказал мне, что здание английского парламента в Лондоне сто пятьдесят лет назад покрыто железом, которое катали у нас в прокатке на Верхне-Уфалейском заводе («прокаткой» тогда называли листопркатный цех металлургического завода). Я тогда не поверил: чтобы наш маленький городок, каких сотни, тысячи в стране, был известен в столице крупнейшего и могущественного государства!

Но вот однажды мне в руки попала книга челябинского писателя К.Шишова «Взрыв». Читаю новеллу «Прошлое». «Как явственно я слышу твой негромкий взыскующий голос, – пишет К.А.Шишов. – В маленьком городке Уфалее на демидовском (никакого отношения наш завод к Демидовым не имел. Просто все старые заводы Урала называли... демидовскими. – М.А.) заводике, что стоит в низинке под намывной плотиной, обследовал я старенький закопченный цех. (К слову сказать, плотина наша была не намывной, а сложенной из бутового камня еще в XIX веке, а может и раньше. – М.А.) Двести лет катают в нем один и тот же кровельный лист, неказистый на вид, с подпалинами и маслянистыми пятнами. Я наблюдал, как, затаив дыхание, прокатчик в маске из

провода, стоя в полуметре от бешено вращающихся валков, ловко хватает клещами раскаленную болванку – «сутунку».

– Уральский способ прокатки, – отворачивая лицо от жары, кричит мне инженер. – Таким листом даже английский парламент крыт.

Стоит на Темзе стрельчатый замок закона. Заседает в нем десятое поколение скептиков и хронистов. И десятое поколение не ржавеет тонкое уральское железо, что покрывает добротное помещение палаты лордов».

Но Лондон далековато-таки от Урала, что и как там, точно мы не знаем. А вот в Каслях в 1986 году наш знакомый «дедка Петр» рассказал очень интересную, на мой взгляд, историю. «В конце 1915 года, – начал дедка Петр – ездили мы с отцом в Верхний Уфалей за кровельным железом. А в апреле 1916 года покрыли крышу дома этим железом. И до 1922 года то железо было как новенькое, и только в августе его покрасили в первый раз. Во второй раз я покрасил крышу в 1940 году. И до самого мая нынешнего года она не протекала. Майскими днями перекрывали ее, обрезав замки листов (места соединения листов. – М.А.). Семьдесят лет простояла крыша без ремонта».

Мастерство безымянных рабочих, качество их работ говорит само за себя. Из любопытства я сходил, посмотрел на крышу, вновь крашенную су-

риком. Щупал обреза листов. А дедка Петр опечалился, узнав, что нет больше ни «прокатки», ни его оборудования.

А с какой болью говорит об этом К.А. Шишов в своей книге «Наследие отчего дома». «В Уфалее, на заводе по ремонту металлургического оборудования, закрыли цех, оснащенный станами середины XIX века. В них катали раскаленную сутунку – заготовку листа для кровель. Этой жстью, прокованной затем под молотами, согласно легендам, крыли даже собор Парижской Богородицы и Вестминстерское аббатство. Она не ржавела столетиями, благодаря березовым присадкам, которыми ее очищали во время прокатки. Труд был ручным, тяжелым. Перед закрытием цеха, проработавшего полтора столетия, ветераны завода обратились к администрации с просьбой организовать в нем музей для молодежи. Они дорожили каждой машиной, родословная которой уходила в далекое прошлое, – огромным маховым колесом в пятнадцать тонн (по другим данным, уникальный маховик бывшего листопрокатного цеха УЗММ в диаметре был 10 метров, а вес его достигал 310,5 тонн. Скорость его вращения была 300 оборотов в минуту. Отливали его в единой форме на нашем заводе в середине XIX века. – М.А.), сделанным настолько точно, что

Вестминстерское аббатство

пережил он и ременный привод (т.е. – лошадиный. – М.А.), и водяной, и паровой, работал даже от электропривода».

Но, к сожалению, все это оборудование пошло в переплавку. Исключение составляют фрагменты маховика-гиганта и одна из прокатных клетей, установленные на берегу пруда. Они образуют так называемый «музей старой техники под открытым небом» около здания заводоуправления.

ЧИТАЙ ВЫБИРАЙ ПУТЕШЕСТВУЙ

Единственная еженедельная
туристическая газета на Урале

Подписка по каталогу "Роспечать" в любом
почтовом отделении

Подписной индекс 19234

+7 (343) 376-59-59, 376-59-60 www.osm-ekb.ru

Зеленое солнце

Он увидел его совершенно случайно, через плечо, сквозь окно своего садового домика, когда утром в половине седьмого встал, чтобы выпить чаю.

Оно только что поднялось из-за горизонта и ярко светило сквозь редкие ветви сосен, стоявших на краю поляны. Или воздух в это чудесное, теплое летнее утро был исключительно бирюзовым, или сосновая хвоя дала такой эффект, но Алексею Степановичу необычно ласково, приятно и празднично улыбнулось нежно-зеленое светило. Он повернулся и подошел к окну. Через всю поляну, от солнца к дому, к большому чистому окну и даже, казалось, к его лицу тянулись зеленые лучи, как прекрасные нежные руки любящей женщины. Вся картина, созданная щедрой природой для человека, вызвала почти нереальное, сказочное, головокружительное чувство безграничной радости и небывалого счастья.

Алексей Степанович постоял, подумал и вдруг вспомнил, что ждал этого момента так долго...

Он вычитал еще в юности в какой-то книжке про пиратов, авантюристов и романтиков, что если кто-то увидит на восходе или закате хотя бы на миг зеленое солнце, то будет счастлив на всю оставшуюся жизнь. А он, молодой, подающий надежды ученый, жизнерадостный, полный сил и энергии, хотел счастья и страстно мечтал о нем. Правда, он не представлял себе, какое оно и как выглядит, но был уверен, что как только оно придет, сразу его узнает.

И Алексей Степанович ждал счастья, стоя ясными зимними закатами у окна своей секретной лаборатории, в которой он разрабатывал что-то такое химическое, благородное, оборонное и очень нужное стране. Из его окна на втором этаже лабораторного корпуса видны были только закаты и только зимой в промежутке неба между двумя другими зданиями. Он ловил эти моменты и ждал счастья.

А жизнь шла своим чередом, год за годом. Молодой специалист – инженер, старший инженер, младший научный сотрудник. Ступенечка за ступенечкой. Упорный, тяжелый научный труд химика-

органика. Опыты, опыты, сотни опытов. Все режет минуты ожидания у окна...

Семья, дети. Научный сотрудник, старший научный сотрудник...

Нет семьи, дети где-то уже далеко. Один...

Защита диссертации, поздравления коллег-ученых, пожелания дальнейших успехов на научном поприще. Зрелый ученый...

Жизнь катила дальше. Снова упорный труд в лаборатории, авторитет, командировки. Вокзалы, аэропорты, города, институты, заводы, фабрики. И всегда люди, ждущие его, много людей. Встречи, дела, совещания, научные конференции, доклады и просто разговоры за жизнь. Он помогал, и люди делали так, как он предлагал. Не всегда сразу, иногда трудно, со спорами и нервотрепкой. И многое получалось, и все были довольны. Но не более. Рутинность, текучка, обыденность, серость, усталость... Особо выдающихся событий вокруг него или в душе не происходило. Таких вот, от которых вдруг и небо стало бы ярче, и солнце зазеленело бы вестником счастья, и многоцветная радуга разметалась бы во всю ширь, и душа, переполненная светом, ясностью, чистотой и любовью, рванула бы ввысь, к зеленому солнцу. И чтоб почувствовать, что жизнь прекрасна. Вот просто прекрасна – и все тут! Это и есть, наверное, счастье. Ну, и где оно? Где счастье? Нету! Или не заметил. Кто его знает.

Алексей Степанович год от года ощущал только нарастающее давление жизненной усталости и вот теперь, к 60 годам, он, увидев восходящее зеленое солнце, не почувствовал никакой радости, а уж тем более счастья, а только равнодушно отметил в сознании сам факт.

– Ну, солнце, – пробормотал он, – ну, зеленое, ну и что?

И сел пить чай.

Награды

Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

В подавляющем большинстве субъектов Российской Федерации в 90-х годах прошлого века в подтверждение и закрепление «взятого суверенитета» велась активная работа по созданию собственной государственной атрибутики. В результате во многих регионах были разработаны и утверждены официальные символы – гербы и флаги. Но в некоторых субъектах Федерации пошли дальше и ввели собственные награды и почетные звания.

Так, например, в Республике Калмыкия 7 августа 1993 года была установлена высшая степень отличия – звание Герой Калмыкии для присвоения «...за личные заслуги, связанные с совершением геройского подвига, за трудовой героизм, особо выдающуюся новаторскую деятельность, значительный вклад в дело процветания Республики Калмыкия – Хальмг Тангч». Причем лицу, удостоенному этого высокого звания, должен был вручаться еще и орден «За заслуги перед Республикой Калмыкия – Хальмг Тангч» (известен также, как «орден Белого Лотоса»), изготовленный из платины и украшенный бриллиантами и рубинами.

Целый комплект орденов был учрежден в 1999 году в Республике Башкортостан: «За заслуги перед Республикой Башкортостан», «Дружбы народов» и «Салавата Юлаева». Кроме того, введен знак отличия «За самоотверженный труд в Республике Башкортостан».

В Республике Саха (Якутия) в систему наград входят орден «Полярная звезда», медали, а также почетные звания «Народный» (для деятелей культуры, искусства и литературы) и «Заслуженный» (за высокие достижения и особые заслуги в профессиональной деятельности награждаемых лиц).

Среди региональных наград – медали, самим названием говорящие об учредивших их субъектах Федерации: «Во славу Осетии», «За особый вклад в развитие Кузбасса», «Слава Адыгеи», «За заслуги перед Читинской областью» и т.д. Республика Ингушетия производит награждения орденом «За заслуги», Республика Тыва – медалью «За доблестный труд» и знаком «За достижения в культуре», Московская область – знаком «За полезное»... В Чеченской республике, уже имеющей в своем активе медаль Лермонтова «с мечами», разрабатываются орден Ахмата Кадырова и медаль «За гражданское мужество».

Практически все регионы учредили звания почетных граждан, с вручением нагрудного знака или

без него. К региональным наградам также относятся почетные грамоты, благодарности и благодарственные письма, вручаемые от имени высших должностных лиц и органов законодательной власти субъектов Российской Федерации.

И если для гербов и флагов регионов обязательным является представление их на рассмотрение Геральдического совета при Президенте Российской Федерации и внесение в Государственный геральдический регистр, то для региональных наград такая процедура пока настоятельно рекомендуется. Основное же условие, необходимое для работников таких наград – соблюдение ч.2 ст.17.11 «Кодекса Российской Федерации об административных нарушениях», в которой запрещается учреждение или изготовление знаков, имеющих схожее название или внешнее сходство с государственными наградами России. Нарушителей ждет административная кара, правда, не очень суровая: штраф от трех до пяти минимальных размеров оплаты труда (МРОТ) – для граждан и от пяти до десяти МРОТ – для должностных лиц. Одновременно применяется и конфискация изготовленных знаков.

Среди субъектов Федерации в пределах Уральского федерального округа наиболее разработанной системой наград и почетных званий располагает Ханты-Мансийский автономный округ – Югра (ХМАО-Югра).

Над разработкой окружных наград с 1995 года трудился коллектив ученых, художников и сотрудников администрации ХМАО-Югры. Специально созданная комиссия рассматривала многочисленные предложения, пожелания и замечания граждан, коллективов и органов местного самоуправления. Проекты наград прошли конкурс в два тура.

5 ноября 1997 года Дума автономного округа приняла Закон «О наградах и почетных званиях Ханты-Мансийского автономного округа». Согласно статье 2 Закона, награды ХМАО-Югры являются высшей формой поощрения за выдающиеся заслуги в деятельности, направленной на обеспечение благополучия автономного округа и рост благосостояния его населения, высокое профессиональное мастерство и многолетний добросовестный труд, признание выдающихся заслуг в сфере общественной и государственной деятельности по защите прав человека, укреплению мира, развитию экономики, науки, техники, культуры, искусства, за значительный вклад в области образования, здраво-

охранения, охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, за иную деятельность, способствующую всестороннему развитию автономного округа – как субъекта Российской Федерации.

В 1997 году были введены 16 почетных званий автономного округа:

- «Почетный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный работник нефтегазодобывающей промышленности Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный геолог Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный эколог Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный строитель Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный работник лесной промышленности Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный работник рыбного хозяйства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный юрист Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный работник образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный работник здравоохранения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный экономист Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный архитектор Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный работник социальной защиты населения Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный деятель культуры Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»;
 - «Заслуженный деятель физической культуры и спорта Ханты-Мансийского автономного округа – Югры»,
- а также звание «Лауреат Премии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» (шесть номинаций).

Уже в 1998 году этот список дополнился почетным званием «Заслуженный работник сельского хозяйства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Одновременно был учрежден почетный нагрудный знак «За активную работу с молодежью».

Знак к званию почетного гражданина ХМАО-Югры представлял из себя настольную медаль в футляре. А нагрудные знаки к иным почетным званиям – прикрепленные к колодке медали различной формы с индивидуальным «отраслевым» изображением. Так, медаль для заслуженных юристов имела форму геральдического щита, для деятелей науки и образования – открытой книги, для

строителей – пятиугольника (контур дома), для экономистов – шестиугольника, лауреатская – круга и т.д. Крепление на колодке булавочное.

Стоит заметить, что, например, в Читинской области в 1997 году был учрежден общий для 32 специальностей, прописанных в положении о почетных званиях, нагрудный знак «Заслуженный профессиональный работник Читинской области».

В 2002 году внешний вид наград ХМАО-Югры претерпел серьезные изменения. Знак почетного гражданина стал представлять собой звезду с изображением герба автономного округа. Появилась возможность носить его на шейной ленте. Нагрудные знаки к почетным званиям стали более тяжелыми, без колодок, с винтовым креплением. На знаках в обрамлении золотистых еловых венков с шишками расположены стилизованные изображения, соответствующие отраслевому наименованию почетного звания. Вверху знака – накладное изображение герба округа.

Кроме того, в этом же году были учреждены медаль «Материнская слава» и знак «За заслуги перед округом», введены почетные звания «Заслуженный работник транспорта Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» и «Заслуженный работник связи Ханты-Мансийского автономного округа – Югры».

В 2004 году введены звание «Почетный оленевод Ханты-Мансийского автономного округа – Югры» и почетный нагрудный знак «За вклад в развитие законодательства».

Часть нагрудных знаков к почетным званиям образца 1997 года была заказана на Московском монетном дворе (лауреатская, для заслуженных работников образования и здравоохранения, деятелей культуры, деятелей физической культуры и спорта). На оборотной стороне этих знаков выгравированы порядковые номера, а колодка обтянута муаровой ленточкой цветов флага автономного округа. Остальные знаки изготовлены московским предприятием «Орел и К°» (Ассоциация русской символики «Марс»), порядковых номеров не содержит, колодка покрыта эмалью тех же цветов. Нагрудные знаки образца 2002 года также изготовлены предприятием «Орел и К°». Во всех случаях использованы медесодержащие сплавы с использованием посеребления, позолоты и горячей эмали.

Наград и почетных званий ХМАО-Югры могут быть удостоены граждане Российской Федерации, имеющие место проживания и работы в автономном округе не менее 15 лет. Иностранцы граждане и лица без гражданства, а также граждане Российской Федерации, имеющие место проживания и работы в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре менее 15 лет, также могут быть удостоены наград и почетных званий Ханты-Мансийского автономного округа – Югры по особому представлению окружной думы или губернатора округа.

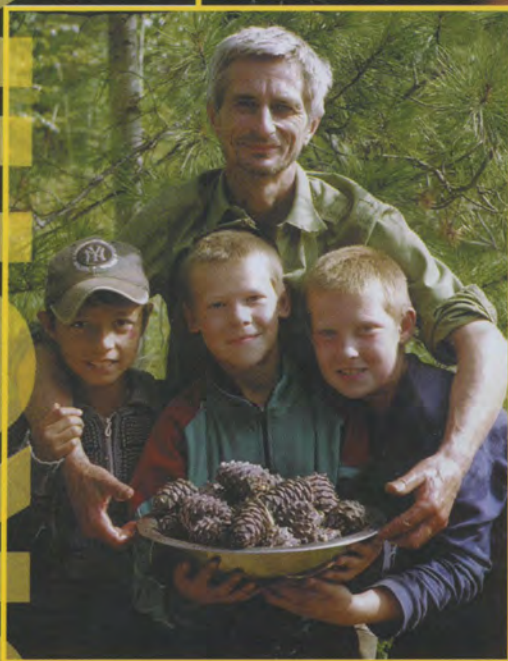

Как правило, представление и последующее награждение приурочивается к празднованию Дня образования автономного округа – 10 декабря.

Награждение наградами и присвоение почетных званий – прерогатива губернатора округа. Он же определяет условия, размер и порядок предоставления установленных законом ХМАО – Югры гарантий и льгот лицам, удостоенным наград и почетных званий. А они достаточно существенные. Так, награжденным предоставляется право на скидку по оплате коммунальных услуг при условии проживания с надлежащей регистрацией в населенных пунктах ХМАО – Югры. А к медали «Материнская слава» и знаку «За заслуги перед округом» по-

лагается единовременное денежное вознаграждение.

Среди жителей округа, получивших звание «Почетный гражданин Ханты-Мансийского автономного округа» – Герои Социалистического Труда Муравленко В.И. (бывший начальник Главтюменьнефтегаза), Попов П.В. (ветеран лесной промышленности округа), Салманов Ф.К. (бывший начальник Главтюменьгеологии) и олигархи Алекперов В.Ю. (президент НК «Лукойл»), Вайншток С.М. (президент ОАО «АК Транснефть»), национальные писатели Конькова А.М., Шесталов Ю.Н. и руководители округа Филипенко А.В. (губернатор) и Сондыков В.С. (председатель Думы). Всего в 1997–2005 г.г. этого почетного звания удостоены 28 человек.

Рассматриваются работы, удовлетворяющие следующим требованиям:

1. Соответствие темам:

- * Урал – горная страна
- * Городской пейзаж
- * Мы – уральцы
- * Заповедные земли
- * На грани...

*** По следам предков**

2. Предоставление информации о снимках:

- * Устойчивое название снимка, краткое пояснение
- * Дата съёмки (если известно)
- * Район, запечатлённый на снимке, если это важно
- * Объект (если известно)

*** Персонаж (если известно)**

3. Информация об авторе

- * ФИО Автора, почтовый адрес, контактный телефон
- * Указать характеристики используемой фототехники и др. обеспечения

4. Формат снимка

не менее 300 x 200 мм (желательно приложить слайд или негатив)
или файлы, записанные на CD-R, DVD в формате .jpg 3072 x 2048, tif 300dpi 200 x 300.

Итоги конкурса подводятся 1 раз в полугодие по каждой теме с публикацией снимков-победителей. Призы от спонсоров.

Снимки высылаются на адрес редакции заказным письмом с пометкой "ФОТОКОНКУРС". Присланные работы не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право использовать снимки, предоставленные на конкурс для публикации.

Часть фотографий, присланных на конкурс, размещаются на сайте photo.uralstalker.ru

МЫ - УРАЛЬЦЫ!

Победитель фотоконкурса Сергей Поляков

«Чайник» на обочине

Записки очевидца

Для многих молодых людей автостоп всегда был наиболее популярным и дешевым способом передвижения из «пункта А в пункт Б». Для тех, кто постарше и посерьезнее – это глупый безусловный риск. Среди молодежи Питера и Москвы автостоп в настоящее время более востребован как вид спорта (команды договариваются встретиться в каком-либо городе в определенное время; побеждает та группа, которая доберется раньше). Для нас с подругой автостоп был белым пятном на карте развлечений, поэтому отпуск мы решили провести именно таким образом.

Немного теории для успешной практики

Следуя советам более опытных друзей-стоперов, кроме одежды, фотоаппарата и прочих стандартных дорожных вещей, мы взяли с собой атлас автомобильных дорог и фонарик. Атлас нужен был, чтобы ориентироваться на федеральных трассах и не заехать случайно на грунтовку, ведущую к какому-нибудь поселку Верхние Суслики. А с помощью фонарика можно привлечь внимание водителей, оказавшись на дороге в темное время суток.

Также бывалые люди рекомендовали захватить туристическую пенку, спальный мешок и палатку – мало ли где застанет ночь. Но, пожалев свои плечи и понадеявшись на теплую погоду и добрых водителей, этими рекомендациями мы пренебрегли.

Кроме того, вдвоем на трассу мы отправились не только потому, что так веселее, но и из соображений элементарной безопасности. Да и по неписаным правилам стоперов двое – оптимальный вариант, потому что троих человек водители подвозят неохотно, а ехать одному на самом деле более рискованно.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

В «стоперском» дуэте, как и во многих других командно-сотруднических отношениях, существует разделение труда (мы сделали так же) – один «ловит», зато другой всю дорогу развлекает водителя беседой.

Начинать же «стопить» машины следует за чертой города. В этом случае водители яснее понимают, что вопрос оплаты за проезд можно даже не поднимать.

По дороге с облаками

Наиболее позитивное ощущение (со временем дошедшее до эйфории) от выхода на трассу – свобода и возможность выбора. Мы больше не зависели от расписания общественного транспорта, никуда не опаздывали, никуда не торопились.

Впрочем, не следует думать, что все водители были счастливы нас подвезти и выстраивались в очередь, создавая пробки. А тем, кто все же останавливался, мы говорили:

– Здравствуйте, не подбросите в сторону (название города)?

Далеко не всегда водители ехали непосредственно в этот самый город. Вариации были разные:

– Да я до ближайшей развилки (заправки, поселка, поста ГАИ).

Мы радостно соглашались проехать даже пару километров, лишь бы двигаться вперед.

Бывало, и наоборот, шофер следовал через пункт, нужный нам, куда-то дальше и предлагал ехать с ним. Например, из Сызрани в Ульяновск нас вез забавный дядечка, который агитировал «плюнуть» на родину Ленина и проехать с ним за компанию в Казань. Мол, чего мелочиться, по соседним городам кататься, лучше на 500-600 километров дальше, зато мы увидим город с тысячелетней историей. Но перспектива оказаться в столице Татарии ночью нас не прельстила, и мы отказались.

А вот другому водителю удалось нас убедить не спешить в

Арзамас, а вместо этого заехать в Большое Болдино – село, где проводили время Пушкин и его няня. Мы сделали петлю в восемьдесят километров и увидели культовые места, где ступала нога Александра Сергеевича, на фоне типично болдинской осени в желто-оранжево-красных тонах.

Таким образом, дорога нам сама подкидывала дополнительные поводы для развлечений. Оставалось только выбирать.

Хотя, надо признать, иногда у дороги представления о развлечениях в корне отличались от наших отпускных идей.

«Тёмный» юмор мордовской трассы

Воодушевившись своими победами на автостопном фронте, мы самоуверенно нарушили одно из правил автостоперов – не выходить на трассу под вечер. «Что нам какие-то 220 километров на ночь глядя», – подумали мы, выезжая в восемь вечера в Саранск, столицу Мордовии.

До полуночи все шло хорошо, мы преодолели полпути, пообщавшись с колоритным бородастым священником на иномарке. Но в первом часу ночи дорога опустела, стало заметно прохладнее, и пошел дождь. Стоять на месте и мокнуть было как-то глупо, мысль топтать по трассе под

дождем нас тоже не прельщала, но мы резонно рассудили, что так мы хотя бы продвигаемся вперед, к цели.

В следующие час-полтора мы шли не совсем по прямой, скорее, зигзагом – от пьяных дальнобойщиков поступило настойчивое приглашение посетить их кабину, и мы были вынуждены прятаться в придорожных канавах то с одной стороны дороги, то с другой. В свете мокрой темной ночи картина складывалась удручающая. Две большие машины с прицепом медленно ползли, обшаривая широкими лучами фар местность на много метров вперед, а две хрупкие беззащитные девушки отсиживались в сырой высокой траве. Затем фургоны набирали скорость и скрывались за пригорком, разворачивались и ехали обратно. В тот отрезок времени, когда преследователи уезжали, мы могли идти дальше. Так продолжалось до тех пор, пока мы не устали бояться. Тогда мы просто сели на рюкзаки и стали ждать рассвета, либо какого-нибудь другого чуда.

И чудо случилось. В роли волшебников выступили три мордвина на грузовике с картошкой. Они прониклись нашим замученным видом и не только подвезли километров на тридцать до поселка Дубёнки, но и договорились со сторожем местного автомагазина, что он нас пустит в свою фанерную будку погреться до утра.

А утром, когда стало светло и нестрашно, нас подхватила первая же «Газель», и в девять утра мы уже были в Саранске.

220 километров оказались равны тринадцати часам и помогли вывести тезис: двигаться автостопом далеко не всегда просто и быстро даже на федеральных трассах.

Дорожные феномены

На первый взгляд кажется, что дорога может разделяться на хорошую и плохую только в плане асфальтового покрытия. Однако, как показали практика и рассказы шоферов, отдельные участки трассы живут по каким-то своим законам.

Есть особо аварийные отрезки, на которых автомобиль просто выходит из-под контроля, несмотря на исправность машины, погодные условия и качество дорожного полотна. В этом случае выручить может только мастерство и внимание водителя.

Кроме того, существуют такие подъемы и спуски, где как бы путаются законы физики, и вверх машина едет гораздо легче и быстрее, чем вниз.

С этими выкрутасами трассы нам не довелось столкнуться и, наверное, к счастью. А вот с более безобидным феноменом мы

повстречались. Это случилось на объездной под Владимиром. Ровный отрезок в сорок километров казался бесконечным. Как будто время растянулось, как эспандер. Эти сомнения мы высказали вслух, и водитель подтвердил, что здесь всегда так. Вроде и ездит он тут очень часто, и ехать около получаса, но ощущение того, что прошел уже не один час, проявляется каждый раз.

Впрочем, не все чудеса трассы имеют мистическое происхождение, например, на одном из отрезков Ярославской трассы вдоль дороги сидят совы, потому что мыши выбрали это место для пешеходного перехода.

Порой на дорогу выбегают зайцы, и если попадают в полосу дальнего света, то свернуть уже не могут и со всех лап несутся перед автомобилем. В этом случае судьба ушастого зависит от водителя. Добрый человек выключает фары, давая возможность «зачарованному» зайцу убраться в темноту.

А еще к дороге выходят лоси и кабаны. Но это, скорее, не феномен, а ошибка природы.

Хорошее и разное

Вернувшись живой и даже здоровой, я теперь могу со знанием дела рассуждать о плюсах и минусах автостопа.

Плюсы в возможности

- * самим выбирать маршрут и менять его в любое время;
- * познакомиться и пообщаться с абсолютно разными людьми (интересно, почему большинство из них слушают шансон?);
- * регулировать активность отдыха (например, идти пешком вместо того, чтобы ехать);
- * не тратить деньги на проезд в транспорте;
- * укрепить свои познания в географии.

Минусы

- * если путешествуют девушки, их порой принимают за придорожных жриц любви;
- * можно не рассчитать и замерзнуть, промокнуть или просто остаться ночевать на трассе (как мы под Саранском);
- * устают ноги. И плечи (если рюкзаки тяжелый).

Уже после возвращения мы пожалели, что не сфотографировали и порой даже не узнавали имена водителей, которые сыграли основную роль в нашем турне по тринадцати городам: подбрасывали нас, куда могли; рассказывали о достопримечательностях различных уголков России; кормили и просто хорошо относились.

Но кто знает, может быть, в следующем нашем путешествии мы с кем-нибудь из них пересечемся. Как показала практика, расстояние – понятие относительное.

Ледяное сердце Златовера

Повесть-сказка

ЧАСТЬ II

Глава 6

Соблюдайте технику безопасности

– Скажи-ка мне, Звен, саламандры бессмертны?
– Нет.

За сдержанной сухостью этого ответа я уловил все комплексы и разочарования не наделенных бессмертием народов Волшебной Страны.

– Мы живем даже меньше, чем вы, люди. Истрачиваем себя в огне. Такова специфика образа жизни. Редкий саламандр доживает до шестидесяти лет, может быть, только ведущий исключительно аскетическую жизнь.

Мы пробирались жарким сентябрьским полднем по краю брошенной деревни. Грохотали цикады в высоком бурьяне, плети дикого винограда карабкались вверх, скрадывая своей насыщенной багряной красотой рассыпающуюся кладку домов; на изгородях, подставив солнцу бронзовые спины, грелись неподвижные сонные ящерицы. Внизу, у подножия холма, широкий изгиб делала река. Я подозревал, что это – один из последних проблесков бабьего лета, краткая пауза ничегонеделания, позволяющая расслабиться во время Приключения.

– А магия у вас есть?

Звенигор покачал головой.

– Как же так? – искренне изумился я. – Самый, можно сказать, загадочный народ Волшебной Страны, и на тебе! Нет магии? Звен, ты меня морочишь.

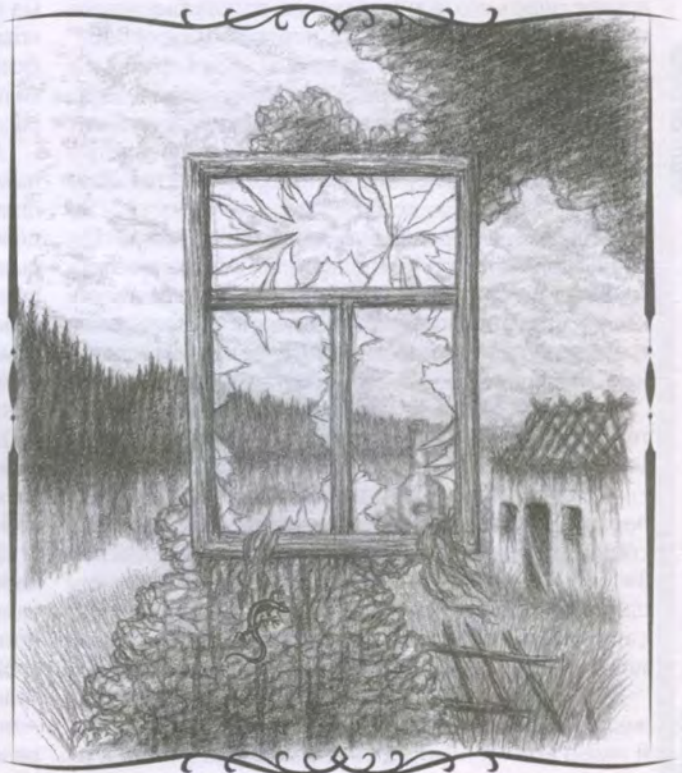
Сказав, я уже знал, что несправедлив к другу. Волшебные существа не владеют магией, поскольку не обладают собственной

энергетикой. В сущности, они сами являются плодом магии. Они способны быть посредниками при ее явлении, как, например, гномы, создающие общепризнанные волшебные артефакты, но они никогда не были ее источниками. Они способны лишь брать, и только люди могут отдавать свое.

– Ты любил своего отца? – вдруг спросил Звенигор.

Я изумленно обернулся. Я полагал почему-то, что только я сам здесь задаю вопросы, однако выяснилось, что и саламандра интересуют какие-то аспекты личных отношений.

– Конечно, – искренне ответил я. – Но, понима-

(Продолжение. Начало в № 10, 2005)

ешь, я слишком мало его знал. Мне было только шесть лет, когда этот, – я свирепо ткнул пальцем в небо, – потребовал отца в свою Облачную Цитадель. Как ты знаешь, ему не противятся. В сущности, вместо живого отца я знал героя Белой книги. Почти канонизированную легенду.

– Не очень-то дружелюбно ты настроен к Люите-ну, верно?

– Верно, – жестко обронил я. – Одно время я его бешено ненавидел. Мне казалось, что такая значимая фигура не имеет права быть настолько бестактной, равнодушной и жестокой. Потом... потом мне стало его немного жаль. Звучит глуповато, правда? Но я думал, что его, в сущности, никто искренне не любит. Сильных не любит никто, я имею в виду – таких сильных. Им говорят: «Господи, дай!» И редко кто вспомнит: «Господи, спасибо!» И если он не любит, скажем, человечество, то разве человечество, по чести, не отвечает ему взаимностью? Ну, кто способен честно, просто так, бескорыстно, не авансом за обещанные блага любить бога? Да психология у нас не та!

– Ты все это к нему испытывал?

Я кивнул.

– Ну, а потом... Видишь ли, раз он создал небо и землю, тьму и свет, ненависть и любовь, Добро и Зло... Он ведь сделал и все это, – я обвел рукой вокруг себя.

Стрекот цикад на фоне тишины, блаженствующие ящерицы на камнях.

– И как-то незаметно я смягчился к нашему небесному карателю. Мне как-то пришло в голову, что если он вправе осуждать нас, то, наверное, и мы вправе судить его, а это уже какое-то подобие паритета. И кое-что он сделал чертовски здорово, правда?

– Я думаю о Златовере, – сказал Звенигор. – Для меня его слово непререкаемо. Я за него умру и убью. Он – источник моей жизни и моего права на власть. Но... иногда я думаю, что Златовер... не из тех, кто вызывает любовь.

Я обернулся, увидел, что Звенигор, наклонив голову, спрятал лицо, и догадался, что осознание этого факта до сих пор причиняет боль. Я не решился как-то комментировать его. Ситуация настоятельно требовала перемены темы на более легкомысленную.

– Звен, а эта ваша текучесть плоти при высокотемпературном воздействии... Я понимаю, это не магия, а физика. Ты любой облик мог бы принять?

Я ждал ответа с некоторым напряжением. Впервые, я никогда еще не встречал существ, способных к перевоплощению, а во-вторых... Ну, если Звенигор в состоянии сам проектировать свою внешность, понятно, почему он выглядит таким красавчиком. Но саламандр мигом развеял мои иллюзии.

– Перевоплощение происходит в соответствии с жестко заданными параметрами, – объяснил он. – Я имею конкретный, вполне узнаваемый облик в

ящеричном варианте и, будучи человеком, тоже не мог бы выглядеть по-другому.

Я вздохнул, немного разочарованный. С одной стороны, от меня ускользнула возможность ознакомиться с магией перевоплощения, магией не саламандра, а огня, если бы она имела здесь место, с другой – из-за того, что некоторым от рождения даром дается нечто, впоследствии привлекающее внимание особ противоположного пола. Судя по моему личному, и надо сказать, довольно-таки никакому, опыту, девушки должны были прямо липнуть к таким, как Звенигор. Честное слово, их разочарований даже жаль. Или... эй, братишка принц, а может, ты их не разочаровываешь? За время нашего продолжительного пути Звенигор во всем, что не касалось высокотемпературных воздействий, соответствовал представлениям об обычном человеке, а для химического анализа тканей не было условий. Ну, вот разве что расшитые тонкой золотой нитью перчатки он не снимал никогда, обмолвившись, что руки вечно мерзнут. Впрочем, даже если эта причина была истинной, я очень сильно подозревал, что она не была единственной: на среднем пальце левой руки Звенигора под перчаткой угадывалось утолщение. Оно вполне объяснялось, если предположить, что принц прихватил с собой в дорогу некую важную печатку, отсутствие которой ограничивало полномочия его честолюбивого дядюшки, а присутствие – удостоверяло личность Звенигора. Перчатки же сохраняли его скромное инкогнито.

Я вытряхнул из головы опасные мысли. Еще в Хайпуре однокурсники основательно промыли мне мозги насчет особенно присущего людям шовинизма в отношении межвидовых браков. При возникновении этой темы я до сих пор мучительно смущаюсь, но надо признать, что «аргументы» леди Рильки продвинули меня по дорожке преодоления предрассудков куда дальше, чем самый яростный спор.

Мы спустились вниз. Деревня была покинута давным-давно по неизвестной причине, крыши провалились, каменная кладка стен понемногу осыпалась, домовые, надо полагать, повывелись. Ни одного дымка не поднималось вверх в прозрачном безветренном воздухе, и все же мы были осторожны на своем продолжительном пути вниз, к воде. Мы максимально использовали кладки местности, с большой неохотой покидая надежное прикрытие кустарника и появляясь на открытом пространстве лишь тогда, когда этого никак невозможно было избежать. Даже если во всех этих предосторожностях не было ни малейшего смысла, они служили хорошей школой на будущее.

За рекой дымчатой громадой воздвигся лес, мы пересекли брод и углубились в полумрак, ориентируясь по мху на северной стороне стволов и положим южным склонам муравейников. Я знал парную тройку волшебных способов отыскивать дорогу, но знал и то, что засвечивать Могущество без нужды – опасно и глупо. Обозначив свою персону в сфере жизненных интересов разного рода Владык, я

рисковал навлечь на себя посторонние Приключения, которые, если даже и не представляют из себя серьезной опасности, могут увести в сторону от основного пути далеко и надолго, что вряд ли порядочно по отношению к герою, которого я взялся сопровождать.

Лес, могучий и темноватый, полный каверзного подлеска, не выказывал пока ни добрых, ни злых намерений.

– Найдем подходящую полянку, – сказал я, – и заночуем.

Мы блуждали дотемна, но не набрали даже на неподходящую, словно в этом лесу вовсе не было никакого просвета. Лошади выбились из сил, и темно так стремительно, что я заподозрил лес в затаенном коварстве: поди ухмыляется себе, только и дожидаясь ночи. Пугать Звенигора не хотелось, однако в голову поневоле полезли разного рода ужаски про упырей, дикую охоту, черный час, купальскую нечисть и так далее. Остро захотелось узнать, отчего опустела деревня.

Звенигор, лучше меня видевший в темноте, не проявлял никаких видимых признаков паники и ощутимо расстроился лишь тогда, когда я сообщил, что этой ночью огня лучше не разжигать. Без привычного источника силы саламандр чувствовал себя неуверенно.

Очень нервозно вели себя лошади, храпя и шаркаясь от каждого вполне безобидного куста. Мое обостренное волшебное восприятие находилось с лошадьми в полном согласии, распространенная мною по лесу незримая нить ощущений то и дело

испытывала боязливые прикосновения липких щупалец, отдергивавшихся прежде, чем я успевал распознать их природу. Я чувствовал себя мухой, тонущей в чернилах. Немудрено, что жители разбежались куда глаза глядят, если пастушок, припозднившийся в поисках коровы, или охотник, проблуждавший в этом лесу ночь, возвратились седыми, с безумием в опустевших глазах, и их бессвязные речи несли весть о безымянном ужасе, поселившемся в здешних краях.

– Интересно, – задумчиво сказал Звенигор, и я вздрогнул от звука его голоса, – этот страх – сам по себе, свое собственное главное оружие, или здесь есть нечто реальное, чего действительно стоит опасаться?

В самом деле, интересно. Просто отдельно взятый кошмар бессилён, если не пускать его в душу; только вселившись в нее, он способен причинить реальный вред. Однако, если и саламандр заговорил о страхе, значит дело тут не только в волшебным образом обостренных сенсорах Арти Клайгеля. Значит это действительно витает в воздухе.

Была еще одна удивительная особенность в этом дурном заколдованном лесу: полное отсутствие ночных голосов, шныряющей живности и дыхания ветра. Воздух был сухим и застоявшимся. Спертым, как в древнем погребке, пахнущим пылью и пустотой.

Внезапно лошадь Звенигора, которую он вел в поводу, взвилась на дыбы. Ржание ее было более похоже на полный ужаса человеческий крик. Саламандр повис на поводьях, я бросился ему на помощь и тем самым упустил свою кобылу, моментально скрывающуюся в ночи и несколько минут оглашавшую ее удаляющимися воплями.

И тут я взбесился. Какого дьявола я, волшебник, владеющий всей мыслимой экстрасенсорикой, трясусь тут, как деревенский пастушонок? Мне вовсе не улыбалось выбираться из этого леса пешком, а кроме того, я попросту люблю животных, лошадей – в особенности, за время пути успел привязаться к своей Касторке и подладиться под ее вредный характер, и ни за что не оставил бы ее на съедение незнакомому ужасу. Поэтому я даже раньше, чем успел как следует обдумать последствия, метнул ей вслед мысль, облеченную энергией поиска. Для этого пришлось снять блокаду со своего волшебного Могущества, открыть любой досужей нечисти, что на этот раз в ее владениях объявилась не беспомощная жертва, а кое-что того сорта, на чем и зубки можно обломать. Теперь, когда поисковый клубок следовал за Касторкой по кратчайшему пути, а конец магической нити, состоявшей из чистой энергии, находился в моих руках, я бросился следом, напрямик через кусты, ориентируясь по пульсациям своего волшебного поводка. Следом рванулся Звенигор, намотавший на кулак поводья своего Гейзера, чтобы тот не вдохновился дурным примером коллеги. Я вполне оценил этот акт верности, мне больше нравилось воспринять это именно так, а не в плане страха саламандра остаться тут одному.

Итак, мы с шумом ломились через лес: Звенигор – положась на свое зрение, а я – оставив всевозможные коварные преграды в виде оврагов, волчьих ям, канав и прочих прелестей на совести легендарной фамильной удачи. Не связанный сопротивляющейся лошадю, я двигался чуть быстрее, а потому именно моему лбу повезло с размаху врезаться в занозистую деревянную стойку, и ночь для меня расцвела поразительной красоты фейерверком.

Потом была продолжительная пауза, в течение которой Звенигор, да и я сам, пытались выяснить степень ущерба, нанесенного моему черепу, а после я недолго каялся (про себя!): мне следовало догадаться, что раз энергетическая нить показывает кратчайший путь, то, разумеется, она игнорирует на своем пути грубые материальные препятствия, не обладающие экранирующими свойствами, а именно: деревья, камни, строения и крупных животных. Она без задержки пронзает их, а вот я, невзирая на все свои таланты, лишен этой удобной способности.

Звенигор замотал голову Гейзера плащом, и, немного переведя дух, мы обнаружили, что местечко, куда мы попали, обоим кажется довольно странным. Концентрация затхлости, сухости и страха была здесь выше, чем где-либо по дороге. Звенигор шепнул, что в состоянии разглядеть здесь какое-то строение, громоздившееся во тьме сгустком тьмы еще более тягостной и зловещей, и менее всего эта штука походила на жилье. От нее тянуло холодом и нехорошим покоем, и на этот раз я подчинился, когда Звенигор коротко потребовал, в сущ-

ности, почти приказал зажечь огонь. В самом деле, если нам не удалось избежать попадания в эпицентр здешних ужасов, то, по крайней мере, помираться стоило, удовлетворив любопытство. В любом случае, после недавней нашей гонки по лесам только тупой не знал о присутствии здесь посторонних, а потому я с замиранием сердца, понимая, что от этого все изменится и прояснится, и не будучи по существу уверен, что действительно хочу раскрытия тайн этого леса, зажег в ладонях маленький шарик холодного белого огня. Потом еще и еще один. Подчиняясь моей воле, шарики взмывали вверх и прицеплялись к крыше строения, будто унизывая ее праздничной иллюминацией. И при виде картины, которая открылась нам в их ровном беспрепятственном свете, на наших головах зашевелились волосы. За свою, во всяком случае, ручаюсь. Страх во тьме был неведомый, нематериальный. То, что мы видели здесь... Это уже нельзя было назвать минутным помрачением рассудка, вызванным слабостью нервов.

Это был высокий помост с ведущей на него, словно на эшафот, разошедшей лестницей. По углам возвышались четыре столба, поддерживавших крытый щепой навес, один из которых я и попытался протаранить. Стен не было, и все это сооружение напоминало возведенную на скорую руку эстраду или танцплощадку. Станный, однако, разместился на ней оркестр. Гирлянда развешанных под самой крышей шариков создавала здесь причудливую сетку светотени, и вся постройка казалась временной, созданной для случайной надобности.

Вокруг стоявшего в центре площадки стола сидели трупы. Густая запыленная паутина накрыла их всех, вместе со столом, будто выброшенная единым взмахом гигантской руки, и сквозь нее были неясно видны черты: черепа, облепленные ссохшейся, истлевшей плотью; на пальцах, точнее на костях фаланг, некоторых мертвецов поблескивали драгоценные перстни. Я глядел на этот чудовищный хоровод, и в моем мозгу отчетливо, емко и целостно вставал хайпурский курс под названием «Магия и техника ее безопасности». Как оказалось, я был весьма силен задним умом.

– Как умерли все эти люди? – хрипло и очень тихо спросил за моим плечом Звенигор.

– Пойди и выясни! – огрызнулся я. – Стой!

Но было поздно. Мне не следовало забывать, что Звен – герой этого Приключения, а потому способен на любую героическую дурь.

Лестница визжала и стонала на всю округу, пока Звенигор, а затем и я поднимались по ней на «эстраду». Саламандр медленно обошел вокруг стола, пытаясь под пыльным покровом рассмотреть лица мертвых. Я с облегчением заметил, что он достаточно умен, чтобы ни к чему здесь не прикасаться. Самого меня больше интересовало, чем это все они занимались в момент смерти.

– Выражение лиц прочесть невозможно, – заметил Звенигор, – но в позах у них нет ужаса.

Я кивнул. Я тоже не обнаружил ничего, свидетельствующего о смертном страхе. Скорее, все эти люди были чем-то очень поглощены. Скажем, делом всей жизни. В их позах сквозило глубокое напряжение. В позах? Что такое странное было в их позах? Левое запястье каждого было сжато рукой соседа слева, а правая рука сжимала запястье соседа справа. Этот жест показался мне до боли знакомым, словно и самому мне приходилось проделывать такой фокус. Через секунду я вспомнил! Это же классическая позиция передачи магической энергии. Круг был замкнут. Все, в одночасье умершие за этим столом, были магами. Чем они тут занимались?

Я насчитал одиннадцать трупов за столом. Одиннадцать магов, ради какой-то надобности объединивших свои волшебные силы. Я слышал о таком методе в Хайпурском университете, правда, леди Джейн отзывалась о такой технике весьма сдержанно, утверждая, что преимущества ее спорны. В самом деле, если в формуле магической силы символ N, выражающий число участников, стоит в числителе, то в формуле интеллекта он же размещается в знаменателе, в корне опровергая поговорку: «Две головы лучше...» Лучше трех? Зримые здесь последствия доказывали, что леди Джейн мыслила здраво. Доколдовались. Я поежился, представив, какая чудовищная силища циркулировала по этому кольцу. «И горе тому, кто разомкнет...»

Поскрипывая разошлись досками настила, Звенигор шаг за шагом обходил круг мертвецов.

– Эй, Арти, – позвал он, став на мгновение невидимым для моих глаз, – это, кажется, по твоей части. Посмотри.

Заслоненное Кругом, в плетеном дачном кресле, опираясь на его спинку, зажатое подлокотниками с боков, стояло зеркало. На беглый первый взгляд – обычное, засиженное мухами мутное зеркало, в котором отражалась лишь ночь. Та же чудовищная смесь паутины и пыли свисала со спинки кресла. И я только через минуту понял, что же показалось ему здесь таким неестественным.

На сидении не было пыли.

Звенигор молча указал вниз, на грязный пол вокруг и под самим креслом. Саламандру тоже никак нельзя было отказать в наблюдательности, хотя он и не изучал магические науки. На полу, не затянутые сплошным пыльным ковром, отчетливо виднелись два симметричных следа: нечто вроде отпечатка треугольного копытца размером не более чем в полладони и на некотором расстоянии – круглая точка диаметром с мелкую монетку. Совершенно случайно я знал, на что это похоже.

– Женские туфли?

Через мгновение рассудок мой в панике заматался, как обезумевшая Касторка, и я с трудом удержал себя от первого острого порыва сигануть в кусты и нестись сломя голову прочь с этого места, где все внезапно стало очевидным. Я сжал плечо Звенигора.

– Ближе не подходи, – прошептал я. – И если хоть немного дорожишь жизнью, не отражайся в этом зеркале. И давай-ка, брат принц, тишком спускайся вниз, и будем мы с тобой сматывать отсюда удочки так быстро, как только сможем. Который сейчас час?

– Часов одиннадцать, я бы сказал, – с легким недоумением отозвался Звенигор. – Тебя тревожит полночь?

Я покачал головой. Названное Звенигором время совпало с тем, что показывали и мои собственные внутренние часы.

– Есть час и похуже, специально для черной ворожбы. Собачий час, перед самым рассветом, когда у ночи отрастают железные когти и дыхание ее ядовито. Они мертвы?

– Я думаю, уже сотни полторы лет.

– Круг, – сказал я. – А Круг-то не разомкнут! Энергия, которую они объединили, все еще носится по кольцу. И все еще та, кого они вызывали, в свое время появляется здесь. Видишь, она сидит в кресле, а сюда ставит ноги... в туфлях на высоком каблуке. Глупцы, они по своей воле связались с ней. Звен, ЭТО НЕ НАША СКАЗКА!

Мне попался умный герой. Звенигор решил отставить вопросы на более безопасное время, буде то для нас наступит. Быстро и настолько бесшумно, насколько это было возможно, мы спустились вниз, каждый со своей стороны взяли за стремяна Гейзера, чтобы не потеряться по дороге, я погасил свои фонарики, и мы спокойным быстрым шагом, в котором проку было куда больше, чем в давешней безумной гонке, очень по-деловому двинулись прочь от здешней жути. Я подумал только, что если бы мы не неслись сломя голову за сбежавшей Касторкой, то подгадали бы в эти края в аккурат к самому черному часу. У хоровода за столом был верный шанс пополниться до дюжины.

Кстати, о Касторке. Ей, видимо, ворожил тот же бог, что бережет младенцев и пьяниц. Уже на рассвете, когда стало ясно, что нам удалось вырваться на безопасное расстояние от места, где властвовал Круг, возглавляемый Той, Что Выходит Из Зеркал, мы нашли лошадь, обессиленную истерикой и мелкой дрожавшей в кустах, которыми густо порос край глубокого оврага. Я освободил ее и внимательно поглядел на Звенигора. Тот был бледен и неестественно спокоен. «Спишем на ночной кошмар?» – подумал я. Мне еще не верилось, что нам повезло остаться в живых и в здравом рассудке. Я машинально почистился от пыли. ТОЙ ЕЩЕ пыли.

– Сказать по правде, – признался я, – мне очень не терпится добраться до жилых мест. Я прямо-таки жажду взглянуть в живое лицо ни о чем таком не подозревающего человека.

– А я, – вздохнул Звенигор, – мечтаю о кузнечном горне.

Тот самый Джек

Безумно утомленные ночной гонкой и совершенно обессиленные страхами, нахлынувшими опоя, что, кстати, говорят, отличает действительно храбрых людей, мы выбрались, наконец, из леса и к полудню набрели на первое жилие место. Увидев ферму, над которой в прозрачном осеннем небе плыл и таял сизый дымок, мы согласились, что наши лошади, да и мы сами нуждаемся в отдыхе и расслаблении. Кроме того, рассудил Звенигор, имело смысл предупредить хозяев, что хотя и не под самым их боком, но все же в неприятной близости завелось опасное соседство.

На холм, где раскинулась ферма, бежала утоптанная тропинка, кое-где отмеченная недавно проходившей коровой. Сверху, со двора, доносился размеренный стук топора. Пахло свежими опилками, иногда резко взвизгивала пила. Когда мы поднялись к воротам, то через плетень разглядели бродящих по двору гусей и кур, а среди них – розовощекого господинчика без штанов, лет трех от роду. Еще во дворе виднелись круглый колодец с высоким каменным кольцом бортика и пять гигантских пней под самым окном. Рядом с постройками, небольшими и довольно-таки ветхими, стоял новый сруб из золотистых лиственничных бревен. Сборка была в самом разгаре, прерванная для минутного перекура, последнее бревно одним из концов еще упиралось в землю, другой уже поднят был на верхний край, где-то на уровень человеческого роста. Здесь еще много предстояло работы. Двое работников пилили на доски другое бревно, укрепленное в высоких козлах. В очертаниях сруба уже вполне определенно просматривалась будущая планировка нового дома.

Несмотря на усталость и голод, я никак не мог оторвать глаз от картины строительства: я имею к этому делу генетическую привязанность. Человек строил дом для себя и семьи, для сына, исследующего двор в компании сосредоточенных кур, для хозяйки, чье присутствие угадывалось по горшкам, заботливо развешенным для просушки на кольях плетня, по ярко вышитым занавесочкам. Старый дом глядел на мир тщательно промытыми окнами. И вот этому-то апофеозу мирного существования угрожает какая-то заведшаяся в здешних краях нечисть.

– Дальняя была дорога, ребятки? – окликнули нас из-за овина, и, повернув головы, мы встретились глазами с хозяином, выходящим навстречу.

Это был мужчина лет этак за сорок, может, даже ближе к пятидесяти, высокий и

крепкий, как лиственничная плашка, в белой, но грязной сорочке, с загорелой грудью, поросшей черным волосом, видимой в распахнутом вороте. Потертые до блеска рабочие штаны поддерживались подтяжками, черные с проседью кудри были припорошены опилками, и что-то имелось в нем такое неуловимое, отчего мы сразу поняли, что перед нами – хозяин. Был он, как ни странно, тщательно выбрит, и хотя над глазами нависали косматые черные брови, глаза под теми бровями блестели приветливо, и взгляд у него, в общем, был добродушный. А еще у него был сломанный нос.

– Дальняя, – согласился Звенигор, – но главная даль еще впереди. Два дела у нас к вам, хозяин.

– Слушаю.

Хозяин подошел ближе и со своей стороны оперся о плетень.

– Во-первых, не позволите ли нам заночевать на вашем сеновале? Мы больше суток в пути.

– В доме есть место, – пожал плечами хозяин. – Я добрым гостям рад, а дурные пускай поберегутся.

– Дурные ли гости те, кто приносит дурные вести?

Хозяин смерил нас пристальным взглядом.

– У вас такой вид, будто вы бегом бежали всю ночь. От дурных вестей? Заводите коней во двор, не то они сию минуту издохнут, а о прочем поговорим после обеда. Эй, – он обернулся к дому, – Веселина, Фиорика, у нас двое гостей к обеду! Кстати, меня зовут Джек.

Когда лошади получили все свои лошадиные

удовольствия, и мы со Звенигором смыли, наконец, дорожную и «прочую» пыль достаточным количеством горячей воды, причем, я заметил, саламандр тяготеет к крутому кипятку, пришло время стола. Девочки-погодки, дочери Джека, сновали вокруг, словно две проворные пташки, и ах, какие это были девочки! Ясноглазые, в отца, но светлые, с кожей темнее волос, старшей – лет пятнадцать, при гостях молчаливые, но, видно, хохотуны, с тонкими смуглыми руками и высокими шейками. Я немедленно окрестил их «танцующими сережками». Джек-младший сидел на высоком стульчике, чинно повязанный спонявчиком, и важно ожидал свою кашу. Когда переодевшийся и умывшийся хозяин занял свое законное место во главе стола, из печи как по волшебству возникли: пирог с курятиной, грибная лапша, карп в пиве, сырники с повидлом, а также яблочный сидр – не из печи, а из кувшина! – и медовые пряники... да много чего было там еще. Все это запивалось коварным молодым вином, и здесь, под кровом Джека, мучительно не хотелось не только говорить, но даже вспоминать о страхах прошедшей ночи. Как можно напугать этих веселых девочек? Джек тут же вышвырнет нас за порог, и будет прав. Или скажет: полторы, мол, сотни лет не было ни слуху, ни духу, авось да обойдется.

После обеда, когда посуда со стола была убрана, и девочки, прихватив поперек живота братика, исчезли из столовой, уже в дверях, сдержанно хихикая, Джек предложил на выбор: отправиться отдыхать или обсудить дурные новости. Я валился с ног, но Звенигор предпочел решить дело разом, и нам пришлось заново пережить в воспоминаниях прошедшую ночь.

Но ли рассказчики вышли из нас никуда не годные, то ли была на это иная причина, но только наш рассказ не произвел на Джека столь уж гнетущего впечатления. Он не перепугался и не отмахнулся. Он насупился, сжав на столе большие кулаки, и его льдистые глаза поблескивали из-под бровей. Он сердился, но не на нас, и я, кажется, впервые подумал, что мое Могущество – еще не самый большой дар, каким может быть благословлен человек. На фоне Джека сами себе мы показались всего лишь перепуганными мальчишками. Впрочем, это я сам себе таким показался, а Звенигор, надо сказать, никогда и не выглядел особенно испуганным. Ну что ж, геройское дело нехитрое!

– Места здесь не очень людные, – сказал я, буд-то извиняясь, как только Звенигор, ведший весь рассказ, замолчал. – Мы подумали, что, может быть, ближайшие жители объединятся и как-нибудь эту дрянь повыведут.

Джек угрюмо усмехнулся.

– Кто у нас из знакомых крупнейший магоборец?

– Конан... – предположительно заикнулся я.

Хозяин фыркнул.

– Никогда не доверю жизнь человеку, у которого в переделках столько друзей погибло. Спасал только баб да добро.

Он обвел глазами комнату, задержавшись взглядом на двери, из которой только что выскользнули дети, на собственноручно сплетенном из лозы стульчике сына. Здесь все дышало трудом и любовью, и чувство это напомнило мне Тримальхиар. Хотя... повзрослев, я научился различать окутавшую мой собственный дом пелену неизбывной печали и одиночества. Здешнее Добро было яростнее, открытее и проще.

– Грубияну и невежде Конану этого не понять, – вполголоса сказал Джек. – Я для них все вот это делаю. Может, кто-то и способен осчастливить все человечество разом, народы, толпы, города... Я сверх своих сил не замахваюсь. Я для них строю, ну и для себя. Мне и такой славы достаточно, чтобы люди, проходя мимо, говорили: «Да, вот дом, который...» А, ладно. Ты вот что мне скажи, – вновь обернулся он к Звенигору, – тот лес, говоришь, вроде как кружит, так что на нужное место только к ночи и выйдешь?

– Я по дороге зарубки делал, – сказал саламандр, и я вытаращился на него. Когда он успевал? – Если выйти до света, туда можно добраться раньше, чем стемнеет.

Он сделал над собой видимое усилие.

– Я, пожалуй, пошел бы с вами.

Джек некоторое время с интересом рассматривал его.

– А я б тебя взял, – наконец проронил он. – Вот только...

Звенигор норовисто вскинул голову, Джек засмеялся и примирительно хлопнул его по руке.

– У тебя вид парня, которому нельзя рисковать. Что от тебя зависит?

Ей-богу, этот дурень саламандр, кажется, обиделся!

– Жизнь отца.

– Разговор кончен. Я тебя не беру.

Я переводил взгляд с одного на другого. Два гроя за одним столом! Спешите видеть, только сейчас, только для вас и только один раз!

– А я? – робко спросил я. – Вы тут о магоборцах говорили... Я смыслю в этом... немного.

– Артур Клайгель – потомственный волшебник, – пояснил Звенигор для Джека, и когда хозяин повернул ко мне голову, его глаза смеялись.

– Ну, а тебя-то не возьму и подавно. Хватит на мою голову одиннадцати чародеев. Моя-то шкура толстая, а вот для тебя эти штучки могут оказаться действительно опасными. И что я тогда скажу твоей маме?

Я, кажется, покраснел, но нельзя сказать, чтобы не остался Джеку благодарен.

– Я бы рекомендовал их сечь, – сказал Звенигор. – Арти говорит, размыкать Круг нельзя. А вот добраться туда, пустить стрелу с горячей паклей и, не оборачиваясь, удирать... Там все вспыхнет в момент, они в самый раз высохли. И, думаю, то зеркальце против хорошего огня тоже не устоит.

– Про огонь Звенигору лучше знать, – добавил я,

– но когда Круг выгорит и разомкнется, там так рванет...

Джек поднялся из-за стола, тяжело опираясь на него ладонями.

– Ну вот, и договорились. Мое это будет дело, ребяташки. Теперь живо отправляйтесь спать, вы на ногах еле держитесь, да и меня работа ждет. Вечером поужинаем, подниму я вас до света, и распрощаемся: вам налево, мне – направо.

Нам постелили на чердаке, переделанном под мансарду, и оба мы, измученные утомительным Приключением, моментально утонули в хрусткой белизне накрахмаленных простыней.

Этот дом навевал чудные сны. Сквозь дремоту я слышал, как топчутся на крыше птицы, как пересмеиваются внизу «танцующие сережки», как издали доносится упорный стук топора. Все эти звуки накатывали на меня с размеренностью океанских волн, какое-то время баюкали меня на себе, а потом вновь опускали в глубины сна, в котором давешний кошмар никак не давал о себе знать. Должно быть, Джек и в самом деле взял его на себя.

Потом, когда крепость сна ослабла в очередной раз, новая, неведомая, на этот раз действительно музыкальная тема подхватила мое мерцающее сознание и повлекла за собой, и были в ней редкие нежность и сладость, успокаивающие растревоженную душу и утишающие горести потерь. Я лежал и думал, откуда это может быть здесь, на этой ферме, и не звучит ли эта мелодия во мне самом, и может быть, отчасти это и в самом деле было так, ибо мелодия вкрадывалась в сознание и поселялась там навеки, становясь частью тебя. Хмельнее любого вина была она и притягательнее любого наркотика. Когда она кончалась, я чувствовал себя так, будто был выброшен в одиночку на пустынный песчаный берег.

Я открыл глаза. Солнце касалось горизонта своим нижним краем, его свет просачивался в маленькое окошко, окрашивая розовым белые простыни. Звенигор спал, зарывшись головой в подушку и судорожно стиснув в кулаке ее угол, похожий в таком смятом виде на пороссячье ухо. Ему, должно быть, снилось нечто, не столь приятное, и я предположил, что душа у саламандры дубленая, вроде бычьей шкуры. А музыка не стихала, и была она столь же прекрасна, как в сонной грезе. И доносилась она снизу, из той комнаты, где прежде мы с семьей Джека обедали.

Я встал, оделся и потихоньку спустился вниз. Я был еще на лестнице, когда увидел Джека, сидящего вполоборота ко мне, в кресле, со стопочкой давешнего вина. Закатное солнце потоком лилось в распахнутое окно, а в дальних углах спустились тени.

Джек был один, а на столе, накрытом вышитой скатертью, стояла золотая арфа, волшебным образом игравшая сама по себе. Джек смотрел в окно на расстилающийся перед домом простор, и видимая часть его щеки была влажной. Когда арфа закончила свою тему и последний хрустальный аккорд, томительно долго висевший в воздухе, растаял без следа, хозяин тихо молвил:

– Пой, арфа! Пой еще!

И началась новая мелодия, еще краше прежней, еще более колдовская, Джек пригубил свою стопочку... и заметил меня.

– Проходи, – сказал он, – и садись. Эта штука осталась у меня еще с того дела с бобовыми стеблями.

Как знакома была мне эта безмолвная вечерняя печаль! Слишком часто я видел ее в Тримальхиаре.

– Недавно жену потеряли? – спросил я.

– Да, почти сразу после рождения малыша.

Он непроизвольно коснулся своего искалеченного носа.

– И что вообще потянуло нас тогда на эту горку? Как она кричала, когда падала, моя Джил, – он содрогнулся всем большим телом. – А я все тыкался во тьме, пытаюсь найти ее и подать руку. Была буря, и этот чертов нос... Иногда я думаю, что вся эта история с крутой горкой была подстроена, и вот тогда-то мне хуже всего. Не знаю, сохранил бы я рассудок, если бы не эта певунья на столе. Что было бы с детьми, если бы я тогда спятил? Никогда бы не взялся я за этот дом.

Он потер лицо руками.

– А может, и взялся бы, – жестко опроверг он себя. – Она всего лишь штука, хоть и волшебная до-

Глава 8

Мастер Ковач

нельзя. Не ради нее живу. Для великана, у которого я ее, извиняюсь, спер, она была в жизни всем. И как он кончил? Он бы пришиб меня, если бы догнал. Знаю, что ты скажешь: мне, мол, она несправедливо досталась. Но почему, почему я должен был потерять именно Джил?

Он помолчал.

– Нет, все-таки какая-то дурная закономерность здесь есть, – убежденно заключил он.

Дети – жестокий народ. Тот, кто придумал считалочку про то, как «пошли на горку Джек и Джил», наверняка и помыслить не мог, что где-то она обернется трагедией.

– С ума сойти, – сказал я, – тот самый Джек с бобовым стеблем. Хрестоматийная личность. Мне всегда безумно хотелось узнать, как дальше сложилась ваша жизнь. Говорили, – добавил я осторожно, – что вы женились на принцессе?

– Да она была стократ лучше! – наконец улыбнулся Джек. – У нее тоже была эта тяга к опасным Приключениям, а в передышках она становилась такой замечательной хозяйкой, что лучше и нет! Мы и вправду были парой.

Он снова улыбнулся, но промолчал, и я догадался, что сейчас он вспомнил то, что касалось только их двоих, его и погибшей Джил.

– Ты не думай дурного, – продолжил Джек. – Певунья моя – не для забвения. Я бы в тот же миг вышвырнул ее прочь, если бы она настраивала меня забыть мою Джил. Нет, она лечит не забвением. Она не позволила мне возненавидеть Джил за боль, которую причинила мне ее потеря, за все хлопоты, что в одночасье обрушились на меня. Она будит все самые добрые и светлые воспоминания и лечит не память, а душу. Просто вроде бы поднимаешь голову на ее зов и вдруг видишь глаза своих детей, свое хозяйство... да и вообще, весь мир вокруг. И теперь я ценю это больше, чем тогда.

– Сказку-то вам рановато заканчивать, – заметил я. – Будет еще дом, который построил Джек, да и мало ли... Кто может знать?

– Ты прямо как арфа, паренек.

– Да, я привык утешать. Джек, послушайте, мне тут одна мысль пришла в голову. Приезжайте-ка вы с детьми к нам в Тримальхиар. Правда, приезжайте, девочки порадуются, там есть на что посмотреть. Одни жар-птицы чего стоят! Ведь вы же никогда не были в Тримальхиаре?

– Не был. Я все больше по сельской местности. А что? Построю дом, так, может, и соберусь.

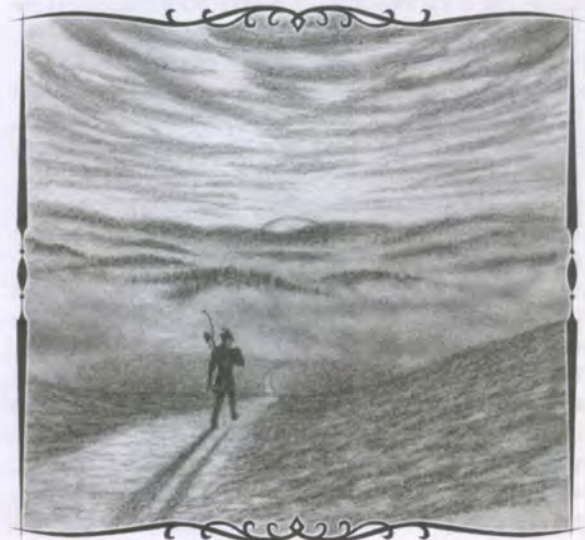
– Ну вот, и договорились, – радостно заключил я, мельком глянув на давно уже смолкнувшую и позабытую за беседой арфу. Солнце село, пора было и поужинать, и я пришел в расчудеснейшее расположение духа и улыбался до тех пор, пока «танцующие сережки» не зажгли в доме масляные лампы. Мысль, пришедшая мне в голову, простиралась чуточку глубже, чем простая демонстрация приезжим красот Тримальхиара. Мне казалось, Джеку есть о чем поговорить с моей матерью.

На блекло-сером рассвете мы вместе с хозяином вышли за ворота и там простились. Джек с луком через плечо и полным колчаном стрел за спиной скорым шагом направился к лесу, а мы повернули на север. Мы долго ехали в напряженном молчании, и не знаю, как Звен, а я думал о том, как там у Джека пойдут дела. Я, честно говоря, чувствовал себя очень неловко. У нас была несомненная причина не связываться с этим делом, мы не могли сами истребить Круг, когда вышли на него в первый раз, потому что дело было ночью и близился час его наибольшей силы. Совет Звенигора – поджечь и бежать что есть мочи – в кромешной тьме был бы лучшей рекомендацией для самоубийц. Да и Джек по-своему был прав, предпочитая, чтобы мы не путались у него под ногами, ведь он обладал несравненно большим опытом. Но Джек к тому же был отцом троих детей, мысль о которых долго не давала мне покоя. Что, если ветеран поизносился и где-нибудь даст маху?

День вставал жаркий, давно не было дождя, засевающие в придорожной канаве цикады обстреливали нас трелями своих метких комментариев. Дорога извивалась среди лугов, и мелкие деревушки, встречавшиеся на пути, мы миновали без задержки.

Звенигор натянул поводья, когда из-за очередного поворота возникла покосившаяся кузня. «Мастер-оружейник Ковач», – гласила вывеска для тех, кто умел читать, ну, а для тех, кто не умел, над входом были укреплены перекрещенные меч и алебарда. Сам Мастер Ковач сидел на пороге с трубкой в зубах, и весь его облик резко контрастировал с солнечной округой.

Кожа его была характерного коричневого цвета с ярко выраженным синевато-сизым отливом, по которому кузнеца опознают сразу, даже если он одет

в гражданское, чисто вымыт и находится вдали от своего рабочего места. Секрет прост: поры кожи раскрываются от жара, пот, смешанный с копотью, глубоко проникает в них и остается навечно.

Кузнец был человеком, что само по себе удивляло и внушало к нему уважение: не так-то просто на этом попроще выдержать конкуренцию с гномами. На нас, праздных путников, он взглянул с нескрываемой насмешливой неприязнью.

– Господа желают лошадь подковать?

Звенигор покачал головой и прыгнул наземь. Мне стало безумно интересно, что на этот раз учит мой молчаливый друг.

– Нет ли у вас меча на продажу, Мастер? – спросил саламандр.

Мне видно было, как судорога горечи исказила лицо Ковача.

– Нет, – отрывисто сказал он. – И не будет.

Звенигор выразительно глянул на вывеску.

– А что так?

– У меня подмастерье сбежал! – с каким-то извращенным удовольствием старого человека сообщил Мастер Ковач. – Мол, нет ему радости век коротать в кузне на пыльной дороге, вдали от большого города. Подался в ученики к чародею. Да разве ж я, – развел он огромными руками, испятнанными синими шрамами ожогов, – не чародей? И я мог бы жить в городе, и все бы меня знали и кланялись бы... Чай, мои-то мечи гномских не хуже, да только ведь истинное искусство не терпит суеты, оно всегда навроде отшельничества. Это ж вам не лемех и не подкова, в одиночку не управиться, тут особая тонкость нужна, чуть упустил – все испортил. Ко мне за мечами издали приезжали. А кому лемех понадобится посреди дороги? Подкова разве, или ось у телеги поломается, починю. Такая вот у меня сейчас получается профанация мастерства. А может, ты, – сказал он с прежней угрюмой усмешкой, – встанешь к горну?

– Встану, – коротко ответил ему Звенигор.

Ковач лениво пошевелил косматой бровью.

– Так ведь там господиниться не будем. И не обессудь, если придется на тебя прикрикнуть.

– Согласен.

Ковач поднялся, связал кожаной тесьмой сзади свою седую гриву, снял с гвоздя кожаный фартук, надел его и, пригнувшись, протиснулся в узкую дверь своей кузни. Звенигор разделся до пояса и последовал за ним, бессознательно копируя его неторопливую повадку. Я тоже спешился, подошел к дверям и заглянул внутрь.

Сначала я ничего не мог сказать о внутреннем устройстве кузни, кроме того, что там было темно, и моя тень, протянувшаяся с порога, ничуть не способствовала улучшению освещенности. Потом, когда кузнец раздул горн и огненные блики заплесали по стенам, я смог разглядеть все, что находилось внутри: бункер для угля, гору железного лома, полку с инструментом, гигантскую чашу горна, треугольный, гармошкой сложенный мех, похожий на крыло очень

большой летучей мыши, наковальню, сильно смахивающую на чудовищный утюг, перевернутый подошвой вверх и в таком положении закрепленный. У стены виднелся бортик колодца, вырытого прямо здесь, чтобы не бегать далеко, когда приходило время закалять сталь. Все покрывала вековая копоть, верхняя спутница профессии, и ничего здесь не было от чистоты и уюта, от всюду разлитой душевной теплоты дома Джека, столь милой моему сердцу. Впрочем, температурная теплота присутствовала здесь в избытке, и я заподозрил, что приобретение меча было для Звенигора лишь предлогом, а на самом деле он сюда сунулся за душевным отдохновением. Ну, в самом деле, если нет поблизости ни одного вулкана, где еще саламандру оттянуться?

Мастер пристально рассматривал своего с неба свалившегося заказчика и подручного, чья макушка, замечу, едва доставала до его подбородка. Звенигор был в самый раз крепок и мускулист, в самый раз почтителен, но в то же время дерзок, и тут Ковач решительно ни к чему не мог придраться.

– Ты, господин, хоть маленькое представление имеешь о горне и наковальне?

– Маленькое – имею.

– Тогда так. Я буду ковать, а ты – держать болванку и поворачивать, когда скажу. Я буду командовать, а ты – исполнять. Быстро исполнять, понятно?

Ядовитые шпильки кузнеца, все как одна, наталкивались на прочную броню самообладания саламандра, который, видимо, на своем веку от папочки еще и не такого наслушался, и Мастер убедился, наконец, что ему нечем перебить блажь благородного господина. На меня же он вообще ни разу не взглянул, как будто меня и вовсе здесь не было.

Болванка в горне уже отливала красным, запах газов, выделявшихся при горении угля, щекотал мне ноздри, но я не рискнул прибегнуть здесь к защитной магии, мне это показалось неэтичным по отношению к кузнецу. Ковач вооружился тяжелым молотом и кивнул Звенигору на горн:

– Фартук и варежки на полке возьмешь, господин помощник. А когда станет немого, скажешь.

Звенигор проигнорировал как насмешку, так и предложение, и неторопливо проследовал к горну. Ковач застрял в горле Ковача, а рот так и остался открытым в осознании того, какую лису он только что запустил в свой курятник, когда мой саламандр руками взял из огня болванку и, не поморщившись, водрузил ее на наковальню.

– Мастер, – сказал ему Звенигор, – вы сами приказали торопиться...

Но Ковач, кажется, даже не заметил, что его насмешки вернулись к нему той же монетой.

– Ты кто? Не сам ли бог огня?

– Я его внук.

Ковач протянул было руку, будто желая удостоверить наощупь, что его не морочат, но жар, пахнувший от металла, убедил его отказаться от болезненного эксперимента. За раскаленное железо, я

думаю, на его памяти никто голыми руками не хватался, но Ковач был не из тех, кто долго позволил бы подручному тешиться своим огорошенным видом.

И дело у них пошло! Грохот и звон в тесной кузне стоял такой, что меня, пристроившегося в дверях, в первую же минуту чуть было не вынесло прочь на волне звука, и потом я еще долгое время тряс головой, опасаясь, что оглох, а когда осознал, что дел тут надолго, стал устраивать себе продолжительные блаженные передышки, чтобы глотнуть воды и отдышаться. Я всякий раз возвращался, потому что на то, что творилось в кузне, стоило посмотреть.

Ковач без устали махал пудовым молотом, плюща железо да зычно покрикивая, чтобы подручный всякий раз по-иному поворачивал меч под удар. Со стороны, во мраке, пламени и дыму эта чудная пара казалась грозным старым дьяволом и расторопным мелким бесом. Седые космы кузнеца взмокли, по плечам и груди струился жирный, грязный пот. Да и на лбу Звенигора – виданное ли дело! – над бровями появились редкие мелкие капли. Я усмехнулся. Однако, брат принц, это тебе не огненные пляски, тут вкалывать надо. Для усмешки у меня была еще

одна причина: я между делом стащил перчатку Звенигора и тишком исследовал ее. Так и есть, в среднем пальце притаилось тяжелое золотое кольцо с замысловатой печаткой, изображавшей что-то вроде извивающейся в огне ящерицы. Ну, а что еще могло там быть?

- Кавалерийский?
- Нет, прямой.
- Легкий?
- Двуручный.

Ковач кивал, получая ответы, и болванка на наковальне постепенно приобретала заказанную форму. Время от времени Звенигор по знаку кузнеца швырял ее в воду, она неистово шипела, и кузня наполнялась едким сизым дымом. Потом меч вновь и вновь описывал монотонный круг: горн, наковальня, кадушка, и я уже чуть держался на ногах, а те двое, осыпаемые ворохами искр, танцевали вокруг крестообразной полосы металла шириной в ладонь и длиной в два с половиной фута, принимавшей все более узнаваемый вид. Наконец я вовсе угорел от жара, духоты и вони сернистых газов и сбегал насовсем, повалившись в высокую траву за оградой. Я не внук Сварога, мне позволительно.

Наконец, по изменившемуся звуку я догадался, что Ковач взял молот полегче. Дело шло к концу, я снова вернулся в кузню, и вовремя, потому что

иначе мог пропустить самое интересное.

– Вот уж самый чудной меч из всех моих мечей, – задумчиво молвил кузнец. – Что с рукоятью будем делать, сынок? Коли не торопиться, я бы ее отчеканил так, что любо-дорого.

– Тороплюсь, – возразил Звенигор. – Не возражаете, если с рукоятью мы тоже малость почудим?

Ковач движением брови позволил саламандру самодеятельность, и Звенигор погрузил рукоятку в уголь, а сам, пристально наблюдая за процессом, всунулся в горн чуть ли не по пояс. Мне подумалось, что если он сейчас вздумает перевоплотиться, одним кузнецом на свете станет меньше. Рот у Ковача, по моему, так и не закрылся.

Рукоять сперва почернела, затем налилась темно-бордовым, а потом все светлела, пока не раскалилась добела. Ковач расстроился:

– Эй, – окликнул он своего подручного, – сейчас потечет!

Звенигор, со своей стороны горна не спускавший с металла внимательных глаз, мотнул головой:

– Потечь не дам, но она должна стать достаточно мягкой.

Он осторожно вытянул свой новый меч из угля за

лезвие, и тут-то нам с Мастером довелось увидеть еще один бесподобный трюк. Звенигор положил правую ладонь на светящуюся от жара рукоять, вплотную к крестообразной гарде, левую – следом, так, как держал бы этот меч в бою, когда уже он будет служить хозяину. Металл светился сквозь нежную плоть пальцев, очевидно, не причиняя ей вреда. Даже во мраке кузни, разгоняемом отдельными пятнами огня, я разглядел, как напряглось лицо Звенигора, сузились глаза и вздулись жилы на висках и руках, когда принц изо всех сил сжал рукоять своего меча. Прошло несколько секунд вынимающего душу усилия, и тогда наконец Звенигор расслабился, опустил меч на наковальню, разжал руки и отошел чуть в сторону, словно ненавязчиво предлагая оценить, что он тут натворил.

На рукояти остались явственно видны следы его пальцев, и Ковач только присвистнул. Поистине, вряд ли даже во всей Волшебной Стране можно было найти меч с похожей рукоятью. Меч, который во времяковки держали руками. По всем законам сказки эта штука должна была получиться волшебной, ну или что-то вроде того. И рукоять его одному лишь Звенигору точно ложилась в руку, ибо не найти ни среди людей, ни среди прочих тварей двух с совершенно одинаковой рукой.

– Отдохни пока, – велел Ковач, будучи не в силах оторвать от меча глаз. – Я почищу его, отполирую и наточу.

Звенигор, чуть пошатываясь, – и впрямь устал! – вышел из жаркой кузни на дивно прохладный простор, доковылял до большой бочки под водостоком, оперся руками о край и уронил голову в воду. Пока он не вынырнул, я думал, что понял, отчего у Ковача сбежал подмастерье. Потом он вскинулся, отхлестнув волосы назад и окинул мир и меня глазами, искрящимися блаженством и восторгом, а холодная вода с волос лилась на его испятнанные копотью плечи и спину.

– Если бы ты знал, – признался саламандр, – как давно я мечтал это сделать!

Потом мы оба валялись в траве, наблюдая за бегущими по небу облаками, и дремали под доносившийся из кузни вжик стали о точильный круг, а потом Ковач вышел из кузни, неся меч на вытянутых руках, благоговейно и бережно, как ребенка, и Звенигор поднялся ему навстречу. Он принял меч и поймал солнце его отточенным острым краем. Ковач прикрыл глаза ладонью.

– Что я должен вам, Мастер?

Кузнец замотал седой гривой.

– Деньги – пыль, – сказал он. – Вода в пригоршне, сколь не береги – утекут. Я бы... я бы сыном тебя назвал, если бы ты остался. Я бы такого кузнеца из тебя сделал, что дивился бы весь мир, а гномы краснели бы и прятались в бороды от стыда. Но ты ведь не останешься?

– Прости. Ты не поверишь, но я... я хотел бы, Мастер! Я даже не могу обещать тебе, что вернусь. У моего отца на меня прав больше, чем у меня самого, и так вышло, что именно сейчас эти права заявлены. Прости.

Они обнялись, как родные, с такой взаимной благодарностью и страстью, что я всерьез испугался, как бы Ковач Звену от полноты душевной кости не переломал.

А потом Мастер вновь сел на выщербленные ступени, раскурил трубку, словно не мыслил жизни без зловонных дымов, и провожал нас сожалеющим взглядом, пока мы седлали коней, да и после, когда мы удалялись прочь по пыльной дороге.

Кони ступали неспешно, пыль клубилась за ними и поднималась нам до колен. Я рассматривал новооткованный меч. Был он мне тяжеловат, и в руку приходилось неудобно: ладонь у Звенигора шире. Я породился, что мне им не махать, и подумал, что раз Звен все время ковки держал его в руках, то ничего плохого к своему хозяину эта штука иметь не может.

От гарды на длину ладони меч, собственно, не был еще мечом, то есть чем-то способным колоть или рубить. Тут шел гладкий округлый стержень, овальный в поперечном сечении. Это сделано для крепости, объяснил мне Звен, потому что именно здесь, в первой четверти клинка, – его общеизвестное слабое место. Мощный удар чаще всего ломает его именно здесь. Дальше меч расширялся, переходя в собственно клинок, заостренный на обоих краях, с ребром жесткости по центру и концом, выведенным в форме буквы V, уплощенным и заточенным. И Звенигор был так доволен этим делом, в том числе и своих рук, что я не стал ему говорить, что в принципе терпеть не могу мечей, потому что одна из этих красивых штук лишила жизни моего первого настоящего друга, принца Рэя. Мне не хотелось отнимать у него этот восторг: в сущности, есть вещи и поважнее моего личного мнения, да и если уж Рэю приспичило, он, надо думать, даже не имея при себе меча, что мне, правда, трудновато представить, нашел бы какой-нибудь иной способ покончить с со-

бой. С большим трудом отогнал я от себя черные мысли о той, плохо закончившейся сказке и вернул-ся к своему спутнику.

– А зачем тебе, вообще, понадобился меч? – поинтересовался я. – У тебя, вроде бы, другая техника.

– О да, – согласился саламандр. – Но, понимаешь ли, мне не хотелось бы плодить слухи.

Ну вот, теперь он меня насмешил!

– Слухи! Да ты видел ли лицо Ковача, когда хватился за болванку руками! Ты сам о себе сотворил легенду, и сейчас он будет ее рассказывать каждому проезжающему, и каждый раз добавляет иные подробности. На самом деле, это был самый худший способ избежать слухов. Признайся, тебе хотелось распусть перед стариком хвост!

– Старик мне понравился сразу, – признался Звенигор. – Мне хотелось выглядеть перед ним достойно. И напоследок он очень растрогал меня.

Лицо его приняло мечтательное выражение, сохранявшееся довольно долго.

– Ну что, Арти, – вдруг усмехнулся он, – прокорюлюся я кузнечным ремеслом, если Златоверу вздумается лишить меня наследства?

– А были признаки? – полюбопытствовал я.

Он пожал плечами.

– Сказать по чести, я никогда не знал, что может прийти ему в голову. Он никогда не интересовался мною как личностью, понимаешь? Я для него – не я, а только его сын. Нечто его собственное и принадлежащее ему безраздельно. Он бы, наверное, был возмущен, если бы я оказался чем-то кроме. Если бы я посмел обладать чем-то собственным, чем не был бы обязан ему.

– А тебя это задевает?

– Я воспринимал бы это как должное, кабы не знал, что может быть по-иному. Все, что ты говорил о Люитене, я автоматически переносил на Златовера. Он настолько привык к повелительной позиции, что уже не источает душевное тепло и как будто не нуждается в нем. Душевное тепло подразумевает равенство, верно? Он так и не понял, кажется, как он со своею властью одинок, и мне его по-настоящему жалко. Мне так хочется сделать это для него, чтобы до него дошло, что хоть кто-то по-настоящему предан ему лично, а не короне и высшим интересам. Отличаюсь же я чем-нибудь от диадохов?

– Звен, – сказал я ему, – где угодно я буду свидетельствовать, что нет ничего такого, что ты мог бы сделать, но не сделал для своего отца. Я не знаю, чем все это кончится, а потому не буду говорить ободряющие глупости. Но я надеюсь, что когда Златовер поднимется со своего одра, он пожмет тебе руку и поблагодарит при всех, а потом будет помнить то, что ради него сделано, и вплоть до достойного завершения своей жизни оглядываться на тебя и спрашивать твоего совета.

Звенигор хмыкнул.

– Очень уж нереальная картина, Арти. Да я, собственно, пока для него ничего и не сделал.

Только сам под благовидным предлогом вовсю развлекался.

Мы продолжили наш путь, пыль оседала на наших стременах, и я все думал о том, что он мне сказал. Странные у них, саламандр, отношения. Нечеловеческие. Надо же так собственного сына закомплексовать. А ведь Звен был такой счастливый, когда выполз из кузницы, чуть волоча ноги, он весь светился, он расточал вокруг себя счастье, как солнце – тепло и свет. Я и до того вроде бы в шутку звал его братишкой принцем, но именно тогда, когда он ронял в бочку голову и выныривал с тюленьим фырканьем, меня вдруг осенило, что для меня это как бы уже и не шутка. Наверное, именно в этот момент мой интерес к нему перестал быть умозрительным, я перестал «наблюдать саламандра», а приобрел друга и брата. Даже стыдно как-то стало за то, что я на нем собирался научную публикацию сделать. Что там, я кузнеца понял! Я же глаза его видел, когда он эту болванку принял в ладони, когда он солнце клинком ловил, когда Ковач, обмолвившись, назвал его «сынок», он же весь светился желанием и возможностью быть счастливым. Звен, он такой чистый и звонкий, как звук трубы. Так что пусть будет героем, мне не жалко!

Глава 9

Стражи старой дамы

Мы уже довольно далеко продвинулись на север и в этот город въехали, когда наступило время послеобеденного затишья. Вступили мы в него беспрепятственно и бесполошинно, оповестив городскую стражу о своем прибытии лишь цоканьем подков по настилу опущенного моста. Но то ли стража совсем обленилась, то ли по беспечности правителя вовсе была упразднена, только в приворотной башне мы не услышали никакого шевеленья.

Тишину и опустошенность изгибистых улочек я мог бы объяснить, если бы мы оказались в одном из южных городов: был самый разгар сиесты – священного отдыха между одиннадцатью и четырьмя часами. Но это был северный город, к тому же портовый, занесенный сюда из какой-то голландской или датской сказки, разрезанный надвое судоходным каналом и разбитый на островки множеством протоков помельче. Его бездеятельное затишье было совершенно неестественно. Он просто обязан быть одушевленным неспешной трудовой деятельностью мелких ремесленников, не видя и не слыша которых, я терялся, не зная, что и подумать.

Не могу сказать, чтобы город был вовсе пуст. Время от времени на глаза нам попадались одинокие пешеходы, хозяйки, с оглядкой проскальзывавшие из одной двери в другую, мальчишки-посыльные. Казалось, все озабочены тем, как бы побыстрее убраться с открытого воздуха. Ни тебе играющих детей с их вечным гомоном, ни кумушек, заболтавшихся на углу. Мы не встретили ни одного полицейско-

го. Впрочем, особенного дела нам до местных не было, городишко служил в наших планах промежуточной точкой, мы намеревались поужинать здесь в приличной таверне, потому что дорожный запас, который я тщательно рассчитывал по карте так, чтобы не голодать в пути, но и не тащить на себе лишнего, как раз весь вышел, да и переночевать хотелось хоть раз в человеческих условиях: климат в этих краях был уже не тот, чтобы ночевка в чистом поле доставляла удовольствие даже таким здоровым ребятам, как мы со Звенигором. Ему-то и подавно было здесь несладко, и я только восхищался его самодисциплине: будь я саламандром, я цеплялся бы за каждую встречную кузню и нырял бы во всякую печь, лишь бы та была пожарче натоплена.

Мы долго бродили по этому странному городу, неприкаянные, не в состоянии найти открытую гостиницу или трактир, где нам были бы рады. Все подозрительные местечки были закрыты массивными запорами и для верности заложены пустыми ящиками, корзинами, бочками и прочей порожней тарой. Создавалось впечатление, что весь город в одночасье свернул свой бизнес, и мои мечты о дородной накрахмаленной кельнерше, которая поставит

перед нами миски с сосисками и капустой, шоколад со сливками, горячие булочки, а к сосискам – свежее пиво, достигнув расцвета в тот момент, когда у нас в Тримальярире бывает полдник, увяли, как розы в октябре, и я погрузился в голодное уныние. Мы все равно не могли двигаться дальше, пока не запасемся провизией где-то на неделю пути. Охотник из меня никакой, из Звенигора, как я понял, тоже, а на рыбалку ушло бы слишком много драгоценного времени, к тому же постоянно пополнять наши запасы свежей рыбой мы не сможем, так как не всегда будем вблизи воды, а запаса из нее не сделаешь – испортится. Хочешь не хочешь, а нам нужно было вытрясти из этого на первый взгляд милого, а теперь выглядевшего все более гнусным городишки все, в чем он нам отказывал.

Мне довольно скоро наскучило любоваться его готическими причудами: коленчатыми улочками, похожими на водосточные трубы, и самими трубами, выполненными в виде морских драконов, фантастическими флюгерами, крутыми крышами, замшелыми камнями в кладке. Вся эта романтика способна растрогать меня только на сытый желудок. Куда ни кинь взгляд, всюду запертые и забаррика-

дированные двери, плотно занавешенные окна, кое-где – трепет занавески, выдававший внимание к нам чьих-то боязливых глаз.

– Что ты обо всем этом думаешь, Звен?

– Эпидемия? – предположил он с оттенком брезгливого презрения в голосе, и в следующие пять минут моя копия информации пополнилась сведениями о том, что среди саламандр не бывает эпидемий, а если возникает угроза болезни, то нет ничего проще, чем выжечь злопакостного микроба посредством очистительного огня.

«Ну, и кто же из нас шовинист?» – вяло подумал я.

Понемногу мы с нашими лошадьми, болтаясь по пустынным улицам, начали чувствовать себя идиотами. Пару раз нам на глаза попались какие-то обгорелые руины, но я с негодованием отверг робкое предложение Звенигора укрыться среди развалин и переждать надвигающуюся ночь. «Мы, в конце концов, – сознательно повышая голос на всю округу, возмущался я, – принцы, а не пара бродяг, так какого черта мы будем компрометировать наше звание и миссию!» Мой эпатаж прошел даром, и тогда я, уже и в самом деле взбесившись, подскочил к ближайшей двери, за которой уж точно скрывалась какая-то кофейня, так как запах пряностей еще не успел до конца выветриться, и что есть силы принялся лупить в нее кулаками, а затем и

ногами. Так я бесновался некоторое время, и Звенигору было мучительно стыдно находиться со мною рядом, но держался он стойко и не сбежал, спасая свою репутацию от дурного знакомства.

Результат из этого вышел совершенно неожиданный. Я рассчитывал, что если мне не отворят, я с помощью Могущества вышибу дверь и хотя бы погляжу в их перепуганные физиономии и по-человечески спрошу, что тут у них происходит. Вместо этого в доме на другой стороне улицы хлопнула балконная дверь, и скрипучий, несомненно дамский голос визгливо и безапелляционно потребовал, чтобы мы немедленно убирались прочь.

Когда я оборачивался, я уже предположительно знал, что увижу. И не обманулся. На балконе стояла пожилая дама, с головы до ног в черном, в гипюровом чепце и старомодной кружевной пелерине, с безукоризненной прической на седых волосах. Свое недвусмысленное требование она подчеркивала, выразительно дирижируя зажатым в кулаке лорнетом. Рассматривая нас, она тянула тощую шею и, признавая, весьма напоминала ворону, выглядывающую из куста. Поскольку она явно была не в том возрасте, когда ее могли бы растрогать красота Звенигора и его бедственное положение, я понял, что настала моя очередь укрощать старого дракона. Ну что ж, в отличие от моего друга саламандра, в этом деле у меня был опыт. Честно говоря, я думаю, нет такой дамы в возрасте выше сорока, на какую в той или иной степени не подействовало бы обаяние Арти Клайгеля. На худой конец всегда можно предположить, что передо мною – всего лишь бабушкино привидение.

Прежде всего надлежало убедить старую леди в том, что мы не испорченные молодые люди без всяких манер, не наглецы и не грубияны, и что у нас нет никаких криминальных намерений. Поэтому я позаботился о соответствующем выражении лица и, обернувшись к ее неприступному балкону, отвесил глубокий поклон.

– Мадам, – сказал я с глубоким раскаянием, – когда мы вступили в этот город, у нас и в мыслях не было нарушать общественное спокойствие. Мы – мирные путники, нам всего-то нужен был кров на ночь и запас еды в дорогу. Не будете ли вы столь любезны, хотя бы сказать нам, почему мы не можем получить все это здесь, и законным образом, не привлекая к себе излишнего внимания?

Мадам некоторое время молча рассматривала нас пронзительным птичьим взглядом. Я рассчитывал, что она немного смягчилась.

– Уходите, – снова повторила она. – Уходите, господа, и, пожалуйста, побыстрее, если вы не ищете крупных неприятностей для себя и тех, к кому вы привлекаете, как вы совершенно справедливо выразились, излишнее внимание.

– Мадам, вы единственный живой человек, с которым нам посчастливилось заговорить. Мы не были бы столь упрямы и злы, если бы с утра к нам в рот попало хоть что-нибудь. Что тут происходит?

Она нервно оглянулась. Пожилая леди явно была из тех, у кого потребность выражать негодование вслух пересиливала любой страх и здравый смысл, и сейчас, кажется, она об этом жалела. Но она была в высшей степени воспитанная дама, и скорее пошла бы на смерть, чем нарушила приличия, укрывшись в своей квартире и оставив нас на улице сотрясать округу воплями и стуком в запертые двери. Кроме того, я самонадеянно полагал, что это высохшее сердце не останется глухо к моим манерам и умениям общаться с дамами этого возраста.

– Привяжите лошадей за углом, – вдруг приказала она, – потом бегом возвращайтесь и поднимайтесь ко мне. Я отопру парадное.

С этими словами она исчезла.

– Волшебник! – восхищенно сказал Звенигор.

Знаю, и законно горжусь!

Мы еще немного поворчали по поводу ее странного распоряжения относительно лошадей. Она, разумеется, не хотела пачкать мостовую перед своим парадным, но мы-то, возвращаясь, могли никогда не увидеть дорогих нам Касторку и Гейзера. Может, как раз конокрады здесь еще не отказались от заработков.

Потом, пока мы ощупью поднимались к ней на третий этаж по темной захлавленной лестнице, я успел как следует проинструктировать Звенигора насчет правил поведения в подобном обществе и, кажется, окончательно его закомплексовал.

Она впустила нас в симпатичную скромную квартиру, по которой из угла в угол слонялись две ко всему равнодушные кошки. Я не преминул подлизаться к животным, а наши мечи мы повесили на стойку, рядом с зонтиком мадам. Ей-богу, в жизни не видывал более чудного соседства.

Пожилая леди, впрочем, оказалась коммуникабельнее, чем при первом впечатлении, а уж совсем нас примирил с нею круглый столик в гостиной, накрытый под лозунгом: «Максимальное достоинство – минимальной ценой!».

– Право, мадам, – смутился я, – мы не можем объесть вас в условиях, когда добыча продуктов сопряжена с очевидными трудностями.

Мадам оживилась. Тема «что, где, почему» считается вполне светской.

– Я покупаю оптом, – гордо заявила она. – Так выходит дешевле, и я с моим запасом могу просидеть, не выходя на улицу, еще очень долго, пока все как-нибудь не уляжется.

Мадам разочаровала нас: в городе нам провизии не достать, бакалейщики отпирают лавку лишь на знакомый голос или на условный сигнал, и лично она скорее умерла бы с голоду, чем высунулась на улицу в такое время.

– Да что у вас такое стряслось? – не выдержал я всех этих околичностей. – Чума, что ли, в городе? Тогда где похоронные команды, карантин при входе? Почему ничего не делается и куда смотрит бургомистр?

Мадам поджала губы.

– Можно сказать, что и чума, – наконец заявила она. – Некоторые склонны считать это наказанием, посланным за грехи, но в таком случае совершенно не понимаю, при чем тут я?

На этой фразе я в нее влюбился.

– Вы все же таки не умерте от голода, если не добудете пищу именно здесь, а только немного задержитесь в пути. Поэтому послушайте меня и поймите, что я гоню вас не от желания вам зла и не от старческой вредности. Немедленно покиньте город! Здесь не на шутку опасно.

Звенигор выразительно посмотрел на темнеющее окно, я перехватил его взгляд.

– Ночь за окном, мадам...

– Вы вооружены, – сказала она. – У вас добрые кони. Может быть, вы сумеете прорваться к воротам. Она вдруг опустила глаза.

– На это глупо было бы надеяться, – опровергла она себя. – В очень уж злой час пришли вы сюда. По слухам, никому еще не удалось отсюда выйти.

Мы переглянулись, Звенигор казался встревоженным, а я подумал, что, возможно, мы говорим с сумасшедшей. До сих пор мне не встретилось ни одного признака реальной опасности, кроме очевидного массового психоза.

– Мадам, – решительно потребовал я, – прошу вас, скажите прямо, чего вы боитесь?

Здесь я хочу поделиться драгоценным опытом: никогда не вздумайте ничего «решительно требовать» у пожилых дам. До сих пор она, не поднимая глаз, теребила платочек, а тут испепелила меня негодующим взглядом.

– Господа (а все-таки это моя заслуга, что из «уличных хулиганов» мы выслужились в «господа»), я впустила вас в дом и пригласила к обеду, потому что мне стало вас жаль, и уже этим я сделала больше, чем было бы разумно. Прошу, однако, учесть, что я совершенно не собираюсь рисковать ничем большим. У меня есть основания предполагать, что в самом ближайшем времени вы попадете в крупные неприятности, и мне не хотелось бы, чтобы мое имя всплыло в каком бы то ни было контексте. Поэтому я призываю вас не заводить со мною опасных разговоров и... – она с тоской посмотрела на окно и, поколебавшись, завершила: – ...немедленно покинуть мой дом. Господа, выпутывайтесь сами!

Для меня было совершенно очевидно, что она действительно боялась! Я-то видел, что ей стыдно и больно выставлять нас за порог, глядеть в наши непонимающие, глупые, пока еще живые лица, и что она изо всех сил сражается на стороне благоразумия с чувствами более высокими, с принципами, в каких ее воспитывали с детства. Честно говоря, я мог бы на нее нажать и получить исчерпывающее объяснение, но мне показалось нечестным вынуждать на акт гражданского мужества старушку, тогда как толстомордые бакалейщики забаррикадировались и трясутся в своих погребках.

Поэтому я распрощался с мадам в высокопарном стиле минувшего столетия, и ее лицо, обращенное

нам вслед, было жалостливым, растроганным и совершенно бессильным что-либо изменить. Она держала дверь открытой все то время, что мы спускались, потому что в парадном не было света, и меня глубоко растрогала эта ее забота о целостности наших носов, тогда как нам предстояло до утра блуждать во тьме, ожидая неизвестные опасности. Мне показалось, что даже замок парадного защелкнулся за нами со звуком облегчения.

– Послушай, – сказал мне Звенигор, когда мы стояли на крыльце, – может, я глуп, но я ничего не понял.

– Я тоже, – отозвался я, – но готов рассмотреть твоё предложение о развалинах. Пойдем, отыщем лошадей и попытаемся найти убежище на ночь. Мы с тобою хоть ребяты и непростые, но все же страхи старой дамы меня впечатлили. Вот только не знаю (на улице не зажегся ни один фонарь, и колотушки сторожа тоже не было слышно), как мы найдем в такой тьме нужное место?

– Да очень просто. По запаху!

Гейзер с Касторкой обнаружили там, где мы их оставили, они мирно паслись на газоне, и не нашлось ни одной достаточно грозной старой дамы, чтобы выдворить их оттуда.

– И все-таки, – запоздало признал я, – будь нам не по двадцать, а по десять лет, у нее не хватило бы духу выставить нас на ночь глядя за дверь. Готов биться об заклад, в этом паршивом городишке нет более благородного сердца. Жалко, что я ей об этом не сказал.

– Жалко, – подтвердил саламандр. – Трясись тут теперь до утра без огня.

Хм, что-то раньше я не примечал за ним цинизма! Ночь надвинулась на этот обезумевший город, и с наступлением тьмы не осветилось ни одно окно, а из всех существующих в мире звуков мне слышался только отдаленный лай собак. Честное слово, я был бы рад даже пьяной брани из трактира. Даже serene кота под балконом его возлюбленной. Пока мы сидели у старой дамы, прошел дождь, мокрые улицы серебрились в лунном свете, голые деревья казались мертвецами, взывающими о мести, и пахло мусором, который давно уже никто не убирал.

– Похоже, через недельку-другую у них тут и впрямь сложится подходящая обстановочка для какой-нибудь холеры. Что случилось со всеми городскими службами?

Меня начинало покалывать мелкими иголками. Дома чернели неприступными громадами, и стук подков наших коней казался мне громче набата. За нами могли следить из-за любого темного стекла. Звенигор уверенно вел меня, ориентируясь на запах гари, и я уже совсем было собрался попросить его задержаться, чтобы хоть чем-то обмотать нашим шумным четвероногим друзьям копыта, как вдруг...

О, я понял, что чувствует мотылек, летя на свечу! Во всей этой тьме, осеннем ознобе и страхе светилось единственное окно. Светилось так, будто ничто не могло грозить живущим за ним, уверенно, спа-

сительно и призывно, как маяк в бурную ночь. Сердце заколотилось у меня в груди, я обернулся к саламандру, по вполне понятным причинам питавшему к холоду и тьме еще большее отвращение. Он кивнул, но сделал предостерегающий жест, и мы, бросив лошадей в глубине улицы, на цыпочках подкрались к окну и заглянули внутрь.

Оно не имело ни стекла, ни занавесок, и было отделено от улицы грубой решеткой из вертикальных прутьев. Там, внутри, была комната, похожая, благодаря окну, на ящик с выгнутой стенкой, на кукольный раек, где разыгрывалась сказка, иная, чем снаружи.

Там была гостиная: круглый, отделанный черепахой столик, окруженный изящными гобеленовыми стульями, похожий на игрушку клавесин, в вазах – цветы, а на стенах, погруженных во мрак, – гравюры, и там же – потемневшее от времени зеркало в деревянной раме. В обитом синим бархатом кресле сидела девушка в белом платье и при свете камина читала книгу. Вот, собственно, и все. За исключением одной детали. Когда она подняла голову, я ощутил сильнейшее желание опуститься на колени. Никогда в жизни я не видел никого и ничего, столь же прекрасного. Я даже испугался. Какая-то староиспанская прелесть была в ней: линия бровей, как на картине, гладкие черные волосы подняты вверх, скреплены гребнем и оживлены белой розой. В северном-то октябре? У нее были карие глаза с глубоким и странным выражением, словно у юной девушки, мечтающей о монашестве. В ней все было истинно, безупречно прекрасно: она была, как сонет, но, клянусь, такая, она все-таки была живая. Я видел, как она поменяла положение руки, видел, как она дышит. А вот я, кажется, близок был к тому, чтобы перестать это делать. По-моему, во всем городе это было единственное бесстрашное существо. Я говорю «существо», потому что у меня сразу закралось сомнение в том, можно ли считать ее человеком. Я не мог сказать, сколько ей лет. Мне захотелось встать в землю и стать здесь фонарным столбом.

Это мое желание не успело исполниться: Белая Дама бросила взгляд в зеркало и, будто получив оттуда знак, поднялась с кресла текучим движением... Я мог бы до завтра осмысливать жест, каким она положила книгу на стол. Я подумал, что, где бы ни встретил ее, всюду склоню перед нею голову и назову Госпожой. Она вышла из комнаты, и лампа на столе сама собою погасла. Я вновь обнаружил себя стоящим на пустынной улице, во влажной мостовой которой отражался лунный свет. Звенигор стоял рядом.

– Эй, это она была?

Он кивком указал в сторону черного хода, чуть ниже по улице. Я заметил женщину в длинном плаще с капюшоном, выскользнувшую из калитки. Только моя Белая Дама могла обладать таким бесстрашием и такой грациозной стремительностью морс-

кой чайки, как будто по ночным улицам ее несло на мускульное усилие, а морской бриз.

– Если она захочет, – прошептал Звенигор, – то очень легко оторвется от нас. Но если нам удастся за нею проследить, мы можем многое узнать о том, что здесь творится. Идет?

Я кивнул. На самом деле мне до боли не хотелось терять ее из виду, и я придумывал себе оправдания, вроде того, что ей в этой ночи может понадобиться помощь. Страшно подумать, какими мы были сумасбродами. Бросив лошадей топтаться на месте и обнюхивать камень, мы со всею возможной бесшумностью последовали за незнакомкой.

Она хорошо знала город, и угнаться за нею, легконогой, нам, измученным дневными блужданиями, было непросто, а использовать заклинание поиска я не рисковал. Какое-то – и очень сильное! – волшебство в ней было, хотя я не почувствовал в ней Могущества в нашем, общепринятом смысле. Я все более убеждался, что преследуем мы не человека.

Ее путь лежал в порт, такой же пустой и безжизненный, как весь город. Блестели влажные камни облицовки, и Белая Дама остановилась у каменной лестницы, ведущей к самой воде. Там плавали щепки и золотые листья. Капюшон наплывал по сторонам лица, будто двумя изгибистыми крыльями оберегая его задумчивую теплоту. Мы с саламандром втиснулись в нишу какого-то парадного, прячась в ее тени.

– Арти, – сказал Звенигор, – я не уверен, что мы не делаем непростительную глупость. По-моему, эта красота втривит нас в неприятности.

– Опомнись, – прошипел я в ответ. – Ты что, глаз ее не видел? Она никак не может быть связана со всеми этими страхами. Ее, что ли, бояться?

– Как-то, – возразил саламандр, – она с ними все-таки связана. Иначе бы зачем ей бродить по ночам так, будто ничто ей не грозит?

Дама на набережной оживилась, а мы разглядели лодку, вплотную подошедшую к ступеням уходящей в воду лестницы.

– Она просто бежит отсюда прочь, – тихо сказал я. – Спасается.

– Донна Соледад? – гребцы поклонились, а их начальник с факелом в руке выбрался на ступеньки, чтобы осветить и подать ей руку.

– Да, это я.

Что-то отвлекло ее внимание, она сделала офицеру знак отступить в тень, а сама обернулась, будто ожидая еще какой-то встречи. Снова пошел дождь. Лай собак усилился.

Издали по набережной приближался свет. Пятно расплывчатого белого света, будто от газового фонаря, полное нудной мелкой мороси. Его сопровождала стая тощих бродячих псов, дуревших от непонятого восторга. Они высоко подпрыгивали вверх, иногда стелкаясь там, взвизгивая и щелкая зубами, юля вокруг той, что шествовала в ореоле света навстречу донне Соледад.

Эта новая ночная хозяйка тоже была потрясающе красива, однако тою властной, уверенной в себе красотой неотвратимой неизбежности, какую я всегда интуитивно избегал. Ее черные волосы были коротко острижены и уложены с помощью блестящего геля. Вода стекла по ним, не нанося ущерба прическе, они и так казались блестящими и мокрыми. Рот и ногти были похожи на пятна крови. На ней было только узкое вечернее платье из блестящей черной ткани, с юбкой, едва достигающей колен и плотно облегающей худые бедра. Она шествовала неторопливо, чуть усмехаясь мрачными глазами из-под полуприкрытых тяжелых век, уперев в бок правую руку и помахивая левой, с неторопливой ленью ставя одну перед другой длинные ноги с характерной для сухощавого сложения лепкой мышц. Казалось, она шествовала по подиуму, и вполне сознавала это. На ней были туфли на высоких, острых каблуках.

Белая Дама сделала несколько шагов навстречу, та, другая, жестом отогнала собак, и свора расселась чинным полукругом на границе света и ночи. Движением, за которое я мог бы умереть, донна Соледад сдвинула капюшон, и дамы чуть коснулись друг друга щеками – салонный поцелуй, оправданный помадой. Ночь и меня в единственный миг пронзили миллионы бриллиантовых игл.

– Только сейчас уезжаешь? – голос Черной Дамы был словно нарочно сочинен для нее, низкий, наполненный притягательной силой опасности. – Тебе, пожалуй, давно пора. Городишко теперь мой.

– Я все надеялась, что найдется кто-то, кто сможет их остановить. У тебя здесь будет много работы, Эстер?

– Железная Свора настроена деятельно. Не печалься, найдешь себе другой. Ты – не я, тебе повсюду будут рады.

– Не забудь, – напомнила Соледад, – Салазани ждет тебя на свой ежегодный бал Долгой Ночи. Она расстроится, если тебя не будет.

Эстер кивнула и рассмеялась.

– Да уж, ни за что не пропущу. Хочется посмотреть, как она на этот раз будет нас эпатировать.

– Думаешь, ей еще не наскучило играть в Клеопатру?

Эстер сжала руку Соледад.

– Чтобы не сказать – в Мессалину? Дурные привычки нашей малышки устойчивы. Да брось ты, – грубовато сказала она. – Неужели ты до сих пор не поняла, что твоё возмущение ее только заводит? Она бросит все эти штучки, как только увидит, что никому до нее нет дела. Не все же столь неприступно добродетельны, как ты, наша бедная вечная жертва.

Я увидел еще одно мимолетное прикосновение щек, и тут Соледад вздрогнула, будто почувствовав наконец мой пристальный взгляд. На мне была самая мощная блокада, на какую я только способен, но, тем не менее, она повернула голову и посмотрела в сторону нашего убежища, безошибочно отыскав в его тени мои глаза. Дальше я ничего не помню ясно. Когда она смотрела прямо на меня, я терял рассудок и личность и становился каким-то дурацким воздушным шариком. Должно быть, я шагнул вперед, я не помню. Потом, словно сквозь вату, – предупреждающий, отчаянный крик Звенигора, вопли, неотчетливая брань и возня, а затем что-то обрушилось на мой беззащитный затылок, и я полетел наземь, потеряв сознание.

Глава 10

Дезинфекция

Я пришел в себя и тут же пожалел об этом. В окружающей молчаливой тьме плавали только я и моя головная боль. Ее нельзя было перебороть, а потому я попробовал привыкнуть. Понемногу мне это удалось, и я попытался ощупать голову, чтобы установить масштаб повреждений. Тщетно. Руки не слушались меня. Они были связаны за спиной.

– Второй раз – по башке! – возмутился я. – А между тем, я всего лишь спутник героя. Какого черта он сам не собирает все свои шишки?

– Он собирает, – процедил рядом голос Звенигора. – Ты ко мне несправедлив, Арти. И вообще, ты еще легко отделался.

Звен, прости, но я на самом деле счастлив обнаружить тебя рядом.

Так я подумал, а вслух спросил:

– Где это мы?

– Понятия не имею. Я тоже периодически терял

сознание. Куча ублюдков, не сказать, чтобы очень здоровых, и все, как один, в железных масках. Пока мы выслеживали Белую Даму, они преспокойненько выследили нас.

Это заявление сказало мне о многом. Практически обо всем, что произошло на набережной после того, как меня оглушили. Звенигор, разумеется, дрался до последнего, пока не совладали и с ним. После чего на нем, связанном, видимо, как следует отыгрались за потерю времени и сил. То, что его не убили на месте, свидетельствовало о временной заинтересованности в наших жизнях.

– Ты ранен, Звен? Очень больно?

– Ну что ты! Это даже приятно, когда тебя волокут на аркане по булыжной мостовой. Попробуй как-нибудь.

– Если вы не против, господа, – неожиданно вмешался в нашу беседу посторонний голос, – мы тут все – в подвале городской Ратуши. Хотя, честно говоря, не знаю, какая вам разница.

Мы несколько секунд молчали, пока до нас доходило, что мы не одни.

– Ну и сколько нас тут «всех» наберется? – с саламандром, кажется, случился приступ непреодолимого сарказма. Что ж, чувство юмора, как говорится, умирает последним.

– Вчера было с полдюжины, – неторопливо ответил голос из тьмы. – Сегодня я вот один остался. Тоже рад компании, уж не считите за бестактность.

– Ты кто? – спросил я.

– Барент, виноторговец.

– Виноторговец? – переспросил я. – А ты-то что же не запыртался?

Он хмыкнул.

– Запыртался, еще как. Да не больно-то от них запрышься. Вломились, вышибив дверь, в доме все побили. Когда уводили меня, хозяйка в ноги главарю кинулась: мол, за что? А тот ей в лицо рассмеялся, носочком сапога ее этак подопнул, потом достал бумажку и по ней прочитал, что сосед мой мельник донес, будто бы хулил я новую власть и подбивал народ на мятеж и смуту. Ну, а правда ли это, один бог знает.

– И мельник! – это Звенигор.

– А ты подбивал? – поинтересовался я.

– Ну, может, в приватной беседе что-то такое и ляпнул. Сидючи тут, жалею уж, что пострадал безвинно! Кого тут на что доброе подобьешь, прости господи! Правду сказать, мельник давно на мое хозяйство да на жену косился.

– Ясно. Ну а что еще ты нам расскажешь про свору? Откуда они вообще взялись? Напали на город, что ли, как враги? Штурмом взяли?

– Да нет, не извне. Жили мы, как жили. И вдруг, не знаю, из каких щелей, из каких подвалов эти по-вылезли, но возникли они в одночасье, будто до того таились, выжидая момент. И все они были в железных масках и этих плащах с крестами. Заранее, видно, все продумали и просчитали. В понедельник утром банда ворвалась в Ратушу, перерезала магист-

рат, никто и пикнуть не успел. Начальник стражи, воевода, бравый парень был. Как понял, что в городе смута, сразу своих вокруг собрал, кто еще жив оставался, и на этих, на Свору, двинул. Это для них самый тяжелый момент был, поскольку воевода дело свое знал и жалованье получал недаром. В общем, одолели они наших, и злую смерть солдаты от них приняли. Жена у воеводы была красавица, ее тоже... Детей из окон повыбрасывали, это чтоб другим неповадно было. А самому ему глазницы горящими углями набили... только, наверное, это ему легче было, чем видеть, как с семьей его расправляются. Потом лошадьми растоптали. В первый же день, когда мы еще не совсем поняли, что тут творится, они девушек прямо на улицах хватили. А кого похватили, тех потом никто не видел. Ну и с тех пор Свора гуляет, будто последний день живет, а мы всем городом при ней в заложниках. В любой лавке берут, что приглянется, вместо платы – железной перчаткой по морде. Если захотят войти, никакие запоры их не остановят. Венегур, ювелир, запирался, так спалили дом со всеми, кто там был. И как-то больше их стало, вот что странно! А кого уводили, тех потом, наутро, находили на площади: головы отдельно, все другое – тоже отдельно, хороните, мол, кому охота. И видно, что железом каленым пытали. Им нравится. Вот и с нами так... завтра.

– Мне это не подходит, – заявил из своего угла Звенигорушкин голос. Я даже улыбнулся, хорошо, что никто не видел. Все-таки у него, у героя, силы духа куда больше, чем у меня. У меня ее совсем нет, а есть только головная боль да ледяной озноб от всех этих жутких подробностей. А ему бояться некогда.

– Не понимаю, – сказал я. – Смысла не понимаю. Друг мой, принц Рэй, звался воплощенным Злом и занимал Черный трон. Но он был Злом рациональным! Все, что он делал, я могу объяснить. А эти-то зачем и откуда?

– Наоборот, довольно ясно, – возразил саламандр. – Живут, как короли, чинятся только меж собою, берут, что приглянется. Всех впускают и никого из города не выпускают: не приведет бог, Светлый Совет узнает о том, что здесь творится, войска ведь пришлют. Так что мы с тобой попались, как только сунулись в ворота. Эй, мастер Барент, вот бы заглянуть под эти маски. Может, вы бы своих знакомых там повстречали?

– Да я вот все думаю, – невпопад сказал виноторговец, – пустит жена к себе мельника? Одной-то ведь тяжко.

– Вот что, Арти, – продолжил свое Звен, – не климат нам здесь. Сыро. Так что на тебя вся надежда. Пожалуйста, друг волшебник, сделай мне маленький огонек или хотя бы немного света для начала, чтобы осмотреться.

Я погрузился в себя, ища волшебную искру, а Барент вдруг сказал:

– Говорите, прошу вас, шепотом, господа. Чтоб я ваших секретов и планов не слышал. Не ровен час под пыткой все выложу и все ваши надежды поручу.

– Спасибо, друг, – ответил ему Звенигор, и мы перешли на шепот.

Впрочем, несколько секунд мы молчали, так как я спешно шарился в собственном подсознании, откуда до сих пор на мой зов откликалось врожденное Могущество.

– Ну?

– Звен... – прошептал я, едва шевеля губами от осознания чудовищной потери. Так, должно быть, чувствовал себя Рэй, когда моя сестра лишила его Могущества. – Ты знаешь лучшее средство от волшебников?

– Мышьяк, – незамедлительно ответил мой друг.

– На самом деле достаточно хорошего удара по кумполу.

– Дьявол! – сказал саламандр и умолк.

– Если у вас затруднения со светом, – снова вступил в разговор Барент, – могу рассказать, что тут вокруг. Это мрачный сырой подвал без каких-либо отдушин, по крайней мере, без таких, в какие можно было бы пролезть человеку. Крыса, и та не пролезет. Стены кирпичные. К двери ведет каменная лестница...

– Из девяти ступеней, – подал голос Звенигор.

– Да, юноша, вы прибыли достаточно шумно. Дверь массивная, дубовая, очень тяжелая. Открывается наружу, за нею не спрячешься.

– Через нее и выйдем, – решил саламандр. – Арти, слышишь? Дубовая. Она горит. Арти, я умоляю тебя, дай мне хоть искорку...

– Могу еще раз треснуть башкой о камень, – предложил я, – если искры из глаз тебя устроят.

Он чуть слышно застонал. Мне стало безумно стыдно. Неужто помирать нам из-за моей импотенции?

– Звен, я поищу. Попробую. Может, оно глубоко где-то осело, но не знаю, успею ли. Короче, придется сваливать в медитацию, и если ты что другое затеешь, от меня никакого проку не будет. Идет?

– Валяй. Раз все равно лежим тут, связанные, как поленья, так почему бы тебе и не помедитировать? Все же – крохотная надежда.

Я сделал парочку дыхательных упражнений, скорее потому, что это вошло у меня в привычку перед медитацией, очистил мозг от дурных мыслей и начал спуск.

Я всегда представляю себе это как спуск. Будто идешь вниз, в пустоте, по бесконечной винтовой лестнице, и только бездымные лампы монотонно вспыхивают на перилах, некоторое время маячат впереди, внизу, медленно приближаются, уплывают за спину и теряются там во мраке. Я, не оглядываясь, иду вперед. Чем ниже, тем холоднее. Того, кто хоть раз бывал на этой лестнице, не надо убеждать, что человек – Вселенная. Тот, кто не является прирожденным магом, у кого энергия не срывается с кончиков пальцев, как у нас, Клайгелей, стоит нам пожелать и даже раньше, и кто, тем не менее, рискует идти по нашему пути, ищет свое Могущество именно здесь. Им этот путь привычен. Герои. Мученики. Лич-

но я ни за что бы не сунулся сюда лишний раз по доброй воле. Я – существо светлое. И к тому же впечатлительное и нежное, как моллюск. Очень уж не по мне все эти мрачные тайны и неизбежное одиночество. Поэтому я страшно не люблю медитировать. Если бы я не родился волшебником, я никогда не стремился бы им стать.

Длину своего пути я обычно определял, считая лампы. Миновав ту, дальше которой прежде не забирался, я бросил счет. Нечего забивать голову. Пусть будет просто – «ниже». И, как ни странно, стало мне отказаться от счета, как путь стал легче. Сейчас меня буквально тянуло вниз. Я встревожился. Эта притягательная сила действовала помимо моей воли. Я ее не направлял. Я ею не распорядился. Инстинктивно воспротивившись изо всех своих сил – человеческих, потому что магические я утратил – этому соскальзыванию, я вернул себе прежнюю осторожную неторопливость. Я не мог позволить себе опыты, так как от меня зависело слишком много. Когда я замедлил спуск, я понял, какая сила пыталась завладеть мною, и похолодел. Я никогда не сталкивался с нею прежде и знал о ней лишь понаслышке. Это было чертовски похоже на головокружительную страсть мага к падению. Одно из самых низменных наших чувств, тщательно скрываемое. Впрочем, подозреваю, что все более или менее экспериментирующие волшебники знакомы с ней. Именно отсюда, говорят, берутся настоящие злые волшебники. Падение через ощущение полного всевластия. Повторяю, точно не знаю. Я втайне боюсь высоты.

Меня охватила жуть, когда я понял, что лестница кончается. Там, у ее подножия, лежало то, что я искал. Мое оброненное Могущество: гладкое, маслянистое, тяжелое, как забвение. Раньше оно, распределенное во взвешенном состоянии, заполняло собою лестницу на всю ее высоту. Оно пропитывало здесь все, а вот теперь выпало в осадок. И мне бе-

зумно захотелось узнать, что таится там, под ним, на самом-самом дне этой бездонной пропасти.

Благоразумие оказалось сильнее, и я не поддался искушению. Может, поддался бы, может, там на самом деле лежало всевластие. Просто я вспомнил, что наверху меня ждет Звенигор со своими надеждами. Да еще привиделись глаза Белой Дамы. Они были, право же, бездоннее, чем мой колодец. И я взял свое Могущество за краешек и попытался взвалить на плечи. Оно неохотно, с трудом поддалось, сдвинулось с места и поволоклось по лестнице за мною следом.

Ох, и тяжела была та моя ноша! Я дотянулся до перил и пополз вверх, перебирая прутья и подтягиваясь на руках. Почему-то я понял, что должен तोпориться. Впрочем, не слишком. Если бы оно соскользнуло и рухнуло вниз, я бы уже никогда не успел за ним вернуться.

Загрохотали засовы, наверху распахнулась дубовая дверь. Ее проем осветился факелами. Звенигор повернул ко мне разбитое лицо. Теперь я видел, как ему досталось.

– Арти, – требовательно, но вместе с тем с какой-то нежностью спросил он, – ты где?

– Я иду, – прошептал я. – Я несу его. Но мне еще далеко, Звен.

– Тогда неси. Я задержу их. Только... поторопись, Арти.

Били его, видимо, жестоко, ногами, он был весь в крови, на скулах и кулаках – здоровенные ссадины, в волосах запеклась кровь, и даже кожаная куртка на груди висела окровавленными клочьями, но в тот миг я смотрел на него непонимающе-равнодушно. Я был слишком далеко.

Несколько «масок» спустились к нам в подвал. Я лежал на их пути первым. Меня вздернули на ноги и грубо встряхнули.

– Что-то он квельый какой-то. На фиг он нужен?

– Так Рудгер ему хорошо приложил по черепу! – рассмеялись наверху. – Не очухался еще. Тащи всех, Рекс разберется, кого куда. Тот, второй, на месте ли?

– А куда ему деться? – хохотнула «маска» и пнула Звенигора в бок. – Что, красавчик, присмирел?

– А ты мне руки развяжи, – предложил мой неукротимый саламандр. – Тогда сам увидишь.

– Черт, – удивились наверху, – а этому мало? Добавь ему, Бакст.

– Бакст? – Барент приподнял голову. – Я думал, ты...

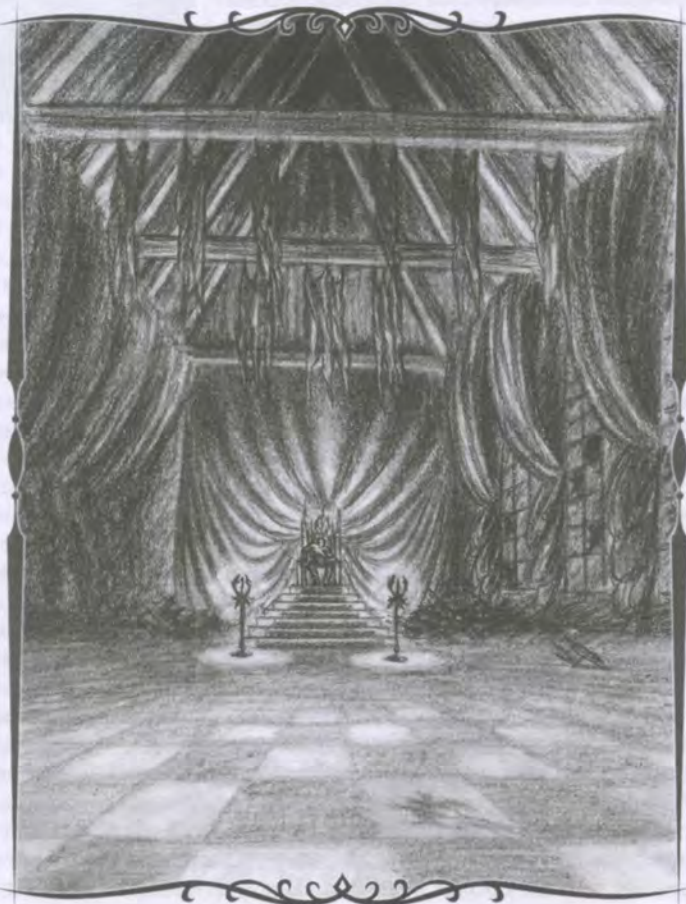
На его голову обрушился кулак.

– Чтоб не думал! – яростно выкрикнула «маска». – Эй, а этого куда? Может, прямо здесь его... того?

– Давай всех, Рекс разберется, – повторили сверху факельщики. – Особенно этого, резвого. Уж больно охота поглядеть, как Рекс заставит его дерьмо жрать.

Я отстраненно подумал, что, должно быть, Звенигору удалось убить кого-то из них. Может, даже не одного. Жаль, что двуручный меч – оружие поединка, в свалке оно никуда не годится.

Нас выволокли из подвала. У них была омерзительная привычка подгонять пленников остриями пик. Барент шел впереди и все оглядывался, пытаясь определить среди одинаковых «масок» ту, что валась Бакстом. Меня вели следом, и, сказать по правде, я очень дурно чувствовал себя сразу в двух реальностях. Там, на лестнице, моя ноша гнула меня к земле, а здесь узкий каменный тоннель перехода, казалось, пульсировал, меняя свой диаметр, и я все боялся, что он станет слишком тесным. Мельком я разглядел, что старинные фрески, покрывавшие его стены и изображавшие сцены городской жизни, изгажены непристойными рисунками и надписями. Потом я попытался рассмотреть сами «маски». Они все носили широкие плащи, украшенные черными крестами. Под плащами угадывалось железо лат. Уму непостижимо, как Звен ухитрился нанести этим броненосцам ощутимый ущерб, такой, что они на него особенно вызверились. А что вызверились – это

было ясно, его волокли сзади и всю дорогу отводили на нем душу. Иногда ему не удавалось сдержаться, и моя коллекция пополнялась полновесным образцом саламандрового устного творчества.

Я пошутил? Значит до верха осталось немного! Потерпи еще, Звен. Я обернулся, пытаясь поймать его взгляд, но тычок кулаком в спину буквально вбросил меня в бывший Зал Заседаний Городского Совета. Сейчас там заседал Рекс.

Вообще-то, «Рекс» – официальный титул готских королей, и я уже тогда об этом знал. Но, честное слово, эта собачья кличка очень шла главарю Своры. Может, на это он и рассчитывал?

Зал был очень слабо освещен, точнее, освещен был только один его конец, где в кресле бургомистра восседал Рекс. Большой стол, положенный в таких местах, убрали, равно как и скамьи: в присутствии Рекса все стояли. А вот от стягов и выпелов с эмблемами торговых гильдий Свора не позаботилась избавиться, и они по-прежнему свисали с балок, колыхаясь во мраке под ночными сквозняками, как причудливый тропический лес.

Сроду не видывал более странных масок, хотя и навиделся всяких: из бумаги и перьев, из фарфора и шелка, из дерева и глины. Эти же были из железа. Из какого-то очень плохого, мятого железа с паутиной складок и трещин, будто на эти щитки набежала уже сеть морщин. Факельный свет прыгал по этим «лицам», вынырнувшим из страшной сказки, и мне, сказать по чести, было не столько страшно, сколько гадостно. И еще – мучительно больно, когда я слышал сзади очередной тычок под ребра моему другу.

– Который? – спросил Рекс. Он выразительно игрывал золотым колечком Звенигора и отличался от своих только тем, что его маску украшали два изогнутых рога. Кажется, это у восточных народов ношение рогов почитается знаком особого достоинства.

Звенигора выволокли вперед, и мой друг как-то сумел выпрямиться. Рекс поглядел на него сквозь колечко, будто через лупу. Я изо всех сил гнал вперед Могущество. Я уже дотянул до верхних ступеней и привязал его к перилам покрепче, чтобы не сорвалось. Теперь надо было заставить его работать. Только не переборщи, Звен, чтобы они не успели сделать с тобой что-то действительно страшное.

– Породистый щенок, – задумчиво заметил Рекс. – И на редкость злобный. Ты убил Хруста и Хватаю. Я мог бы взять тебя в Свору.

Звенигор молчал, весь – воплощенный вызов.

– Ну?

– Я связанным не разговариваю, – буркнул саламандр.

Жаль, что на Рексе была маска. Я бы дорого дал, чтобы увидеть его мимику. Он сперва думал, буравя Звенигора взглядом, потом сделал ленивый жест. Двое крепко взяли саламандра под локти, так, чтобы ему потребовалось время, если бы он задумал освободиться. Третий развязал веревку, стягивающую Звену запястья. Именно развязал, а не разрезал, бережливо смотал и спрятал за пазуху. Звени-

гор потерял руки. Они, кажется, заботили его больше, чем какой-то Рекс.

– Ну? – нетерпеливо потребовал тот.

– Условия?

– Какие у тебя могут быть условия, мальчик? Я сохранию тебе жизнь. Временно. Пока ты собственным рвением не докажешь, что я не слишком к тебе щедер. А если не докажешь... – Рекс сделал кистью отметающий жест.

– Это вот как они доказывают? – Звен мотнул головой в сторону конвоиров.

– Псы, вы, кажется, плохо доказываете.

Два бронированных кулака, один справа, другой слева, вонзились Звенигору под ребра. Он уронил голову и беззвучно повис на руках охраны. Ублюдки! Вся человеческая часть моей природы бушевала, но по черной глади Могущества пробежала только лишь первая рябь.

Третий схватил Звенигора за волосы и вздернул его голову вверх.

Ах, какое ацетиленовое пламя взметнулось в глазах моего друга!

– И сидеть здесь, трясясь, как трусливая крыса, в холоде и сырости древнего камня? – Звенигор сплюнул кровью под ноги Рексу. – Моя жизнь стоит дороже.

– Да ломаного гроша она не стоит. А разве здесь холодно? – притворно удивился Рекс. – Разве здесь сыро? Эй, Бакст, наш гость замерз. Можем мы его согреть?

Бакст взял факел и поднес его Звенигору к самому лицу. У меня в груди все скукожилось и похолодело. Знал я, что ему это – семечки, но все равно... Я думаю, нет ничего страшнее, чем когда самому дорогому твоему другу тычут факел в лицо.

Ну, этот дурень Бакст и ткнул, наверное, ухмыляясь под своей маской, а может, замирая от ужаса и опаски, что это могло бы оказаться и его лицо. И, должно быть, никогда возмездие так скоро не достигало мерзавца. Ну, разве что если бы он этим самым факелом ткнул в боченок пороха.

Стоило пламени лизнуть его лицо, как Звенигор преобразился, и с тех пор по сей день нет для меня зрелища прекраснее и величественнее, чем саламандр, облачившийся в мантию огня. Бакст спекся сразу. Охваченные огнем конвоиры бросились в стороны, обезумевшие в мигом раскалившейся железной сбруе, слепые от ужаса и боли. Огонь разрастался. В единый миг вспыхнули истлевшие тряпки над нашими головами, псы метались от дверей к окнам, но рукава огня, послушные воле Звенигора, каждый раз стремительно преграждали им путь. Белая ящерица с клубком огня катилась по залу, настигая псов одного за другим. Это был форменный ад! В первый раз мне пришлось в голову, что это хорошо придумано. Я притянул Барента к себе и накрыл нас обоих защитным колпаком. В сердце моем не нашлось сострадания к этим визжащим в безумной панике и боли тварям.

Рекс скатился со своего трона и кинулся куда-то

прочь. За ним захлопнулась шаткая дверка, наверное, в чулан или подсобку служителя. Но уж его-то Звен никогда бы не упустил. Саламандр бросился на дверь всем своим невесомым телом, та в момент обуглилась и провалилась внутрь. Там, в каморке, Рекс и принял свою огненную смерть.

Ратуша гудела, как печь. В сущности, она и была одной большой каменной печью. Саламандр выкатился из чулана, продолжая свою священную чистку и бросив мне по дороге: «Арти, уходите! Сейчас начнут рушиться балки. Выпусти лошадей, им-то я не желаю смерти!».

Мы с Барентом опрометью кинулись прочь. Обезумевшие от ужаса и жара, кони кричали куда страшнее горящей Своры. Мне всегда безумно плохо, когда гибнут невинные твари, а лошадей, я говорил уже, я особенно люблю. Поэтому я вышиб к черту ворота конюшни, восторгаясь тому, как бушует во мне наконец-то пробудившаяся сила, и кони разбежались по ночному городу, унося ему весть о свободе. Пламя над Ратушей стояло, казалось, до самого неба.

Барент сел на землю и смотрел на все, что тут происходило, с видом человека, примирившегося с любыми чудесами.

– От меня, ребята, вам что-нибудь нужно? – довольно спокойно спросил он. – Вы только скажите...

Я стяхнул с себя эйфорию и поразмыслил здраво, что нам может быть нужно от нормального человека.

– У тебя найдутся какие-нибудь шмотки на парня примерно моего роста, но пошире в плечах? – спросил я его. – Все, что было на Звенигоре, наверняка сгорело, а грабить лавки нам бы не хотелось.

Барент засмеялся и долго не мог остановиться.

– Да хоть бы и ограбили! – давясь, проговорил он. – Вы хоть соображаете, что вы вдвоем для города сделали? Да я сам сейчас для вас какую угодно лавку ограблю!

Приходилось признать, что это его «вы вдвоем» несколько преувеличено в части меня. Звен вчистую управился один.

Барент исчез и мигом вернулся со свертком. Ратуша все горела, Звенигор все не показывался. Ну, что с него взять, он дорвался. Теперь пока все дотла не выгорит, он оттуда не вылезет. Так я Баренту и объяснил. Пожарная команда, разумеется, не приехала.

Наконец большой огонь улегся. Пепелище дышало жаром. В закопченных оконных проемах еще виднелись умирающие языки пламени, и в одном из них показался Звенигор. У него в руках что-то было.

– А ну-ка, Арти, отойди! Они горячие.

Он вывалил свою ношу в окно, и тогда я по звуку понял, что это – железные маски. Трофеи. Взамен я бросил в окно сверток с одеждой.

– Спасибо, – удовлетворенно сказал Звен. – Поблагодарились. Вот, я еще мечи наши нашел. Проверил заодно, других узников нет. И наши монеты, они почти не оплавившись.

Он торопливо оделся, выпрыгнул в окно и сел рядом на парапет высохшего фонтана. Кольцо вновь украшало его палец, но рисунок чуть смазлся. Поплыл от жара. Перчатки сгорели.

– С одеждой в подобных случаях, – пожаловался он, – самая неприятная морока. Понимаешь теперь, почему пускаться в огненную пляску разумнее дома, в интимной обстановке?

– Ага, – пошутил я, – это как в спальне или в бане.

– В кузне у Ковача испытывал сильнейшее искушение забраться в горн, – признался Звенигор. – Но было бы чудовищно неловко, если бы на мне штаны сгорели.

Жаль, что нашему хохоту даже некого было напугать. Все-таки Звен стеснялся носить шкуру героя. Я нагнул и подобрал оплавившуюся маску.

– Я вообще не понимаю, – сказал Звенигор, по-серьезнев, – как вы, люди, вообще можете говорить об этой штуке...

– О чем это ты, братишка?

– О человеколюбии в принципе. Я допускаю, что можно испытывать теплые чувства к такому славному малышу, как Арти... Но в принципе... как вас можно любить всех, скопом, вот таких? – он ткнул пальцем в сторону Ратуши.

– Это были люди? – ахнул я.

– А ты думал – черти? – устало огрызнулся мой друг. – Посдирал я с трупов эти маски: обычные, невзрачные лица с отпечатками разных пороков. Я бы даже сказал, такие без маски и показать-то стыдно. Может, в этом дело? В ничтожестве, да вот еще в трусости? Давай-ка разбросаем их по площади, чтобы бюргеры поняли: свобода пришла.

Небо серело. Как-то мой друг умудрился лишить наступающее утро щенячьего восторга победы. Барент поднялся.

– Пойду, – сказал он. – Обрадую жену да выясню с мельником дела. Прощайте, ребята. Если что надо, я живу у самого рынка, спросите, меня все знают.

– И то, – кивнул ему Звен. – Зайдем к вам перед отъездом. Мне хочется выпить... за вашего начальника стражи.

Виноторговец скрылся в лабиринте бесцветных утренних улочек.

– Интересно, – сказал Звенигор, глядя ему вслед. – Поняли они хоть что-нибудь, или в случае беды опять будут сидеть и ждать, пока придет крутой парень и возьмет грех на душу?

Ну, что тут поделаешь? Разные мы, люди.

– И я ничем не мог тебе помочь, Звен. Если бы ты знал, как мне стыдно!

Он пихнул меня плечом. А я – его.

– Ты не убийца, Арти. Ты просто этого не чувствуешь. Это подхватывает тебя на черные крылья и несет... А потом... потом уже все сделано. Я на бюргеров дико взбесился. Ведь в два счета вышибли бы эту нечисть из города... А они вон даже подстраиваться стали. Как этот чертов Бакст. Или мельник, этот еще хуже, Бакст-то попросту поддался страху. Ты был прав насчет той старой дамы: сердца благороднее, чем у нее, в этом городе нет.

Я поднялся... и замер. Жуткое подозрение заполнило всю черепную коробку, и ему там стало чертовски тесно. Меня бросило в жар, а потом в озноб.

– Звен... Хорошо, что ты о ней вспомнил. Старая дама... Как, ты думаешь, Свора нашла нас?

– Арти, я ни за что не поверю, будто она могла их навести.

– Нет, ты не понял! А если за нами следили еще до ее квартиры? Что, если они побывали у нее? Если они там с ней что-нибудь сделали? Им же даже в Ратушу ее тащить не пришлось, из нее одним ударом дух можно вышибить. Или – сердечный приступ...

Звенигор сорвался с места и бросился бегом по улице вниз. Я – за ним, и догнал его нескоро. Нестерпимо было представлять все эти занавесочки и вышивки растоптанными на полу.

Дом стоял на месте. Не раздумывая долго, я раз-

нес запертое парадное в щепки, мы единым духом взлетели на ее этаж и в четыре кулака загрохотали в двери ее квартиры. Долго, как мучительно долго на весь этот гам не было никакого отклика.

– Мадам! – повторял я. – Прошу вас, отойдите... Это всего только мы, мадам!

И она отперла. На ней был ночной чепец и в высшей степени добропорядочный пеньюар.

– Я прекрасно вижу, – жестко сказала она, – что это всего лишь вы. И это не причина, чтобы вламываться ко мне в столь непристойно ранний час и с таким безобразным шумом. Не ровен час...

– Да ровен теперь час, ровен! – почти закричал я. – Всё! Нет больше этой дряни в вашем городе. Вы, можно считать, первая об этом узнали, мадам!

– Очень хорошо, – машинально отозвалась она, делая шаг назад, чтобы впустить нас в квартиру. – Но что скажут соседи?..

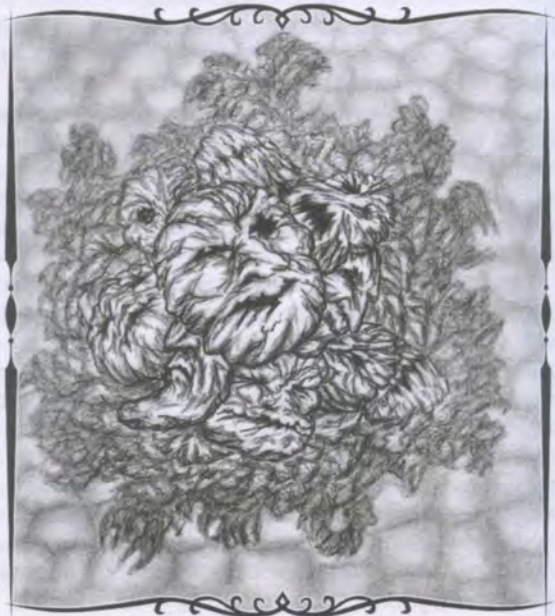
Тут она обнаружила за моим плечом расквашенное августейшее лицо, и ток ее мыслей приобрел иное направление.

– Всемиловитивый боже! Это немедленно нужно продезинфицировать. Вы весь в копоты прямо поверх свежей раны...

Звен что-то лепетал насчет того, что все уже продезинфицировано в лучшем виде, но тут его голос ничего не решал: он был схвачен, скручен и замучен.

– На самом деле, – шепнул он мне потом, – мне бы на пару дней в плавильную печь, никакого следа бы не осталось. Я позволяю все это с собой продельвать только из почтения к старой леди. Арти, пока я еще жив, я беру назад свои слова насчет человечества!

Конец II части.

Черный квадрат Валентина Филатьева

На сайте «Энциклопедия «Космонавтика»» его судьба укладывается в десять строк, а вместо фотографии – черный квадрат.

Журавль колодезный, такой неожиданный, непривычный для глухой сибирской деревни, стоит у околицы на одной ноге, словно вечный часовой. Что стережет? Восемь дворов, что остались в деревне Малиновке, где хозяйева – один старше другого? От кого? Чужие здесь не ходят, и свои-то по разбитой дороге не скоро доберутся: летом на машине, тихоходом, минувя на малой скорости ухабы да рытвины, а зимой – только пешком, протапывая тропинку по обочине, рискуя сорваться в колею и застрять в ней надолго, пока не хватятся, не выйдут на подмогу. Малиновка (с сударением на «о») умирает: вот уйдет последний старик, и вместе с ним окончит свой век деревня, основанная ссыльными поляками еще в конце XIX века.

Здесь, в деревне Малиновке Ишимского района, 21 января 1930 года родился Валентин Игнатьевич Филатьев. Широкой публике ничего не говорит это имя. О нем не писали в газетах, Левитан не сообщал о нем в сводках новостей. Ему не рукоплескали многотысячные толпы и не ло-

бызали, вручая награды, вожди советского народа. Не познав славы, он в полной мере познал забвение...

«Тема № 6»

В начале 1959 в кабинете академика Келдыша, теоретика космонавтики, в обстановке совершенной секретности состоялось совещание, на котором присутствовали всего несколько человек. Одним из них был генеральный конструктор Сергей Павлович Королев. Единственный вопрос, который обсуждался на этой встрече, касался будущего полета человека в космос.

Кто должен сесть в кресло управляемого космического аппарата? Летчик, инженер? Сергей Павлович предложил остановиться на летчике-истребителе. По его мнению, это тот универсал, которого требует полет в космос: он летает в стратосфере на одноместном скоростном самолете, и потому не может не совмещать специальности пилота, штурмана, связиста и бортинженера. Критерии отбора в отряд были очень жесткими: возраст – около тридцати лет, рост – не более 170 см и вес – до 70 кг. Сверхсекретная работа по поиску отвечающих всем требованиям летчиков получила название «Тема № 6». Медики, принимавшие в ней участие, получили данные на

три тысячи человек! После отсева осталось лишь несколько сотен, подходивших по всем параметрам. С каждым из потенциальных кандидатов беседовали индивидуально. О космосе с ними не говорили. Речь шла о «новой испытательной работе», о «полетах на принципиально новой технике». Отказывался каждый третий, даже не подозревая, от чего, в действительности, он отказывается.

Уже к лету 1959 года в списке осталось около двухсот человек. Теперь они должны были пройти жесточайший медицинский отбор. Представьте, каким он был, если медкомиссию не проходили молодые, абсолютно, стопроцентно здоровые летчики! Малейшее отклонение даже не от нормы, а от заданных строжайших параметров, и кандидат уезжал обратно в часть. Возможно, были обиды. Возможно, врачам было кого-то жаль. Но все понимали, что вслед за отбором начнутся тренировки, нагрузки увеличатсякратно, и выдержит их далеко не каждый.

Из двухсот человек, в конце концов, осталось двадцать – тех, кого позже Герман Титов назовет «отрядом Мечты»: Юрий Гагарин, Павел Попович, Валерий Быковский... В первой «космической двадцатке» был и наш земляк Валентин Игнатьевич Филатьев.

Из гармонистов — в летчики

Он родился в семье переселенцев, бежавших в конце двадцатых в зажиточную Сибирь из голодной центральной России. Разумеется, в детстве ничем не отличался от других мальчишек, выросших с ним на одной улице. Разве что на вечерках на гармошке играл, а гармонист, как известно, — первый парень на деревне. Нина Игнатьевна Долганова, в девичестве Филатьева, старшая сестра — она и сейчас живет в Малиновке — не может вспомнить ничего примечательного из детства брата. Учился нормально, хулиганом не был, тихий такой, скромный, на всех сохранившихся фотографиях — в последнем ряду. В войну работал, как все, в колхозе — на лошадях, на сенокосе: отец и два старших брата воевали. В соседней деревне Шаблыкино Валентин закончил 7 классов. Отец и один из братьев не вернулись с войны, и два года — с 45 по 47 — младший сын помогал матери по хозяйству. А в 47-м уехал в Ишим и поступил в педагогическое училище. Получив диплом учителя начальных классов, Валентин Филатьев не стал работать по специальности: «Характер, — сказал, — не позволяет!» И в 1951 году поступил в Сталинградское высшее авиационное училище. В последний раз сестра видела его в 1956 году. Валентин, тогда уже лейтенант, приехал проведать больную мать. До начала шестьдесят третьего года весточки о нем лишь с оказией долетали до родной деревни. Знали, что служит. Знали, что переведен в Москву. Старшему брату он писал: «Я не буду говорить, где нахожусь. Это секретно. Потом узнаете из газет». Они ничего не узнали из газет, впрочем, как и от него самого: Валентин исчез из их жизни.

— Мы решили, что он погиб, — говорит Нина Игнатьевна, — и не удивлялись: он же был летчиком, летал на реактивных самолетах.

Валентин Филатьев в летном училище

Падение на взлете

Что же произошло? Почему молчали газеты и радио ничего не передавало о капитане Филатьеве? Ответ прост: 17 апреля 1963 года «за нарушение воинской дисциплины и режима космонавтов» приказом Главкома ВВС № 89 Валентин Филатьев был отчислен из отряда космонавтов. Такова официальная формулировка. А за ней — человеческая трагедия.

Одна из веских причин отчисления из отряда гласит следующее. 27 марта 1963 года члены отряда космонавтов Иван Анিকেев и Валентин Филатьев, одетые в военную форму, сидели в буфете на станции Чкаловская и пили пиво. К ним присоединился Григорий Нелюбов. Перед закрытием буфета летчиков стали выгонять на улицу. Возникшая перепалка (кто был ее инициатором, так и не удалось установить) переросла в скандал. Вызвали военный патруль, летчикам пришлось объясняться в комендатуре.

Этот инцидент и стал поводом для отчисления всех троих из отряда. Но вот, что интересно. По мнению руководителя Центра подготовки космонавтов, легендарного советского летчика Н.П. Каманина, Иван Анিকেев и Валентин Филатьев не представляли ценности, как космонавты, из-за пьянок (?!), слабости и низких успехов в учебе. Мол, не жальте, выгнали — и было за что.

Первый отряд космонавтов в гостях у Королева во время отдыха в Сочи. Филатьев слева в верхнем ряду

Однако эти слова никак не вяжутся с основными вехами «докосмического» периода жизни Валентина Филатьева. Судите сами: парень из глухой сибирской деревеньки закончил Сталинградское авиационное училище, был летчиком 1-го класса, старшим летчиком, капитаном, имел на счету 250 прыжков с парашютом! И это слабовольный человек?! Он прошел жесточайший медицинский отбор, попал в число двадцати избранных, находившихся под неусыпным медицинским контролем, каждый день выдерживавших нечеловеческие нагрузки. И этот человек злоупотреблял спиртным?!

И еще одно: в 1961 году Валентин Филатьев был награжден медалью «За трудовое отличие» — «за успешное выполнение задания правительства по подготовке и осуществлению первого в мире полета человека в космическом пространстве». И у этого человека были низкие успехи в учебе?!

Так почему же Валентин Филатьев, несмотря на заступничество некоторых товарищей, в основном тех, кто уже побывал в космосе, и для кого он не был конкурентом, был отчислен из отряда космонавтов?!

Ответ прост и сложен одновременно. Их было двадцать. Полетел первым только один. Остальным предстояло жить в тени его славы: кому-то, как Титову, всю жизнь мучиться комплексом «второго», кому-то на годы застрять в дублерах. Естественный отбор должен был произойти, и он происходил: одни сгорали в барокамерах, другие — калечились, третьи — ломались психологически и сходили с дистанции. В конце концов, они были просто люди — со своими слабостями и страстями, а не автоматы для космических полетов, какими их пытались сделать. Кроме того, провинившихся, а они своей вины и не отрицали, следовало примерно наказать — в назидание всем остальным. Чтобы не думали, будто они неприкасаемые. Чтобы не считали себя элитой. Чтобы знали свое место.

А наказать так, чтобы запомнилось и чтобы всем другим было неповадно, можно было только одним: вычеркнуть из списка космонавтов.

Шанс вернуться в отряд был только у Григория Нелюбова, для Филатьева и Аникеева путь в космос был закрыт навсегда, несмотря на то, что шестерка побывавших в космосе товарищей хлопотала за них.

Что же происходило с Валентином Филатьевым дальше? А ничего. Семья распалась, говорят, после отчисления из отряда он, действительно, стал выпивать. Правда, потом женился во второй раз и пить бросил. Служил в различных частях ВВС. И неплохо служил: был награжден медалями «За безупречную службу» трех степеней. При этом семь лет ждал очередного звания — стал майором только в 1967 году. А в 1969-м по состоянию здоровья (и это бывший космонавт!) ушел в отставку. Нина Игнатъевна услышала о брате только в 1988 году, спустя четверть века после того, как семья зачислила его в погибшие. К тому времени Валентин Игнатъевич уже был на пенсии, болел и, по всей видимости, решил в последний раз увидеться с родными,

Филатьев во время службы

с которыми не решался встретиться 25 лет после изгнания из отряда космонавтов. Как же у него болела эта рана, если столько лет он не мог о ней говорить! По словам брата, в Орел, где он жил в последние годы, приезжали друзья по «отряду Мечты», жалели о том, как несправедливо обошлось с ним начальство. 17 сентября 1990-го года Валентина Игнатъевича Филатьева не стало. Он умер от рака горла и похоронен в Орле на городском кладбище.

Семья Филатьева

Дорога в Аресибо

Поздним вечером Бердника доставили в Хитроу, где невидимые миру силы задержали отлет авиалайнера. Через шесть часов ночного полета над угольной Атлантикой самолет приземлился в международном аэропорту «Карибус». На выходе Бердник показал удостоверение офицера Интерпола и вышел через служебный. На площади одиноко дремал желтый джип «тойота» с техасским номером. За рулем сидел капитан Малков. Зевая так, что на его месте любой пуэрториканец сразу вывихнул бы челюсть, Малков дымил контрабандной сигарой толщиной с козью ногу. Поздоровавшись, Бердник заметил, что дым виден из космоса; на станции «Мир» уже предположили извержение вулкана. Малков понимающе улыбнулся. Сделав из пальцев буквы V, он метким броском отправил в урну источник пожарной опасности и повернул ключ. Джип объехал монумент, который изображал карибя, увешанного бананами. Индеец стоял спиной к океану и тарачился на белое здание аэропорта, как папуас на Мэрилин Монро. «Да, – подумал Бердник. – Как много город задолжал деревне. Даже коррозия металла пишется через два эр, а эрозия почвы – через одно».

Джип выехал на дорогу из Сан-Хуана в Аресибо и сразу повернул направо, оставив позади мыс Эскамарон. Гладкое шоссе, повторяющее изгибы обрывистого берега, с мягким шорохом ложилось под патентованную резину колес. Прохладный ве-

тер с Атлантики, который здесь называют «northe», врывался через открытое окно и приятно охлаждал лицо, стяннутое после бессонной ночи.

Бердник потер лоб. «Дикий осел – миф или реальность?» – вспомнил он вчерашнюю встречу в Москве. Разговор шел о новейшем американском спутнике OSEL, запущенном, по официальной версии, для мирного изучения кометы Галлея, прохождение которой через орбиту Земли ожидалось на следующий день. На деле все не так безобидно. OSEL должен войти в пылевое облако и скрытно состыковаться со станцией IKES, которая была запущена к комете месяц назад. Затем, прикрываясь хвостом кометы, он переведет ее на околоземную орбиту. Вся подлость в том, горячился генерал, что спутник и станция сложатся, как трансформер, в сверхмощный лазер, настроенный на атмосферное окно в инфракрасном диапазоне. Если им не помешать, в космосе появится источник невидимого термолуча, способного за две секунды расплавить любой объект на поверхности Земли. А это не кот наплакал, и не баран начихал. Поэтому берите, товарищ майор, заготовленные для вас документы и летите в Лондон. Там сделаете пересадку на авиалайнер до Карибуса. Наш человек встретит вас на острове... Островом в отделе генерала называли Пуэрто-Рико, внештатный, так сказать, штат Соединенных Штатов.

Малкову потребовалось меньше двух часов на дорогу до Аресибо, где в огромной котловине располагался гигантский космический радиотелескоп, построенный на деньги американских налогоплательщиков. По внутренним склонам древнего кратера проходила кольцевая трасса для автотуристов, заезжавших поглазеть на самое большое в мире радиотехническое сооружение.

Малков рассыпал по обочине десяток серебряных монет для случайных туристов (пока не соберут все, с места не сдвинутся) и медленно поехал по кольцевой дороге. В трех намеченных точках он останавливался и выносил штатив с фотокамерой. Пока Малков отвлекал возможных наблюдателей, изображая свободного художника, очарованного видом радиотелескопа, Бердник через открытую заднюю дверцу устанавливал в кювете электронный блок, замаскированный под обломок песчаника. Закончив работу, он негромко покашливал. Малков складывал штатив и ехал дальше по кольцу.

На перекрестке они установили четвертый прибор, замаскированный под корзинку для бутербро-

дов. Бердник направил ручку корзины на силовую подстанцию и поглядел на солнце, которое уже подползло к зениту.

– Еще только 19.50 по Гринвичу, – успокоил Малков. – Сеанс начнется минут через десять.

Над долиной прокатился предупреждающий вой сирены. По огороженной территории забежали серые фигурки людей, исчезая в производственных корпусах. Охранники, которых можно было узнать по камуфляжной форме, укрылись в домике контрольно-пропускного пункта. На окнах разом опустились металлические шторы.

– Скорее в машину! – Бердник смотал с бампера цепь и сбросил на землю.

– Мы забыли, что сигналу нужно время, чтобы долететь до «Осла». Передатчик начнет работу на шесть минут раньше!

Сирена смолкла. Матовый шар на крыше подстанции налился алым цветом. В потемневшем небе зазвенели стеклянные колокольчики. Сухая трава на обочине медленно зашевелилась и вдруг встала дыбом. На крышке прибора вспыхнул зеленый огонек. Из блоков, расставленных вокруг телескопа, вылетели модулированные электромагнитные лучи и синхронно ударили в малиновый шар. Внутри подстанции треснул мощный электрический разряд. Из-под ворот потек белый дым.

– There is short at power station! * – проревел над территорией усиленный динамиками голос.

– Mister Romero, you have two minutes to repair it up! **

Из административного корпуса выскочили двое в противогазах и с чемоданчиками в руках. Зачем-то пригибаясь, они устремились к воротам, из которых все еще шел дым.

Бердник посмотрел на часы. Хронометр показывал 14.03.86, 19:52.

Рабочим потребовалось четыре минуты, чтобы отключить защиту подстанции и заменить сгоревший предохранительный блок. В 19 часов 56 минут радиотелескоп закончил навигационный разворот и нацелился на сползающий с зенита солнечный диск. Громко взвыла сирена. Над долиной пронесся протяжный металлический звон, словно миллионы песчинок ударили разом в огромный бронзовый гонг. Заевавшийся в небе ястреб сарыч в долю секунды превратился в кучку обгоревших костей и просыпался на землю черным пеплом. Мощный электромагнитный импульс пронзил земную атмосферу и устремился через космическое пространство к пылающему светилу. В 20 часов 03 минуты спутник OSEL, приняв корректирующий сигнал из Аресибо, начал движение к хвосту кометы, за которым скрывался модуль IKES с лазерной установкой на борту. Опоздавший на минуту спутник пролетел мимо модуля на расстоянии почти пятисот километров, после чего безнадежно отстал. Комета уже проскочила плоскость эклиптики. Увлечкая за собой модуль, она понеслась к точке афелия за орбитой Нептуна, чтобы вернуться к Земле через 80 лет.

После захода солнца воздух стал чист и свеж, как поцелуй юной пуэрториканки. Желтый джип свернул в аэропорт. Бананов на памятнике не прибавилось. «Да, – подумал Бердник. – Как много город задолжал деревне. Даже коррозия металла пишется через два эр, а эрозия почвы – через одно». Майор распроцался с коллегой у турникета. Малков работал «под прикрытием», интерполовского удостоверения ему не полагалось. Разведчики не знали, что сегодня ночью у инженера Ромеро родилась дочь. Через 17 лет она победит на конкурсе красоты в Лос-Анжелесе и под именем Кристины Сантьяго станет девушкой года знаменитого американского журнала.

* – На подстанции короткое замыкание! (англ.)

** – Мистер Ромеро, даю вам две минуты, чтобы устранить повреждение! (англ.)

То, что уральцы активно осваивают мир, не секрет: «..от Севильи до Гренады» и от Арктики до Антарктиды... «Наших» можно встретить в Новой Зеландии и в Тибете, в Аргентине и в ОАЭ. Впрочем, оказывается, и на просторах России-матушки есть места, куда доселе не ступала нога екатеринбуржца. Одним из таких мест является полуостров Терпения и мыс с тем же названием, находящиеся на острове Сахалин, – восточном форпосте державы, где сталкиваются как геополитические интересы США, Японии и России, так и совершенно утилитарные внутрисахалинские интересы «нефтяников» и «рыбников». Побочным эффектом противостояния последних является усугубление и без того неблагоприятной ситуации в экосистемах Сахалина, будь то тундра, лес, берега или море.

Своими впечатлениями о путешествии по Южному Сахалину делится Сергей Александрович Новопашин, преподаватель УрГПУ, автор статей и книг, посвященных Уралу.

Полуостров Терпения

1

«Вы совершаете ту же ошибку, что и мы...» – говорят умные японцы, правившие в созданном ими губернаторстве Карафуту (Южный Сахалин – до 50 гр. с. ш.) с июля 1905 г. по 1945 г., имея в виду ту неограниченную эксплуатацию ресурсов Сахалина, которая продолжается и сегодня. Правомерней было бы, как они считают, сохранить естественную среду и ресурсы острова и зарабатывать на въездном туризме и т.п. Увы, похоже, поезд уже ушел... Маргиналы, заселившие Южный Сахалин после 1945-го, спустя 60 лет лишь «додают» НЗ острова, существуя еще на нефти и скудных остатках первичного леса и лосося, пытаясь также эксплуатировать неприкрытый интерес к острову американцев, японцев и корейцев.

Все это, наложенное на пеструю этническую карту острова и «специфичный» уровень социальных отношений, создает достаточно противоречивую картину. Впрочем, в мои задачи (как и в задачи экспедиции) входил

лишь экологический мониторинг побережья, но никак не мониторинг социологический или геополитический... Но... глаза ведь не закроешь.

Основная характеристика, которую хочется применить к Сахалину вообще и к полуострову Терпения в частности, это – наличие контрастов. Видимое и яркое. Порой – взаимоисключающее; как, например, непонятное, на первый взгляд, одновременное существование соседствующих в Южно-Сахалинске двух зданий: вечного «недостроя» – Дома российско-японской дружбы, зияющего черными дырами на проспекте Ленина, и там же – процветающего «Мичиноку Билдинг», оплота всех глобалистов на Сахалине.

Так и могилы русских моряков на мысе Терпения, охранявших в далеком XIX веке восточные границы Империи, контрастируют самим этим фактом с предательски брошенной (после «Беловежской пуши») заставой радиотехнических войск, напоминающей картину погибшей

цивилизации в «Марсианских хрониках» Рея Брэдбери...

Так или иначе, но Сахалин – край не ближний, и не каждый день (год) мы там бываем, реже, чем корейцы или китайцы. Что из того, что на политической карте Сахалин наш – российский? Или всё же: японский, китайский, корейский, американский (нужное подчеркнуть)? Знаю точно одно: остались на острове пассионарии, которым не безразлична его уникальная природа и ресурсы, его история и реалии, и пусть их мало, но они «в тельняшках». Мне же повезло: 20 дней я общался и работал с этими людьми.

2

«Фриз терпел и нам велел...» – мысль, перефразирующая известный слоган, невольно возникла день на пятый пешего перехода по побережью полуострова Терпения. Голландец Мартин Герритсен Фриз, безуспешно пытавшийся найти пролив в районе современного перешейка Лодочного, в отча-

нии окрестил этот аппендикс суши полуостровом Терпения. Русские же колонисты транслировали топоним, применив его к мысу на южной оконечности полуострова, и к заливу, омывающему его западный берег.

Небывалая на Сахалине августовская жара (свыше 30°C) иссушала тундру и организмы шести «ненормальных», совершающих пеший рейд по берегам и сопкам полуострова. Компенсировали «горячее пространство» бывшего японского округа Сикука ежедневные туманы и иногда – легкий шторм. Начав рейд с берегов озера Слонового и мыса Беллингаузена на Охотском море, группа из шести волонтеров разбилась затем на три

пары, две из которых разными маршрутами должны выйти к мысу Терпения – нашему Final Destination.

Основная рабочая задача группы состояла в проведении экологического мониторинга берегов полуострова Терпения, состоящего с 1988 г. в ведении Поронайского заповедника, где, кстати, представлено свыше 200 видов охотской, маньчжурской, северояпонской и североамериканской фауны и более 400 видов растений.

Как оказалось, тема более чем актуальная: последний раз какие-либо масштабные исследования берегов проводились лишь в 60-ые годы прошлого века. Объектами фотосъемки и описания, которые производились каждые 500–1000 м, являлись: актуальное состояние литорали и террас; горы, озера, ручьи, флора и фауна; мусор и другие следы деятельности человека.

Кроме собственно работы, во всем присутствовал явный

элемент авантюризма. Романтика! 40 кг груза за спиной, скорость 2–3 км в час по рыхлому или засыпанному валунами пляжу, “прижимы”, следы постоянного и вездесущего присутствия медведей, поронайская популяция которых, не пуганная запахом оружейной смазки, по сути, реально владеет полуостровом... Спасало нас от излишнего интереса представителей *Ursus arctos* лишь обилие дармовой пищи для них: дохлые морские котки и нерпа, косяки лосося, стоящие в устьях речек, и урожай морошки в тундре...

Проблемы же, досаждающие жителям мегаполисов, здесь мгновенно отступали, здесь мгновенно отступали, превращаясь в пыль, уносимую бризом. Величие и суровость ландшафтов поражали восприятие. Хотя меня, видевшего Полярный Урал и испанские Пиренеи не по ТВ, удивить трудно, тем не менее... Мыс Беллингаузена с его скалой-«окном», мыс Минский

Могила экипажа шхуны Роза

Японская плита

с черными блестящими валунами в кипящем прибое и пикирующими бакланами, жуткого вида стланик из кедра и пихты, покрывающий склоны сопок; тундра, разноцветная от морошки и шикши... мыс Обширный с фантастического вида белыми «шарами» – фрагментами некогда цельной радиолокационной системы, чьи развалины заросли цветущим в августе ирисом и вполне декоративным на первый взгляд красным Миддендорфа.

Мыс Терпения – край суши, с 40 метров нависающий своим безупречной формы «кавказским носом» над морем, давно и плотно заселен кайрами и чайками. Впрочем, не только: на станции Мысовой живут и люди, достойные удивления и уважения: служитель маяка с женой, радист Александр; Равиль и Владимир – сахалинские рейнджеры, чей джип «Мицубиси» 1979-го года (на базе «Виллиса»), вероятно, использовался на съемках «Безумного Макса»; жена Равиля Таня и их малолетний и малоразговорчивый сын Ренат...

Изоляция от цивилизации и постоянное ощущение некоей парадоксальности «мысового» бытия – вечно существующей конечности (ведь мыс – это последняя точка суши, а далее лишь вода...) накладывает свой отпечаток на живущих здесь. Неудивительно, что само время на мысе воспринимается необычно как последовательность неких хронопольей с разной плотностью времени... И одна из причин этого феномена в том, что станция Мысовая даже официально «живет» в двух часовых поясах: дальневосточно-сахалинском и «по Гринвичу». Возможно, поэтому история на этом секторе суши как бы «оуклена». Зациклена. Призраки айнов с их татуировками на губах соседствуют с виртуальным присутствием японской администрации в лице Оцу Тосио, последнего губернатора Карафуто... А плиты с иероглифами уживаются с крестами и могилами российских моряков, погибших в 1889 г., установленных благодаря инициативе краеведа Виктора Микунова.

Радиомаяк же подобен памятнику фаллоцентризму и развитому социализму, построен-

Стан

На стане у Вестовой

ному в отдельно взятой горной тундре. Изначальный его функционал терялся на фоне релей навигатора GPS и спутникового телефона – атрибутов Hi-Tech цивилизации, извлекаемых периодически из рюкзака Сергея Первухина, организатора сахалинской одиссеи. Справедливости ради, надо отметить, что на связь с далеким Екатеринбургом я выходил все-таки с помощью маяка на Мысовой, под морзянку из-под ключа радиста, вызывающую стойкую ассоциацию: «Алекс-Юстасу...»

Лосось на нересте

Мыс Гвоздева

Мыс Беллинсгаузена. Окно

Свою малую лепту в творимую историю пришлось внести и мне, единственному екатеринбуржцу, побывавшему здесь – на мысе Терпения, отсняв сотни фотографий, поставить свечу, привезенную с собой, на могилу морякам шхуны «Роза». Осталось сделать, по уральскому обычаю, татуировки на ногах: «они топтали Сахалин». Надеюсь, не в последний раз. Опуская досадные мелочи о несогласованности действий администрации заповедника, инспекторов и т. п., в целом, наш своеобразный Eco-Trip состоялся, удовлетворив как заказчиков мониторинга, так и личные потребности в «открытии» и познании новых мест... Благо, их немало ещё на карте России.

Валерий ШУМКОВ
Фото автора

В 2005 г. (№ 3, 4) журнал начал публикацию серии очерков «Страна пещер». В ее основу было положено интервью Валерия Шумкова с челябинским археологом Владимиром Ивановичем Юриным. Мы продолжаем публикацию его рассказов о пещерах Южного Урала.

Страна пещер

Подземные города наших предков

Зачинная экспедиция

РЕКА ВРЕМЕНИ

Поиском пещер на Южном Урале я начал заниматься в апреле 1995 года. За 9 прошедших лет нам удалось обнаружить около полутора тысяч пещер и гротов, осмотреть, вкратце сделать замеры, описать и нанести на карту.

Оказалось, что если хорошо владеешь методами изучения природы, чувствуешь ее, то можно находить пещеры даже там, где местные жители говорят: «У нас нет пещер и не было никогда, вы что, с Луны свалились?»

У нас, в Челябинской области, есть пещера известная населению, по всей видимости, с XIX века. Судя по местным легендам, в ней, якобы, люди скрывались от воинской повинности. Она называется «Кварцитная». То есть пещера находится в кварцитах. Таких пещер на планете всего несколько. Одна в Бразилии, другая в Африке. И одна из крупнейших на планете – в нашем Саткинском районе. Она около 200 метров, трещинного характера. Это огромная тектоническая трещина. Но, как я предполагаю, она реально может быть в десятки раз длиннее, чем проходима сейчас. Просто она завалена глыбами, глиной, землей.

Считаю, что мы первые на Урале вскрываем природные пробки в пещерах, закрывающие продвижение по какому-то ходу или залу. Мы это делаем независимо от объемов. И результаты дают о себе знать.

Далее. Из того количества пещер, которые мы осмотрели, я сразу помечаю, какие пещеры были известны, то есть занесены в Перечень пещер Урала и Приуралья. И получается, что учтено всего процентов 10. А 90 процентов – это все новое.. Из этой массы в 1500 пещер, которые мы осмотрели, более 150 являются погребенными, то есть закрытыми природой, или полупогребенными, куда проникнуть без раскопок, без вскрытия этих рыхлых отложений и каменных завалов невозможно. То есть у большинства из них мы еще не знаем, что внутри. Но некоторые, по красоте ничем не уступающие пещерам Крыма и Кавказа, оказались уникальными. В одной из них, на реке Ай, были обнаружены залы со сталактитами и сталагмитами, всеми видами натеков из мраморного оникса.

Все это есть реально у нас на Урале, в том числе в Челябинской области и в Башкортостане. Все пещеры доступны, но в то же время закрыты. Их никто не зна-

У входа в новую пещеру. Фото В.Юрина

ет и не видел. По причине неважного отношения руководства страны, областей, районов к нашим памятникам природы, мы не открываем для населения на показ такие пещеры. Иначе они скоро будут разрушены, все эти красоты уничтожены, мраморный оникс вытащен, все сломано, пещера будет закопчена и так далее. У нас отсутствует даже минимальная культура путешествий в пещерах или даже в горах. Все ломается, выворачивается, гадится, сжигается...

А пещеры очень ранимы, это природные объекты, где своя

экология, свой микроклимат, влажность, движение воздуха, свой животный мир. Уничтоженное однажды может не восстановиться и через десятки лет.

Бывает, что на маленькие пещеры, гроты, скальные навесики никто не обращает внимания; «Ну, что там, дырочка 2-3 метра, разве это пещера? Да нора там, барсучок живет...»

А когда начинаешь их внимательно осматривать и исследовать, закладывать разведывательные шурфы, археологические и зоологические, то оказывается, что многие из них не

Погребение эпохи бронзы

Пещера Бейдинская. Август 2000 года

Пещера Бейдинская после частичного удаления отложений

что иное, как входные части в более крупные подземные системы. Просто вход закрыт, засыпан природой. Считаю, что много сенсаций в ближайшие годы и десятилетия, преподнесут именно погребенные пещеры и пещеры-малютки, которые имеют закрытое погребенное продолжение. Вот этим я и занимаюсь.

Очень многие небольшие пещеры с древних пор и по сей день заселены животными. В заложенных нами шурфах встречаются как кости самих животных, так и остатки их «трапезы». Мы эти кости находим начиная с поверхности и кончая глубиной в метр, два, три и более. Во

всех слоях находятся кости тех животных, которые жили, или принесены человеком. Пещеры, в которые трудно зайти, раньше были более просторными. Туда мог заходить человек или крупное животное. Со временем же эти пещеры закрылись, и населяют их теперь те животные, которые по объему меньше, например, лисицы. В таких вот маленьких пещерках нам попадались кости человека!

Значит, внутри были древние захоронения, так как в входовой части попадают кости человека и некоторые предметы: наконечники стрел, обломки горшков, бусины разных эпох и так далее. Это говорит о том,

что внутри есть погребение, до которого мы рано или поздно доберемся.

Но как попали кости, предметы изнутри, с погребения – сюда? Природа потихонечку закрывает пещеру, листья надувает, палочки падают, что-то сверху сыпалось со скалы, сюда задуло, скатился камешек и так далее... А если много сыпануло, то образуется вал обрушения, из горизонтальной поверхность превращается в наклонную. Так как вал обрушения есть, значит камень упал, земля осыпалась, все и вниз сыплется, и внутрь пещеры. Животные присмотрели это место, живут там, производят чистку пещеры. Те же барсуки – они весной проводят чистку. Передними и задними лапами, задом, – выдвигают, выдвигают, как бульдозеры, и выбрасывают все из пещеры-норы. Это я наблюдал в некоторых пещерах Увельского, Саткинского, Кусинского районов.

Одновременно они зацепляют в верхних слоях рыхлых отложений (где лежит погребение) и выворачивают обломки горшков, бусинки со скелета, зубы, фаланги, куски черепа и так далее.

Еще раз повторю: везде есть пещеры, связанные с тектоническими трещинами. В 1996 году мы проводили исследования в Кизильском районе (это степной равнинный район). За 10 дней работы со школьниками удалось обнаружить и зафиксировать 75 пещер. И когда я сказал об этом властям района, мне ответили: «Не может быть, у нас нет пещер!» Я говорю: «У вас нет, а на вашей территории – есть».

На данное время мне удалось открыть, зафиксировать 54 пещерных памятника археологии. То есть в 54 объектах я нашел археологические материалы. Где копая, где – не копая, прямо на поверхности. Много это или мало – дам цифру для сравнения. Если мы пролистаем 3 тома свода памятников археологии

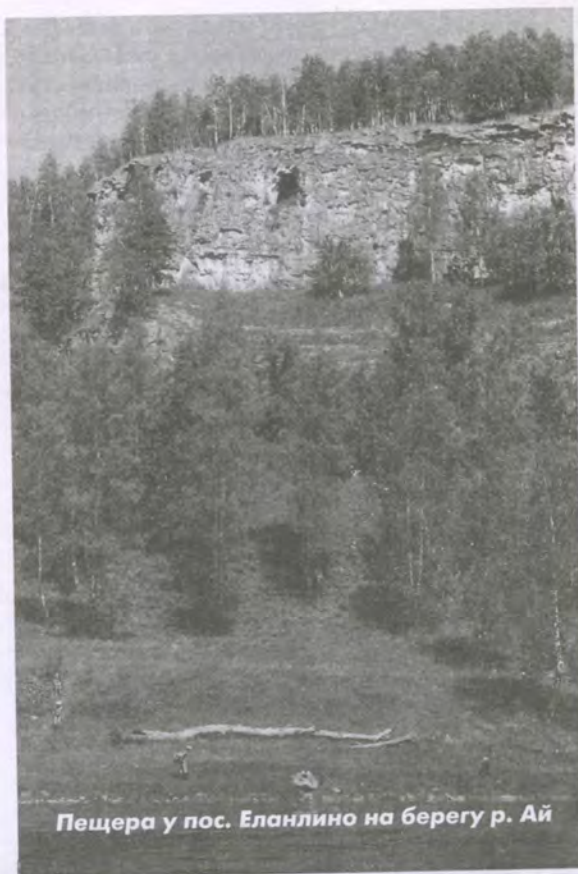
Челябинской области, то в этих трех томах найдем, что все ученые за 100 лет до наших исследований обнаружили на территории всей Челябинской области только 17 пещерных памятников. А у нас только на одном Сикияз-Тамаке – 14.

Нам удалось (с учетом последней экспедиции на реку Уфу в Нязепетровский район) обнаружить, зафиксировать и определить 39 пещерных городов. То есть 39 пещерных природных скоплений на одной точке – от двух до сорока и более. Но самое интересное в том, что практически уже в 30 процентах этих пещерных городов обнаружены археологические материалы. Это говорит о том, что человек во все исторические эпохи никогда не проходил мимо готового жилья, пещеры, а тем более мимо готового города или поселка, в котором может поселиться целое племя, род или община, семья.

Получается, что на некоторых наших речках, таких как Ай, Сим, Юрюзань, Лемеза, по сути дела, через каждые 200-400 метров имеется какая-нибудь пещера, удобная для использования хотя бы малым охотничьим коллективом. А через каждые 4-5 километров есть пещерный комплекс. Значит, на каждом километре было готовое природное жилье.

Таким образом, Южный Урал располагает уникальными условиями распространения пещер. Эти условия позволили человеку использовать подземное жилье. Поэтому и мы имеем уникальные пещерно-археологические условия.

(Продолжение следует)

Пещера у пос. Еланлино на берегу р. Ай

Худоладский пещерный комплекс в Кизильском районе

Катастрофа

Пролог

Гуго Семильянинов, мастер кисти и карандаша, в задумчивости склонился над рисунком. Он работал над сангиной уже более трех часов; шикарный, алого бархата пурпуэн давно был сброшен на кушетку, стоящую в углу, а белая шелковая рубашка улыбалась миру оранжевыми пятнами. Впрочем, при работе с сангиной это было обычным делом: даже на берете, венчавшем продолговатую голову Гуго, изумруд павлиньего пера соседствовал с оранжевыми разводами.

Что делать! Ведь именно сангина принесла ему достаток и славу, позволив подвизаться при лучших дворах Европы. И сангине же, черт побери, он обязан и этим небывалым заказом: пятьдесят полновесных гульденов за пару десятков иллюстраций к карманной Библии! Ганзейский купец, жирный кот, разбогатевший на торговле гнилым сукном, только крякнул, услышав, во что ему обойдется каприз любимой дочери; аванс, однако, выложил – ведь Гуго Семильянинов знаменит, Гуго Семильянинов иллюстрировал «Часослов» самого Франциска I (не получив, кстати, за это ни су, но дело того стоило), так что купчишка, желающий заполучить Гуго на две недели, должен потрянуть мощной! А теперь прибавьте к этому далеко не худшие покои купеческого дома, отданные в полное распоряжение Гуго! Да вдобавок ест и пьет он с купеческого же стола! Определенно, в счаст-

ливый час он покинул Кижэ – родовое поместье Семильяниновых, отказавшись от майората, состоящего из одних долгов. Итог: к тридцати годам денег, славы, внимания женщин – в избытке.

Кстати о женщинах... Гуго машинально подкрутил свои модные усики, запачкав их желтым. Вот уже двадцать минут как в комнату прокралась Лютеция – причина щедрости чадолюбивого купчины – села за его спиной, у окна, на дубовый стул с высокой резной спинкой и теперь смотрит, едва дыша, как чародействует мастер.

Гуго самодовольно усмехнулся. Девчонка для своих шестнадцати бойка, даже чересчур, и если бы не гульден, он ... Хотя, что там говорить, еще со времен парижской истории Семильянинов взял за правило не гм... шалить, где работаешь. Но с другой стороны, разве галантная беседа – это шалость? Определенно, нет. Да и где еще девчонка научится столичному обхождению?

Гуго повернулся и всплеснул руками в припадке лицемерного удивления:

– Сударыня, вы!.. Как давно вы здесь?! Однако я все больше убеждаюсь, что ангел вы не только обличьем. Очевидно, ваше прекрасное платье скрывает пару ангельских же крыльев, что переносят вас по воздуху с неведомой человеческим чувствам, так сказать, архангельской чистотой, и ...

Тут Гуго, осознав, что несколько перебрал, осекся и изобразил полупоклон. Девушка, потупив в смущении голову, пробормотала:

– Что вы, сударь, что вы...

Между тем глаза ее явственно стрельнули в сторону гугова гульфака, украшенного изящным бантиком. Перехватив этот взгляд, Гуго напыжился:

– Вообще-то, сударыня, как ни приятно мне ваше общество, но оно ставит меня в несколько компрометирующее положение. Что подумает о нас ваш отец?..

– Но батюшка знает, что я здесь, – ответила Лютеция, невинно глядя на Гуго, – батюшка сказал, что с таким честным и благородным человеком, как вы, я буду в полной безопасности.

При этих словах Гуго встопорщил усы и издал невнятный звук, долженствующий означать, что сказанное – истинная правда.

– К тому же, – продолжила Лютеция ангельским голосом, – батюшка предположил, что двадцать пять неполученных еще гульденов осенят ваше благородство святой кротостью.

Гуго покраснел. Однако купец, оказывается, не так-то прост, наверняка навел справки, а недоброжелателей у Гуго хватает: он никогда не скрывал своего отношения к собратям по цеху, этим ремесленникам, позорящим своей мазней светлое звание рисовальщика. Но до клеветы-то он никогда не опускался!

– Милостивая государыня, – сказал Семильянинов скучным голосом, – раз так, не изволите ли взглянуть на мою последнюю работу? Оценить, так сказать, выгодность капиталовложений?

– С радостью, мастер, с радостью, – защебетала Лютеция, словно бы не заметив перемены в настроении Гуго, – вот вчера вы показывали нам с батюшкой грехопадение, так я ночь не спала – ужасно мне это понравилось. А что сегодня?

– Сегодня, – Гуго, несколько оттаяв, указал на стол, – вы изволите зреть Ноев ковчег, несущийся под всеми парусами к горе Арарат. На ковчеге, понятно, Ной с чадами и домочадцами и спасаемые твари. Хляби небесные, как видите, затворились, и обитатели ковчега выбрались на палубу погреться на солнышке.

– Ах! – вздохнула Лютеция, сложив молитвенно руки, – как чудесно, сколько благодати и света!

– Черт возьми! – воскликнул окончательно размякший Гуго (при этих словах Лютеция чуть заметно нахмурилась и осенила себя знамением), – я смотрю, вы разбираетесь! Поверьте, только сангиной можно добиться такой безупречной иллю-

зорности. По правде говоря, здесь я использовал технику трех карандашей, но уголь и мел употребил незначительно. Потом, дорогая Лютеция (Семильянинов незаметно скосил глаза на девушку, та слегка заалела), мастер-печатник возьмет рисунок и оттиснет его на мокрой бумаге. Вы-а-ля – чудесная Библия готова! Читайте, смотрите! ..

Некоторое время оба, опершись на стол, молча разглядывали рисунок. Ладонь Гуго как-то незаметно, будто сама по себе, накрыла ладонь Лютеции.

– Дорогая, если бы вы знали, – начал Семильянинов.

– Позвольте, сударь, а это что за странная зверушка? – перебила его девушка, мягко, но непреклонно высвободив руку и указывая на сангину.

– А-а, это, – Гуго разочарованно вздохнул про себя, – это, сударыня, та еще зверушка.

Тут он изобразил торжественную позу и патетически произнес:

– И повел меня в духе в пустыню; и я увидел жену, сидящую на звере багряном, преисполненном именами богохульными, с семью головами и десятью рогами.

Закончив тираду, Гуго хитро улыбнулся:

– Как вы понимаете, Лютеция, – это Откровение...

– ...Глава семнадцатая! – подхватила девушка, – и зверь этот...

– В ковчеге! – закончил Семильянинов, – как же иначе он дождался бы до Последней Битвы?

– Сударь! – захлопала в ладоши Лютеция, – Какой вы предусмотрительный и как много знаете, прямо как наш отец Ансельм!

– На том стоим, – ухмыльнулся Гуго.

– Но как же, – нахмурилась вдруг Лютеция, – у вашего-то зверя только девять рогов.

Гуго молча схватил рисунок, повернул его к свету, прищепывая, пересчитал рога. Так и есть, девчонка права: кроваво-красных кривоватых рожек было девять. По его замыслу, четыре малых головы чуды должны были иметь по одному рогу, а три головы основных – по полновесной паре. Сейчас же выходило, что средняя большая голова украшена лишь одним сиротливым рожком.

Гукнув от досады, Семильянинов взял карандаш и, громко сопя, принялся исправлять упущение.

– Мастер, – зашептала Лютеция, жарко дыша ему в ухо, – а почему зверь у вас такой печальный, мне даже как-то жалко его.

– Очевидно, Ной не запасся молодыми любопытными девушками, коими зверюга привыкла питаться, – буркнул Гуго, отодвигаясь, – не мешайте.

– Ну, правда, мастер, – томно сказала Лютеция, – я думаю, что ему не хватает подруги. И потом, это слишком рискованно – заготовить к Страшному суду лишь одного зверя. А вдруг на него наткнется рыцарь, примет за дракона и поразит? Да-да, я сама знаю двоих таких, которые поражали!

– Ага! – сказал Гуго саркастически. – Зверь был

бы просто поражен, глядя на рыцаря. Не каждый день вкусный обед сам идет в лапы.

– Мастер! – Лютеция капризно сморщила кукольное личико, обрамленное испанской прической, – ну, пожалуйста, пририсуйте ему подругу, я так и вижу: они будут счастливы и нарожают кучу маленьких зверенышей! Что вам стоит!

– Нет.

– Да.

– Нет!

– Да!

– Что за ерунда! – не на шутку взбеленился Семильянинов. – Не было у зверя никакой подруги, и рисовать не буду!

Сверкнув в лучах заливавшего комнату солнечного света алмазной брошкой-трилистником, Лютеция повернулась и направилась к двери.

«Вздорная соплячка», – пронеслось в голове Гуго, – однако гульдены... еще накапает, будто бы я подбивал к ней клинья».

– А, дьявол! Ладно! – сказал он, – вот тут, между грот-мачтой и элфантусом, есть место, пририсую ему звериху, пусть что хотят, то и делают!

Лютеция, взявшаяся уже было за бронзовую дверную ручку, повернулась обратно.

– Я знала, что разум возобладает над глупыми чувствами, мастер, – язвительно сказала она, – не соблаговолите ли вы еще объяснить, каким образом можно будет отличать зверя от его возлюбленной?

Смирившийся Гуго махнул рукой:

– Нарисую звериху без рожек. Как это и заведено, особе женского пола пристали скромность и смирение.

– Но тогда повяжите ей на хвостик красивый бант, – твердо сказала Лютеция, указывая на гульфик Семильянинова.

Гуго беспомощно развел руками. На его счастье (не известно еще, что и куда повязать чуде потребовала бы Лютеция), в этот момент их учнейшая и благочестивая беседа была прервана. Едва слышно скрипнула массивная лакированная дверь, и в комнату вошел низенький полноватый человек, одетый в сунану из плотного коричневого сукна.

Макушка у него была, как и положено черному монаху, выбрита, седые брови грозно нависали над румяными поросычьими щечками, мясистые губы влажно блестели, под правым глазом чернела жирная бородавка.

– Мир вам, дети мои, – сказал он, утирая лоб изящным кружевным платочком, – погоды нынче, Божьим попущением, стоят преотличные. Пока шел от ратуши два платка сменил – хоть выжимай.

– Отец Ансельм! – вскрикнула Лютеция и бросилась к монаху, шурша парчой платьем.

Тот встретил ее ласковой отеческой улыбкой, дал приложиться к пухлой волосатой руке; между тем, его внимательный тяжелый взгляд остановился на Гуго. Семильянинов сухо кивнул и зачем-то убрал руки за спину.

Закончив разглядывать Гуго, монах кашлянул и сказал:

– А я ведь, дражайший мастер, заглянул к вам не праздну, совсем не праздну. Как продвигается ваша работа?

– Благодарю покорно, – ответил Гуго, представляя клирику самому решать, что он имел в виду.

– Ну-ну, – сказал отец Ансельм, подошел к стрельчатому окну и поднял голову вверх, будто подозревая, что на потолочной балке есть какой-то изъян. – Ну-ну, – снова сказал он, – зря вы так, мастер Гуго («Сам дурак!» – подумал Семильянинов), решительно, дело мое касается вас впрямую. Я сейчас от бургомистра, совещались, видите ли, обсуждали вопросы культуры. И знаете, что решили?

– Нет, – ответил Гуго.

– Нет, – сказала Лютеция.

Монах строго взглянул на нее и продолжил:

– А решили мы с бургомистром кое-что насчет прогресса. Прогресс, мастер Гуго, – вообще, интересная штука. Что дало человечеству, например, изобретение такой, на первый взгляд, полезной, штуки, как колесо? Помимо всего прочего, необходимость строить дороги, колесницы. Дальше – больше: скоро найдутся желающие разъезжать на запряженных четверках по улицам городов, придется города перестраивать, улицы расширять. Все больше людей захотят иметь собственные повозки. Везде, и у церквей тоже, будут лежать кучи

навоза. Многие станут украшать свои колесницы золотом и серебром. Начнут завидовать друг другу, мериться, у кого повозка больше, быстрее. Подъезжая к службе, люди будут думать не о спасении души, а о том, чьи лошади чистокровнее. Дворяне начнут тратить деньги не на благоденствие, вверенного им Богом народа, а на искусников, пообещавшим им лучшее устройство передней оси. Все закончится тем, что возжелают летающих повозок и в результате построят новую Вавилонскую башню!

Да взять хоть вас. Я вижу, и вы завели эти новомодные штучки – карманы (Гуго скромно потупился). Зачем, вопрошаю, зачем? Что собираетесь скрывать вы от ближнего своего? Только двуличные и лицемерные люди имеют в мечтах таить и укрывать!

Прогресс развращает, мастер Гуго. Люди хотят иметь, иметь и иметь, забыв, что на земле мы временно. Для чего строим Град земной, не думая о Граде Божьем? Не по научению ли Врага, желающего, чтоб вечно мы обитали в этой юдоли скорби?

Быть, мастер Гуго, вот, что самое главное. Отпали мы от Бога, и святой Фома учит, что неподлинна наша жизнь. Так что же мы выберем: иметь или быть?

Семильянинов демонстративно сунул руки в двуличные и лицемерные карманы.

– А я слышал, нынче даже церковники говорят, что мир и Бог не разделимы, будто мир это и есть Бог, – сказал он.

– Сии ересиархи разделят судьбу сатанианца Бруно, – мрачно посулил отец Ансельм. – Однако я вижу, что вовремя пришел к вам. Давеча я втолковывал бургомистру, что если бы в Содоме и Гоморре праведники, не искушая долготерпения Божья, наставили бы овец заблудших на путь истинный сами, не пришлось бы Лоту искать новую жену. Но для того и дарован нам светоч разума, чтобы извлекать уроки. Так что решили мы впредь пристально исследовать творения наших мастеров на предмет прогрессорских заблуждений.

– Я-то здесь причем? – удивленно сказал Гуго. – Я колеса не изобретал. Делом занимаюсь богоугодным, Библию вот украшаю. Карманы зашью.

– А это мы сейчас посмотрим, – неясно сказал монах, продвигаясь к столу. – Миссия на вас лежит особо ответственная, ибо искусство возбуждает души, принуждая их к плохому или хорошему, а паче всего это касается молодежи. – Отец Ансельм указующе протянул руку в сторону Лютеции, та благочестиво потупилась.

– Нуте-с, – сказал отец Ансельм, склоняясь над столом, – насколько я понимаю, это ваш последний рисунок?

– Рисунок, – ответил Семильянинов.

– Нуте-с, – сказал отец Ансельм, выпрямляясь, – насколько я понимаю, это ваш последний рисунок.

Гуго тупо смотрел на монаха. Наконец до него дошло, что тот имел в виду, выделив предпоследнее слово во фразе зловещей интонацией.

– Позвольте... – покраснев начал он.

– Не позволю! – вдруг тоненько вскрикнул монах. – Это что?! – Он ткнул пальцем в сангину, размазывая краску.

– Это. Зверь, – взглянув, раздельно сказал Гуго, наливаясь стеклянной злобой.

– Вижу, что зверь, – сказал монах. Брови его гневно поднялись, как два архангельских крыла. – Я спрашиваю, это что?

Тут уже брови Семильянинова поползли вверх.

– Это же мачта, святой отец! – воскликнул он. – Просто грот-мачта!

– Это не просто грот-мачта, – сказал отец Ансельм, успокаиваясь. – Это – святотатство! – Он ткнул испачканным указательным пальцем в потолок. – А вы, изволите ли знать, милостивый государь, вы – богохульник!

– Но почему? – спросил пораженный Гуго. – Чем же грот-мачта может оскорбить Бога?

– А тем! – сказал монах, брезгливо оттирая палец платком, – если бы прочли «Бытие» прежде, чем взяться за сей мерзкий опус, не задавали бы таких вопросов. А там точно указано, как построил Ной ковчег по слову Божию. Это вы помните? Э? Нет!

– Я помню, – пискнула из угла Лютеция.

– Вот! – торжественно произнес отец Ансельм.

– Она помнит! Скажи ему, деточка.

– Ковчег был построен из дерева гофер, осмо-

лен снаружи и изнутри, имел сто пятьдесят локтей в длину, пятьдесят – в ширину, твари располагались на трех палубах, сбоку была устроена дверь, сверху – окно, и имел он форму... ковчега! – скороговоркой протараторила Лютеция.

– Ковчега! – повторил отец Ансельм значительно. – Заметьте, ни слова о мачтах, парусах или якорях. У вас же Ной похож на флибустьера, взявшего на бордаж королевский зверинец. Где внушительность? Где основательность? О чем могут возмечтать молодые умы, посмотрев на сию картину? О чистоте и праведности? Нет! Об оргиях, сундуках, наполненных золотом и прочих смертных грехах.

– Но, отец Ансельм, – примирительно сказал Гуго, – мы все-таки живем в конце шестнадцатого века. Наверное, Библию здесь надо читать как-то иносказательно, между строк что ли. Ведь ясно же, что описанный объектом в форме гм... ковчега далеко не уплывет.

– Вы сомневаетесь в божественной мудрости? Вам требуется ее иносказание? – подозрительно вяло спросил монах, прикрыв глаза.

– Ну что вы! – запротестовал Гуго. – Но...

– Тогда немедленно порвите сатанинскую мазню! – сказал отец Ансельм, прихлопнув ладонью по столу. – И впредь извольте советоваться со мной по вопросам вашей живописи.

– Но, святой отец!

– Мастер Гуго!

Семильяново растерянно огляделся. В углу на кушетке ален пурпуэн. Лютеция смотрела на него со злобной ухмылкой, на щеках ее горел румянец. С улицы доносились неясные голоса. Гуго почувствовал, как по шее, противно холодея кожу, стекает капля пота.

Он повернулся к столу, взял сангину и, разорвав ее на четыре части, бросил на пол.

Отец Ансельм удовлетворенно кивнул и молча направился к двери. На пороге он остановился, пропустив Лютецию вперед и назидательно сказал:

– И помните, мастер Гуго, на рубеже нового столетия святая инквизиция особенно внимательно будет приглядывать за неблагонадежными. Так что...

Дверь закрылась, оставив Гуго одного.

Интерлюдия

Под утро Иафету приснился сладкий сон. Ему грезилось, что он подловил жену Хама – молодую, гладенькую Айшу – в дальнем углу загона для скота и, побуждаемый ее призывной улыбкой, уже изготовился к делу. С гримасой блаженства, пуская слюни, Иафет ворочался на жестком ложе, в то время как счастливчик Иафет-из-сна, повернув Айшу к себе спиной, навалился сверху и.... Проклятый бык! Как он умудрился просунуть свою тупую башку между поперечинами изгороди и боднуть его, Иафета, в ребро?! Иафет досадливо отмахнулся: ну уж нет,

сегодня он доведет все до конца! Но проклятая скотина не отставала. Тычки становились все сильнее и больнее, и, наконец, взревев не хуже дикого буйвола, Иафет развернулся, исполненный решимости сломать обидчику шею и... проснулся.

В ноздри тут же ударил запах – немыслимая, дикая смесь терпкого аромата смолы и вони испражнений сотен животных. Иафет, продирая глаза, чуть поморщился: вроде бы и привык к этому благоуханию, а по утрам все равно достает. Ну, ничего...

И тут в бок опять боднули. Иафет поднял глаза и увидел склонившегося над ним папашу Ноя; в свете лучины его лицо, и без того уже красное от праведного гнева, выглядело болезненно-багровым. В руках Ной держал сучковатую палку. Вообще-то она служила ему подпоркой при ходьбе, годы у старика были уже не малые, но при случае палочка могла прогуляться и по спицам сыновей, внушая им должное почтение к родителю.

Ной запыхтел и еще раз изо всех сил ткнул Иафета дубиной.

– За что, батя? – обиженно пробасил Иафет, потирая ушибленное место.

– Дал же мне Бог шынков! – зашепелявил Ной, голос его звучал донельзя сварливо, с губ срывались мелкие брызги слюны: все указывало на то, что старик был весьма и весьма не в духе. – Просто колоды какие-то безмозглые, а не шыновья! Ну, што ты будешь с вами делать? Может к баранам подшесть? Как раз по вам компания будет!

– Батя, чего случилась-то? – миролюбиво спросил Иафет, зевая и почесываясь. – Какой такой нетерпеж?

– Я тебе покажу – нетерпеж! – зашамкал яростно Ной. – Как дам щас по башке – до отхожего места не добежишь, такой тебе будет нетерпеж! Отец всю ноченьку глаз не шмыкает, наблюдения ведет, а шынки родимые дрыхнут с женушками набаловавшись, мол, притомились мы батя, обещцилели!

– Ну, так шел бы и спал, старый хрен, – огрызнулся Иафет, оглядываясь вокруг. По всему выходило, что Мерибол уже встала, и, значит, насчет упомянутого «побаловаться», хоть бы и с опостылевшей родной женой, придется забыть. – Опять бессонница? А мы причем?

Ной неожиданно успокоился, присел рядом с благодарным сыном и пригорюнился.

– Ой-ти, Господи, Боже мой! На кого же я мир-то ошталю? Вот беда, беда!

Иафет рывком поднялся, выпрямился во весь свой немаленький рост, потянулся, хрустнув суставами, и рыкнул:

– Да что стряслось, батя?

– Что стряслось! – старик сухо заперхал, изборажая ехидный смех. – Аль запоматовал, сыне, с чем Стремглавый позавчера вернулся? А?

– Да чего – запоматовал. Ветку он принес. С листьями зелеными.

– Ага! – обрадовался Ной неизвестно чему. – Листы-то, говоришь, зеленые были?

– Ну, – буркнул Иафет, ожидая подвоха.

– И што бы это значило? – Ной с глумливым удивлением всплеснул руками. – Ишь ты, листы, и зелением некуда, с чего бы, а?

– Ну, это... – протянул Иафет, собирая лоб в тугие мясистые складки, – это... Ну, голубь, значит, ветку сорвал.

– И?

– И сюда принес! – Иафет торжествующе взглянул на отца, взгляд прояснился, спина гордо выпрямилась.

– Тыфу ты! – сплюнул Ной на дощатый настил палубы. – А ведь первенец, ничего не поделаешь! Земля, значит, появилась, сухая земля! Понял, олух? И сейчас, пока вы тут все ухо давите, нас на эту земельку-то и несет!

– Га! – только и смог вымолвить Иафет.

– Ну, чего стоишь, рот разинув? – напустился на него Ной. – Иди, подымай братанов, готовить надо!

Иафет тупо моргнул пару раз, а потом опрומетье – только хлопнула занавеска, сшитая из козьих шкур, – бросился из каморки, где ночевал с женой долгих пять месяцев, в тухлый сумрак ковчега.

Вскоре стараниями Ноя и Иафета, истово взявшегося за дело, на корабле поднялась невообразимая суета. Женщины принялись было делать уборку, но обвиненные Хамом в нелогичности, все бросили и принялись переключивать – совершенно бессмысленно и бесцельно – с места на место разную утварь, путаясь под ногами то и дело покрикивавших на них мужчин.

Гордый патриарх лично сводил каждого отпрыска по очереди к смотровому отверстию, где демонстрировал показавшуюся на горизонте темную полосу. Причем делал он это с таким видом, словно был, по меньшей мере, старшим помощником Создателя при отделении суши от моря. Вообще-то, в лучах восходящего солнца мало, что можно было разглядеть, но море, несмотря на устойчивый ветер, было спокойным, и берег с каждым часом становился все заметнее.

Возбужденные сыновья, насмотревшись на предполагаемую землю, бездельно слонялись по ковчегу, усиливая растущую суматоху: до животных, расквартированных на нижней палубе, быстро дошло: происходит что-то необычное, и каждое из них старалось, не жалея сил, внести свою лепту в общий концерт. Ковчег наполнился мычанием, бляением, квохтаньем, меканьем, шипеньем, рычаньем, визгом, уханьем, писком, лаем, мяуканьем, стрекотаньем, шуршаньем и топотом. Вонь усилилась во сто крат. На старые дрожжи наложились новые свидетельства волнений Ноевых подопечных.

Успокаивать зверей, убирать за ними, а равно и кормить их никто не собирался – с какой стати?

Скоро перейдут на самообеспечение, а пока подождут, не такие уж и важные персоны. И так натерпелись за полгода от оглоедов! И жрать им давай, и вынеси за ними, а в благодарность – укусы, синяки да шишки. Но теперь все, хватит, скоро свобода!

Постепенно праздничная атмосфера безраздельно воцарилась в маленьком клане Ноя. Мерибол и Керин – старшая и средняя невестки Ноя – так и вились возле Ханны, треща о всяких пустяках: мол, как все замечательно вышло, и как им всем повезло, и как здорово они теперь заживут без докучливых соседей. Жена Ноя важно и степенно, как и полагается хозяйке дома, кивала, частично, впрочем, невпопад. Даже дичившаяся обычно молодая Айша улыбнулась пару раз из своего угла.

Братья от избытка чувств устроили в общей комнате, где был выложен из булыжников небольшой примитивный очаг, состязания в борьбе. Побеждал чаще всего Иафет, превосходивший родичей и ростом, и силой. В одной набедренной повязке, поигрывая блестевшими от пота мускулами, он то и дело хищно поглядывал на болтающих женщин. Ноздри его раздувались, как у жеребца, почуявшего течную кобылицу. Наконец, Сим с Хамом не выдержали и бросились на великана вдвоем. Началась беспорядочная грандиозная свалка, и неизвестно, чем бы кончилось дело, не появившись в этот момент Ной. От старика густо несло просняным пивом (сухой закон, введенный им самим в начале плавания, на автора, естественно, не распространялся), и он совсем не расположен был шутить.

В ход пошла известная уже дубина, и вскоре усмирные сыновья под чутким руководством ро-

дителя начали разбирать верхний настил палубы. Одна доска за другой исчезали в недрах ковчега, и вот уже в широкий пролом хлынули свет и легкий соленый ветер.

Люди замерли, опьяненные свежим воздухом и ощущением свободы. Солнечные лучи, пробравшись в закоулки ковчега, высветили всю мерзкую неприглядность временного пристанища спасенных. Всем, не исключая и животных, немедленно захотелось на берег, представлявшийся теперь райскими кущами. На нижней палубе поднялся такой топ, что Ной испугался, как бы ковчег не развалился раньше времени. Но задул ветер, и корабль, сделав последнее усилие, уткнулся носом в твердь; резкий толчок бросил людей на колени.

Отчаянно ругаясь, Ной поднялся, тяжело опираясь на палку, и заспешил к носовому выходу, заделанному просмоленным досчатым щитом. За ним потянулись сыновья, последними робко шли женщины.

Света от проделанного в палубе отверстия вполне хватало, и по знаку Ноя Иафет извлек откуда-то здоровенную колотушку и начал вышибать заглушку по смоляным швам. Щит сопротивлялся грубой силе недолго и вскоре выпал наружу, открыв довольно широкий проход. Ной, за ним Иафет, Хам и Сим осторожно выглянули наружу, и тут же раздался общий разочарованный вздох.

Оказывается то, во что уткнулся ковчег, сухой в полной мере назвать еще было нельзя. Нос корабля плотно увяз в некоей довольно густой консистенции, до потопа именуемой просто – грязь. Правда, к радости путешественников локтях в шестидесяти от места высадки обнаружился небольшой холм уже основательно подсохший и успевший даже порости зеленой травкой, но можно ли было до него добраться, никто сказать не мог.

– Так, шыночки родимые, – твердо прошамкал Ной, оглядев всю диспозицию, – грязь, не грязь, а шшытай, что причалили. Зверюг выпустим попожжа, когда здесь все высохнет, проломим борта и айда! А сейчас первым делом надо жертву Создателю принести, всесожжение, жначит, за то, что уберег от стихии лютой. Пригорушку видите, милостивцы? Жначит, туда дровишек и натаскайте, да жертву приготовьте, а я пока, – Ной картинной зевнул, обнажив розовые десны, украшенные пеньками гнилых зубов, – я пока вздремну, а то умаялся за вами, обормотами, глядячи.

Милостивцы растерянно смотрели в спину удаляющегося отца.

– Вот что, братья, – сказал наконец Иафет, ожесточенно скребя в затылке; ловко поймал вошь, звонко раздавил ее на лопатоподобном ногте, – с одной стороны, нам, значитца, повезло – дровишки-то как раз на носу сложены, а с другой стороны... он озадаченно посмотрел за борт.

– Попробовать глубину надо, – предложил Сим.

– Точно! – обрадовался Иафет. – Спустим Хама!

– Нелогично, – тут же откликнулся Хам.

– Чего?! – протянул Иафет. – Да я...

– Ну, сам посуди, – быстро продолжил Хам, – я из нас самый легкий. Допустим, грязюка эта меня как-то выдержит. Ты обрадуешься. Полезешь всей своей тушей вниз и утопнешь, поминай, как звали. Ты ведь знаешь, как я тебя люблю и уважаю, братец, и смерти твоей никогда себе не прощу! – Хам сделал скорбное лицо и опустил глаза.

– Так значит что? – тупо спросил Иафет.

– Значит ради твоей же безопасности вниз спускаться тебе! – заключил Хам. – Да ты не бойся, не бойся! – закричал он, видя, как наливаются кровью глаза брата, – мы ж тебя веревкой обвяжем, вытащить всяко успеем!

Иафет добыл еще одну вошь, для разнообразия прикусил ее и мотнул головой:

– Обвязывайте!

Все оказалось не так уж и страшно. Грязи было по колено Иафету и по... гм... чуть выше Симу и Хаму. Работать было можно. Поставив женщин в люк на подачу, братья принялись перетаскивать дрова на пригорок, и поскольку работы никогда не боялись, вскоре весь холм был уже завален связками сушняка, словно бы вслед за потоком Ноевы отпрыски решили залить мир огнем.

Сидя рядком на вязанках, братья задумчиво глядели вдаль, грелись на солнышке и размышляли.

– Размножаться надо, – рассудительно говорил Иафет, окидывая взором исходящие паром грязевые поля, – землицы, гля скока, чернозем сплошной, а пахать кто будет?

– Надо, – серьезно поддакнул Хам, – я вчера это же Мерибол втолковывал, еле уговорил...

– Да, – махнул рукой Иафет, – глупая баба, разве чего в стратегии понимает?

Сим прыснул, затем, не сдерживаясь, захохотал.

До Иафета медленно стало доходить. Багровая краска бросилась ему в лицо, мускулы вздулись.

– Ну, ты... – угрожающе начал он, поднимаясь с хвороста.

– Мир! – закричал Хам, отпрыгивая подальше и улыбаясь во весь рот. – Шутка же!

– За такие шутки... – продолжал, выпрямляясь Иафет.

– Кончай, брат! – хлопнул его по плечу Сим. – Лучше давай решать, кого в жертву приносить будем, видишь, и солнце уже на закат пошло, папаша вот-вот проснется, ору будет...

– Весельчака и принесем, – буркнул Иафет, усаживаясь обратно, – вот и будет олух Царю небесному!

– В жертву положено агнцев приносить! – авторитетно заявил Хам, подходя поближе. – Барашков, значит, невинных.

– Сам ты – невинный! – возмутился Иафет. – А жрать чего будем? Сам же знаешь, батя велел каждой твари по паре взять. Щас баранов хлопнем, и

все, только мы их и видели. Тебе-то не надоело самому всухомятку сидеть? А? Сухарики да вареной из полбы наворачивать? А мне вот мяса подавай! Или не заслужили?

– Заслужили, заслужили, – успокоил брата Хам, – но ведь жертва-то все равно нужна...

– А у меня есть идея! – сообщил Сим, выждал прямо-таки классическую паузу и продолжил. – Ну-ка, вспомните, кто у нас слева по борту в нарочитых загонах сидит?

– Точно! – воскликнул Хам. – Молоток, братец!

– А-а, – протянул Иафет, – это те, которые...

– Да-да! – подтвердил Сим. – Страхолюдины огромные! И бесполезные.

– И прожорливые, – добавил Хам, – а земля-то молодая, еды на всех может не хватить!

– А меня этот, у которого передние лапки совсем махонькие, а пасть шире батиной, намедни кусанул больно, пока я из-под него говно ворочал! – наябедничал Иафет.

– Ну, так тащи его сюда! – завершил обсуждение Хам. – В жертву его, паскудника!

– Ага, тащи, – заворчал Иафет, – а зубищи ты у него видел?

– А дубину ты свою видел? – передразнил его Хам. – Тресни ему по башке и волоки. Ты ж вон какой облом!

Что-то бормоча про себя, Иафет спустился с пригорка, прошлепал по грязи до ковчега и ловко вскарабкался внутрь. Через минуту из недр корабля донесся мощный рев, затем братья услышали громкий шлепок, как от пощечины (у Хама при этом непроизвольно перекосило лицо), короткий визг – и воцарилась тишина.

– П...к котенку, – резюмировал Сим.

– Пойдём, поможем, – сказал Хам, вставая и отряхивая набедренную повязку.

Вскоре громоздкая туша некогда грозного зверя была торжественно брошена поверх приготовленного кострища.

– Маловато будет, – заметил Хам, обходя пригорок кругом, – слушай, Иафет, тебя там никто больше не кусал случаем?

– Да все они там... – Иафет безнадежно махнул рукой, – гады, одно слово!

– Но... – начал Сим.

– В общем, валим весь отсек, – жестко прервал его Хам, – чем больше, тем лучше. Угоднее!

Вновь пошла работа, коей, как было уже замечено, братья отнюдь не боялись. Как раз к закату на холм заволокли и там прикончили последних обитателей дальнего загона.

– Ровнее клади! – командовал Хам. – Все-таки жертву приносим! Да обкладывай хворостом, обкладывая, а не вали сверху! Пропитается, как поджигать будешь?

Все вокруг утало в крови.

Когда солнце, устроив напоследок шикарное зарево, почти увалилось уже за горизонт, из ковчега выглянул Ной.

– Робята! – закричал он. – А ну, шнесите меня кто ни есть!

За отцом пошел Иафет.

– Все сделали батя, – докладывал он, перетаскивая Ноя через грязь на закорках, – дрова уложили хорошо, жертв много, благостно получится!

Дождавшись, когда Иафет ступит на сухую-землю, Ной спрыгнул с наследничка, оперся о свою суковатку и огляделся.

Нижняя челюсть его полезла вниз, глаза выкатились из орбит.

– Какх, какх? – завохтал он, жадно хватая воздух губами.

– Да уж постарались мы, – гордо заметил Сим. Хам, начиная подозревать неладное, отодвинулся подальше, на задний план.

Ною, наконец, удалось вдохнуть.

– Убивцы! – заорал он так, что из ковчега выглянула Мерибол, бросила тревожный взгляд и скрылась от греха подальше.

– Остолопы! – продолжал надрываться Ной. – Погубители! – Вдруг тяжело опустился на землю и заплакал.

Сыновья стояли поодаль, не решаясь подойти к отцу, до этого ни разу не лившего при них слез. Первым опомнился Сим. Он сел рядом с Ноем, осторожно обнял его за плечи и тихо спросил:

– Папа, пап, что не так, скажи, сил не пожалеем, поправим.

– Ага, поправите! – огрызнулся сквозь слезы Ной. – Ведь говорено было, в жертву приносятся только чистые! Я ради этого и барашков побольше взял, как раз у моей каморы в малом загоне содержались. А вы? Да и где же теперь таких зверей набрать, вы же их всех того... – Ной всхлипнул. – А я обещал, что выживут! По паре, кровь из носу!

– А может, обойдется, батя? – прогудел, подсаживаясь Иафет. – Чуды-то больно препротивные да страшные были, к чему Создателю такие?

– Ты сам в зеркало давно смотрелся? – вызвелился на старшего сына Ной. – Туда же – препротивные! Какие ни есть – а божьи твари! Не тебе судить!

– Теперь уж все равно, – тихо сказал подошедший Хам, – да мы ведь и от чистого сердца.

Ной тяжело вздохнул, вытер слезы и, запрокинув голову, посмотрел на небо. Смеркалось. Невесомые, похожие на ключья овечьего подпушка облака, весело летели в неведомую даль. Темнеющий закатной синевой купол торжественно безмолвствовал.

«А может правда, если от чистого сердца, жертва и сама становится чистой?» – подумал Ной.

Потер ладонями лицо, взглянул на посерьезневших сыновей.

– А и ладно! – махнул рукой. – Не пропадать же добру! Всесожжение, так всесожжение!

– А как насчет баранинки, батя? – осторожно заметил Иафет.

Ной погрозил ему сухим кулачком.

– Вот особенно тебе будет баранинка! – смягчился. – Ну, инда будь по-вашему! Хам, сыне! Загончик-то тот помнишь? Так тащи овнов сюда, да бурдючок там смотри, не забудь!

– Баб волоки! – крикнул Сим вслед весело прыгающему по подсохшей грязи брату. – Не сами же мы с баранами-то возиться будем!

Иафет блаженно улыбался – жизнь была прекрасна!

Эпилог

– Том!

Нет ответа.

– То-ом!

Нет ответа.

– Да Том же! Где этот несносный человек?!

Джим Маккинрой, словно бы адресовав вопрос окружающему пространству, оглянулся вокруг, пожал плечами и направился к большой лабораторной палатке, установленной в центре лагеря.

Ну, так и есть! Вход в палатку был не зашнурован. Джим осторожно заглянул внутрь и увидел в мутном полусумраке длинную, костлявую фигуру, склонившуюся над внушительного вида микроскопом. Это и был Том Сазерленд, научный руководитель экспедиции.

– Том! – жалобно позвал Маккинрой. – Ну что, трудно ответить?

– Слушай, Джимми, – очень спокойным голосом начал Сазерленд, не отрываясь от окуляров ни на секунду, – если ты опять со своими завиральными...

– Нет, нет, Том! – зачастил Маккинрой. – На этот раз действительно что-то важное! Поверь, очень важное!

Последние слова Джим произнес особенно весомо, с нажимом, и Том, испутив тяжелый вздох, прервал исследования и взглянул на коллегу.

Они работали вместе уже два месяца – почти все лето, хотя знали друг друга и раньше, еще с университетской скамьи. Оба в свое время увлеклись палеоисторией и жизни не мыслили без своих чудненьких, любеньких динозавров. Но потом судьбы их разошлись: Том остался в университете, на кафедре, быстро обзавелся приставкой к фамилии Dr Ph., как-то незаметно влился в научный мэйнстрим, посыпались приглашения на лекции, гранты, публикации. А Джим Маккинрой неожиданно для всех погрузился в дебри самых причудливых паранаучных направлений и в результате стал ярким апологетом теории инопланетного вмешательства в жизнь его обожаемых ящеров. Понятно, что особых лавров он на сем попроще не снискал и равняться с более удачливым и мудрым товарищем не мог.

И все же именно Джиму в первую очередь Сазерленд предложил войти в состав экспедиции, когда получил грант «Ист-сент-бейльского научно-общества» на изучение самого крупного на

американском континенте захоронения динозавров – легендарного Драмхеллера.

Такой поступок, впрочем, никого не удивил. Все решили, что молодое светило науки поддерживает таким образом друга, подававшего некогда большие надежды, тем более, что палеонтологом Маккинрой был действительно классным.

Но была и еще одна причина, о которой Том никогда никому не говорил, тем более Джиму.

Дело в том, что главный распорядитель «Ист-сент-бейля» перед тем, как подписать документы на выделение финансирования, имел с Сазерлендом весьма продолжительную приватную беседу. Если опустить множество велеречивых благоглупостей, смысл разговора сводился к одному: общество дает деньги, и немалые, Том же со своей стороны обеспечивает неопровержимыми фактами «астероидную» теорию исчезновения динозавров. Выбор средств для совершения этого эпохального открытия общество скромно уступало самому Тому.

Том думал ровно пять минут, а затем подписал бумаги.

Конечно, цели общества, честно говоря, не совсем понятны, но доллары есть доллары, а вооб-

ще, такие, с позволения сказать, маневры, были обычной практикой: заказчик получал результат (более или менее качественный), а исполнитель пополнял багаж своих знаний, и ничто не мешало ему чуть позже выступить перед коллегами уже под собственными знаменами с собственными теориями. Так что – ничего личного, дело, и только дело!

И, тем не менее, когда неделей позже Том оформлял Маккинроя ведущим специалистом экспедиции, делал это он с особым злорадством. Во-первых, было весьма приятно запустить пару игл под кожу финансовым воротилам от науки: «инопланетник» в самом сердце стана «астероидников» – это что-то! А во-вторых, Сазерленд, несмотря на то, что уже до мозга костей принадлежал академической науке, гибкости разума не утратил и любил повозиться с поливариантным анализом. А Маккинрой – Том не сомневался в этом – подкинет ему не мало самых причудливых гипотез. Для продвижения науки – лучше не придумаешь, а оформить правильный отчет он уж как-нибудь сумеет, не впервой.

Жизнь, как это и водится всегда, внесла в расчеты Тома свои коррективы. За два месяца совместной напряженной работы Маккинрой надоед ему хуже горькой редьки. К удивлению Сазерленда, однокашник, с которым они толком не общались добрых семь-восемь лет, оказался мелочным, склочным интриганом и самовлюбленным лентяем. С самого начала исследований Джим вообразил себя центральной фигурой в совершающемся во славу науки действе и повел себя если не как начальник экспедиции, то как приглашенная суперзвезда уж точно. Он не выполнял заданий из плана работ, намеченных Томом, использовал аппаратуру, как и когда ему хотелось, то и дело задирал остальных сотрудников, а в дискуссиях, на которые так рассчитывал Том, участвовать отказывался, с отменным апломбом намекая на известные отношения свиней и бисера.

Сазерленд вначале не обращал на выходы Джима никакого внимания, полагая, что старый товарищ вскоре втянется в процесс и поумерит свою эксцентричность. Затем под давлением общественности он вынужден был провести с Маккинроем пару бесед о пользе планирования и коллективного труда. А еще позже, когда стало ясно, что Джим неисправим, несколько раз даже рывкнул на горе-сотрудника, хотя обладал от природы мягким, незлобивым характером. Впрочем, Маккинрой проигнорировал все попытки установить с ним контакт в точном соответствии с поговоркой: собака лает – караван идет. И было ясно даже самому безмозглому ежу, кто в этом перечне из ху!

В конце концов все как-то притерпелись, смирились, а Том старался теперь встречаться с Маккинроем как можно реже, что, тем не менее, не исключало таких ситуаций, как сегодня.

«Полдня коту по хвост», – печально думал Сазерленд, следуя за широко шагавшим Джимом, – ну почему я опять не смог отказать?»

– Джим! – окликнул он Маккинроя. – Скажи, куда хоть идем?

– А там, – неопределенно махнул рукой Джим, – на южной оконечности.

Сазерленд в очередной раз тяжело вздохнул: значит переться им через всю долину, где экспедиция вела раскопки. Через все эти песчаные холмы и холмики, по узкой тропинке, петлявшей между огороженными окаменелостями. Точно, полдня они убьют, это – как пить дать!

Шли молча, Джим все так же вышагивал впереди, целеустремленный, как велоцератор, заметивший зазевавшуюся добычу, Сазерленд плелся за ним, снимая время от времени бейсболку и поглядывая на небо: вдруг дождь? Тогда пришлось бы вернуться, а там, глядишь, и отбоярился бы вообще от приставучего Джима. Но канадское небо было безоблачным, и удивительно синим на фоне щедро разбрасываемой солнцем позолоты.

Наконец, когда уставший и раздосадованный Том отметил тридцатую минуту пути, Маккинрой, решив видимо сменить гнев на милость, остановился перед небольшим углублением в песчаной почве и торжествующе ткнул туда пальцем.

Том подошел к ямке поближе и тупо уставился на кучку мелких костей, покрытых минеральными отложениями. Постепенно в душе его начала вскипать злорада.

– И что? – холодно спросил он.

– А все! – весело ответил Маккинрой.

Том непроизвольно сжал кулаки, но сумел сдержаться, – лишь уничижительно взглянул на Маккинроя, молча развернулся и пошел обратно в направлении лагеря.

– Дружище! – прилетело ему в спину. – А я и не знал, что после присуждения докторской степени обязательна ампутация мозга!

Это было уже слишком! Том резко развернулся и сделал в сторону Маккинроя несколько шагов, лицо его исказило гневом.

– Слушай, ты! – заорал он. – Ну, чего ты меня достаем? То, что ты тварь неблагодарная, я уже заметил, так ты еще и просто хам! Собирай свои...

– Том, – неожиданно мягко перебил его Маккинрой, – ну, взгляни ты на эти косточки, чего тебе стоит, а? Ну, иди, взгляни!

Сазерленд некоторое время буравил своего ведущего специалиста злобным взглядом, затем вновь подошел к раскопу и демонстративно уставился на мерзкие мослы.

– Что ж, мистер Маккинрой, сэ, как прикажете, гляжу!

– Не кипятись, Том! – миролюбиво сказал «мистер». – Вот ты лучше скажи, что это за кости, и все встанет на свои места. Или доктора нынче брезгуют сравнительной анатомией?

Том поджал было губы, но все же профессионал одержал в нем верх, и Сазерленд полез вниз, к злополучным костям.

– Несомненно, – сказал он спустя несколько минут, – останки принадлежат мелким млекопитающим, возможно парнокопытным, полорогим. Что дальше?

– А дальше, Том, – засмеялся Маккинрой, – оказалось найти ответ на простенький вопрос: откуда в геологических пластах, принадлежащих ящерам, взялись парнокопытные млекопитающие! Вопрос, понятное дело, на засыпку. Минута пошла!

– Какая еще минута! – досадливо отмахнулся Сазерленд, – Что за игры! И причем здесь... А-а! – лицо его озарила догадка. – Ясненько, ясненько! Ну, вот мы и пришли к нашим инопланетным братьям по разуму! А я то все ждал, когда же? Дождася! Так ведь, Джим? Ведь так? Дамы и господа! – Том принял картинную позу. – Представляю вам открытие века! Миллионы лет назад наша Земля была чем-то вроде национального заповедника для иных цивилизаций. Сильные мира того нередко наведывались сюда, чтобы всласть поохотиться на динозавров, а потом неплохо провести время у походного костра, вкушая предсудомительно захваченный с собой шашлычок! Или нет, не так. Леди и джентльмены! Увы, но здесь когда-то разыгралась ужасная трагедия! На нашу милую голубую планету прибыла делегация дружелюбных разумных парнокопытных. Но какой прием они здесь встретили? Грубые звероящеры не прислушались к теплым приветствиям и мудрым словам и использовали инопланетян по прямому назначению – плотно позавтракали! Прольем же слезы скорби над этими бранными останками...

– Хватит, Том, – поморщился Маккинрой, – не юродствуй, тебе не идет. Черт возьми! Если бы вы хоть на минуту сняли свои академические шоры и здраво взглянули на вещи! Скажи, ну как можно годами проходить мимо вопросов: почему в этой долине найдены практически в одном месте динозавры тридцати пяти видов? Почему у многих из них в черепушках зияют милые такие дырки, не совместимые с жизнью имеющих их особ? Почему скелеты не нагромождены хаотично, как можно было бы ожидать в результате катастрофы, а такое ощущение – выложены ровными рядами? Да вот и кости эти, как они здесь оказались, как вы их впишите в свою картинку?

– Все, что ты мне тут наговорил, давно известно, – важно изрек Сазерленд, выбираясь из ямы и отряхивая ладони, – есть вопросы, не спорю, есть, но это предмет дискуссий, с кондачка такие проблемы не решаются. А что касается этих косточек... Ну, вот тебе первая рабочая гипотеза: млекопитающих съели гораздо позже, к стати, съели – бесспорно, вон следы зубов какие отчетливые, не иначе саблезубый глодал, где уж тут инопланетянам! Так вот... Съели, говорю, позже, а потом из-за тек-

тонической активности произошел сдвиг слоев, и все дела. Применяйте, друг мой, бритву Оккама почаще! – назидательно закончил Сазерленд. – Глядишь, и результаты пойдут!

– Хорошо, Том, как скажешь, – смиренно проговорил Маккинрой, чем вызвал подозрительно-удивленный взгляд товарища, – но может быть, ты не откажешь мне в небольшой услуге, малости, в общем...

– Ну...

– Мы ведь все равно отправляем кучу костей на радиоуглеродный анализ возраста, давай, и эти косточки туда сунем. Ну, пожалуйста, давай, а?

Том вздохнул, который уж раз за день. Просьба действительно, не ахти какая. Спорить и ссориться смысла нет. Да и устал он.

– Ладно! – сказал он. – Я отдам распоряжения. И если у тебя все...

Маккинрой развел руками – мол, конечно, конечно.

– Тогда пошли работать! И так столько времени потеряли...

Когда через неделю пришли результаты анализа возраста Джимовых костей, Сазерленд был очень, очень удивлен!

Промерзнешь от сердца до слез
и плачешь по-детски, всерьез
над первым игрушечным снегом,
над птичьим межоблачным бегом.
И кажется, будто с небес
спускается призрачный лес,
мелькают верхушки сосенок.
И спит безутешно ребенок
под ветхой немой высотой,
где ангел живой и простой
все шепчет сквозь хлопья и перья
предания, сказки, поверья.

Тише предутренней дремы
в долгой яснеющей тьме
сходят с причала паромы.
Каждый везет на корме
листья увядшего счастья,
брызги нечаянных слез.
Так вот однажды с запястья
ветер объяты унес.
Было иль вправду приснилось
прикосновение тепла?
И тишина объяснилась,
боль от груди отлегла
да просочилась меж пальцев,
воздух оставив хмельть.
Истовой памяти глянец
мне не дает умереть.

Дышать в ползатяга немея
от запаха скорой зимы.
И вспомнить-то даже не смею,
как снежные ленты прямы,
как светится воздух от влаги
и вьется уклончивый след,
как будто на белой бумаге,
расстеленной, виден ответ.

Дерево скучает по лесам,
птица возвращается на небо.
Я по всем по четырем углам
раскидала маленькие беды.
И – что толку – весело курить
в неживом гипюровом вагоне?
Я могла бы все тебе простить.
Дождь застрял в оледеневшей кроне.
На все стороны я разбросаю снег,
протопчу тропинку, отогрею
дом, где окаянный мой побег
кажется душе еще вернее.

Всю ночь луна на стопке книг
квадратом синим индевелла
и заменяла мне ночник,
и беспокойным светом грела.
Босой сквозняк листал страницы,
терзал меж строчек красоту
и сквозь упрямые ресницы
казался шагом в пустоту.

Ты – мое едва слышное время,
от мороза и мартовской лени,
от любви, пережатой тоской,
воздух вязкий и еле живой.
И от запаха ласковой глины
пальцев памятью, самую длинной,
задрожала в дыхании речь,
обжигая очерченность плеч,
застывая в недвижимом слове
и воркующей длящейся крови,
как в тропиночке в небеса
под сурдиночку голоса.

За волю и воздух не жалко тепла.
Я все отдала – уноси, сколько сможешь.
Нарядной зимы на порог не положишь –
захочет погода и грянет сама.
Душой нараспашку постигла любовь
и дрожь снегопада, простив, приютила.
Ты – вечность, и время тебя научило,
что только для ангелов выдуман кров.
И значит не стоило плакать и петь –
рвет душу не жизнь, а ее неместимость.
С погодой и временем как-то смирилась,
а третье смирение, стало быть, смерть.

Осень Артиста – гончего пса

Однажды весной на лесной кордон к тете Моте и дяде Ване приехал Андрюха – городской охотник, который всегда был тут желанным. Старики его любили за душевность, за тонкое знание охотничьих премудростей, но и он уважал их вместе со всеми пристрастиями и с пустыми руками никогда не появлялся.

Андрюха молча вытащил из-за пазухи что-то белое и стал оглядываться по сторонам. Увидел на лавке Иванов ватник, сел рядом, подоткнул его края, сделал гнездышко, положил туда щенка. Все оступили лавку, а Андрей отошел в сторонку, уступив место изумленным хозяевам. Наступила такая тишина, что даже куры в запечном уголке прекратили свою возню и настороженно замерли.

Белизна короткой гладенькой шерстки осветила склонившиеся лица и темную котовью морду. От этого света в убогой серости избушки стало теплее. Нежная розовая кожа на тугом, круглом щенячем пузике чудесным образом разгладила морщины на Мотином лице. Иван не мог оторвать глаз от спящей мордочки с бархатными рыжими ушками, черной кожаной пупочкой на конце белого носа и задорно торчащих реденьких усиков. Казалось, ще-

нок сейчас проснется, вскочит и начнет выделывать какие-нибудь смешные выкрутасы или раскланяется по сторонам и споет поставленным голосом арию из популярной оперетты.

– Нарядненький какой! Чисто артист, – восхищенно сказала Мотя.

– Какой артист? – возразил Андрей. – Обижает, тетя Мотя, охотника. Он хоть и не совсем чистокровный, а гончак от моей Лютни. Лучшего в помете для вас отобрал. Подрстет – все зайцы ваши будут, а может, на лис и козлов привадится ходить.

– Мотя права, пускай Артистом зовется, а уж кого гонять будет, того будет. Вырастить еще мальчика надо, – примирительным голосом сказал Иван.

– Ну-ну, выращивайте, как знаете, но только без меня, – подумал разгневанный Кот, – еще не хватало мне в одном доме с собачьим младенцем жить. Вот как на него все уставились! Можно подумать, сами родили. Мало того, что хозяева – пьяницы, так надо же еще до такой степени опуститься, чтобы собаку в доме завести. Уйду я от них, точно уйду.

У Кота было одно заветное местечко, где он скрывался в лесу в непогоду. Навесик под скалой был уютный. От ветра с трех сторон закрывали стен-

ки, а прямо перед глазами качались верхушки пихт с шишками. Макушки плавно уходили в долину ручья и сливались в сплошной зеленый ковер. Домик Коту из нового убежища тоже видно, но только если лежать головой к правой стенке. Вот он, стоит себе на своем пригорке, одинокий такой, заброшенный среди лесного края.

На этом месте для Кота и закончился этот ужасный день, но, уже задремывая, он услышал стрекоучущий голосок.

– Здравствуй, Коток. Вижу, у меня новый сосед появился. Как, думаю, не поздороваться.

На одной из ближайших пихтовых верхушек сидела белка. Она была еще в роскошной зимней серебристой шубке с черными кисточками на ушах. Эта белка обращалась к Коту, хотя ее мордочка ничего особенного не выражала.

– И тебе Белая привет, – сдержанно ответил Кот, не поднимая головы с передних лап.

– Ты как, свежим воздухом дышишь или надолго в лес подался?

Коту явно хотелось излить душу, но он тянул время, собираясь с духом. Белка терпеливо выжидала. Кот понял, что она ждет его ответа не из простого любопытства и, собравшись с мыслями, рассказал короткую историю о появлении в избушке детеныша извечного супостата кошачьего племени и о решении зажить своим умом.

– Значит, пора тебе, дружок, в наше таежное братство вступать. Не годится одному тут на скале

Артисту определили место в картонной коробке с низенькими бортами, которую пристроили у печи в укромном уголке рядом с топчаном. Там он и спал на постеленном тряпье после первой кормежки на новом месте. Сегодня он не мог не переживать из-за крутых перемен в своей жизни. Обычно щенки, отнятые от матери, первое время плачут, ищут привычное тепло домашнего гнезда, но у Артиста сегодня на это просто не осталось сил. Артист был еще так мал, что по-настоящему думать не умел, и вместо мыслей в его головке шевелилось что-то другое. Он спал, и только лапки подергивались во сне, да изредка прорывались всхлипывания.

Было маленькому отчего поплакать. Еще по дороге, когда его везли за пазухой под непонятный для него перестук и пугающие свистки, ему начал, а вернее сказать, впервые приснился странный сон. У этого сна не было ни начала, ни конца. Это был один непрерывный клубок. Серый Клубок или шар катился и катился, наступал и наступал на маленького щенка. Песик вскочил, пытался увернуться, но при каждом его движении клубок только разрастался. Увернуться от него не было никакой возможности. Вот тогда песик догадался, что от Серго Клубка надо просто быстро бежать. Этот бег начался с первой встречи и, видимо, не закончится никогда. Пес сначала бежал изо всех сил, не оглядываясь, но щенячьи силы кончились очень быстро, он начал спотыкаться и шевелил лапками все медленнее. У него не хватало смелости оглянуться. Он и так знал, что Клубок преследует его неотступно, но когда, собравшись с духом, он на ходу повернул голову, то убедился – преследователь не отстает. Силы все таяли, и бег замедлялся, но скоро песик заметил, что Серый его не догоняет, а держится примерно на одном расстоянии. Сил уже не хватало даже на то, чтобы просто переставлять лапы и пес упал, глядя на Клубок. Вот теперь, когда бег прекратился, злобный катун приближался неумолимо и рос на глазах. Щенок попытался встать, дернулся, но упал – лапы уже не держали ослабшее тельце. Он заплакал, когда выросшая до небес серая тень почти накрыла его. Стало ясно: следующий миг будет последним в короткой жизни. В этот самый момент

готовать. Как ты до сих пор пиратствовал в нашем лесу набегами из избушки, больше тебе не сойдет. Теперь ты один из нас, лесных жителей. Пичужек с мышами на твой век хватит, но в беззаконии жить не годится. Вот настанет осень ...

Дальше у Кота с Белкой начался такой серьезный и долгий разговор, что закончили они его уже в полной темноте. Подробности этого разговора людям знать не надо, это касается только зверей.

В это время в избушке хозяева засветили керосиновую лампу и готовились укладывать спать Андрея. Он сразу крепко уснул без сновидений, как только прилег на Ивановой кровати.

он проснулся. Кругом было темно и тихо. Артист подумал, что Клубок его раздавил. Из-за печки слышалось шуршанье – куриц побеспокоила осмелевшая без Кота мышь. Они стали снова умащиваться на насесте и толкать друг дуга. Эти звуки вернули щенка к этому, реальному миру, но он так и не мог понять, где находится и что с ним происходит. Он заскулил. Иван протянул руку с топчана, погладил его большой ладонью, поднял поперек пуза и положил к себе под бок, под стеганку. Артист немного повозился и уснул без сновидений.

Артист быстро осваивал ближние окрестности кордона. Он просто рос там. Ближний ельник на склоне Рябиновой, вырубка, берега Мокрухи и ручейка были для него продолжением дома. Здесь он осваивал самые простые житейские навыки и правила. Узнавал, что и как пахнет в лесу, впитывал запахи трав и цветов, гонялся за мухами и бабочками, впервые услышал мышиный писк под кучей валежника. Здесь в совсем еще маленьком щенке проснулся исконный псовый семейственный инстинкт замирать, прислушиваться, совать нос в мышиную норку, быстро-быстро копать там передними лапами, подпрыгивать и пытаться прижать добычу лапами и ухватить зубами. Заново, как любой из щенков, постигал он простые истины о том, что за пчелой и осой гоняться нельзя, что лягушка и ящерица, хоть и шевелятся, но это не добыча для собаки. Здесь же впервые к горлу подступил спазм от запаха заячьего следа, сердечко в волнении часто забилось, и помимо собственной воли он подал голос. Так случается с каждой гончей собакой, но в Артисте этот позыв проснулся удивительно рано. Все произошло, когда ему едва исполнилось три месяца.

В конце мая, ранним утром он отошел от дома и отправился чуть дальше, чем обычно, по пойме ручья. В воздухе стоял густой дух цветущей черемухи, свежей зелени и сырой земли. Птичьи голоса переполняли заросли. Хотя птахи и были увлечены своими песнями, но шлепанье лап Артиста по мелким лужам заставляло их перепархивать подальше от нарядного песика. Его белая шубка с двумя черными пятнами на спине и рыжими ушами выдавала присутствие Артиста с головой. Он, собственно, и не собирался ни от кого таиться, а наоборот, со всем задором щенячьей юности по-своему радовался жизни, бегал по мелкой воде, забавляясь брызгами. Так, с еще детской дурью в голове и лапах он выскочил на небольшой, слегка обсохший взгорок, где и кончилось его беззаботное детство. Буквально пару минут назад тут кормилась толстая старая зайчиха, и от нее осталось столько запаха в свежих следах, что природа пробудила в малолетнем Артисте гончего пса. Исторгнув из себя первый голос охотника, собака продолжала лаять и закрутилась на этом взгорке, прижав нос к земле. Он не мог понять, что надо делать с внезапно проснувшимся инстинктом. Хотелось только лаять и бежать, бежать и лаять, а куда надо бежать, пес не мог оп-

ределить – зайцем пахло кругом. В растерянности и от избытка энтузиазма он начал бегать кругами, переменяв лай на жалобное постанывание. Круги сами собой получались все больше, и запах становился прерывистым, пока совсем не исчез. В одном месте он снова ударил Артисту в душу – вот он свежий выходной след. Пес уверенно побежал по нему с голосом, но в низине зайчиха перебежала болотце, где вода стояла большими лужами, и след потерялся совсем. Пес взвизгнул от досады и поспешил домой, чтобы поделиться с хозяином пережитым волнением.

Иван в это время сидел на завалинке избушки, тоже слушал всю эту собачью оперу о рождении нового гончего пса, понимал ее тонкости и по-своему переживал за питомца.

– Ай да Артист, ай да сукин сын, добежался, погнался с голосом зайчишку. Понял, зачем его мать на свет родила. Теперь только держись, куян.

Вкусив азарт заячьей погони, Артист оттачивал мастерство с каждой неделей. К середине лета он мог часами уверенно не терять следа. Мешали только собственные слишком резвые ноги. Они опережали умение держать след, но и этот недостаток быстро уходил в прошлое. Ивану пришлось запирать Артиста на день в сарайчике. В дневную жару собаке вредно перегружать себя охотой. Ночами пес отводил душу, и лес звенел от его крепнущего уверенностью и деловитостью голоса.

Кот все это время охотился на мышей, птиц и все прекрасно слышал. Эти заросли вдоль ручья, ставшие для Артиста школой следопыта, всегда были для Кота тем местом, где даже в самое голодное время он мог добыть зайчатины. Он сразу по-своему оценил, что происходит в его исконных охотничьих владениях, и возмущение переполнило котовью душу.

– Мало, что этот белопузый красавчик лишил меня дома и хозяев, так он теперь в вотчине моей охотиться начал. Зря я без боя ему уступил место у родного очага. Сейчас дожид до того, что с ним уже и не справиться. Как жить дальше? К зиме, как хозяин из-под этого энтузиаста стрелять начнет, так без зайчатины окрестные леса останутся. Пропаду, ох, пропаду. Надо у белки совета спросить – как тут быть.

Долго ее искать не пришлось, да и уговаривать – объяснять, что к чему, тоже. Она всегда была готова потрещать по любому поводу. Услышав о чем речь на этот раз, сделалась необычно серьезной, приосанилась, даже слегка нахохлилась.

– Вот ты, например, вольный Кот, хоть и жил раньше у людей. Ты над собой и тогда волен был. Хотел – спал, хотел – шубку свою вылизывал, а голодным становился – на охоту шел и добычу себе ловил. Так?

– Верно, – подтвердил Кот. Хотя ему стало стыдно от воспоминаний о том, что он не только для себя охотился, а иногда зайчатину приносил в дом. Он с благодарностью подумал о белкиной деликатности. О таком позорном поведении она наверняка знала, но не корила.

– Теперь сообрази, что этот дурной пес делает.

– Да он меня кровя родного лишил, а теперь... – на повышенных тонах завелся Кот.

– Нет, погоди, я тебя просила подумать, что он делает, а не распалаться. Остынь, где твоя обычная рассудительность? Мне даже смешно на тебя смотреть. Где твоя солидность и степенность, можно сказать, мудрость? Остынь и скажи, что он делает.

– Носится по лесу, как дурак последний, и гавкает, пока его хозяин в сарае не запрет. Недавно он подкоп сделал и все равно убежал зайцев своим лаем распугивать.

– Вот это верно. Он просто по лесу за зайцами бегают и лают. Ты видел хоть раз, чтобы он зайца поймал и съел? А может, он их ловит и хозяину приносит? Нет. Он просто бегают и лают. А ты спросил его, что ему от этого за прок? А ты знаешь, что за удовольствие он от этого получает?

Белка спокойно и обстоятельно объяснила, что гончий пес – не зверь, но и не обычная домашняя скотина вроде курицы, а несчастный бывший зверь, в которого человек вложил особый посыл, над которым пес сам теперь не

волен. Несет его этот посыл помимо его воли по заячьему следу, рвет душу лаем, а зачем – пока пес и сам не знает. Объяснила она и то, что осенью с ним будет, но Кот к этому отнесся с недоверием. Очень уж мрачным был прогноз. Ему даже жаль стало глупого щенка.

– Неужели ничего поделаться нельзя? Мне почему-то этого дуралея жалко.

– Попробуй ему все это сам объяснить, да толку, думаю, никакого не будет. Если бы так просто все обстояло, род гончих псов давно бы кончился.

Все шло своим чередом, и к концу лета, накануне первого сезона охоты, Артист стал уже заправским мастером своего гончего дела.

Однажды Артист с хозяином ушли далеко от дома и к предзакатному часу оказались на самом хребте. Долго громыхало вдали, но постепенно грозовой фронт, выгнувшись своей мрачной дугой, догнал путников.

В грозу на перевале быть опасно, и Иван поспешил по тропке вниз. Артист, поджав хвост, прижимался к ногам хозяина. Так уже под первыми каплями дождя они спустились к краю болота. Там остро пахло болиголовом и сыростью, деревья были чахлыми и от дождя укрыть не могли. Грозовой дождик начинался как-то необычно робко. Иван решил, что у них есть возможность добежать до гривы, что возвышалась среди болота. На каменной горке росли высокие кедры, а по краям – вековые ели. Редкий человек забредал сейчас в это место.

Кот не часто бывал в этой стороне, но если его лапы ступали на болотную тропку в сторону землянки, то он не упускал возможности погостить под крышей бывшего человеческого жилья. Там держался стойкий запах смеси прелой пихтовой хвои, копоты, что осела на потолке и стенах от дыма буржуйки с прогоревшими боками, и плесени, которая успевала нарасти в сырых углах. Даже в этом

подобии людского жилища Кот снова ощущал себя домашним созданием и проводил тут несколько ночей, охотясь в окрестных лесах на бурундуков. Они, хоть и приходились подруге-белке родственниками, но настолько дальними, что устоять от соблазна такой легкой и вкусной добычи не было никаких сил.

Сейчас Кот, хоть и дремал у крошечного окошка-щелки в землянке, но сквозь шуршание дождика по листьям и хвое услышал весть о приближении человеческих шагов и успел шмыгнуть в двери. Он проворно заскочил на ближнюю елку и скрылся от глаз бывшего хозяина среди густых бархатных лап.

Артист плелся, поджав хвост, за Иваном и, конечно, учуял свежий след Кота у избушки, но громы и молнии так подавили все в его трепещущей от ужаса душе, что он быстро юркнул в проем открытой двери, забился в дальний угол, закрыл глаза и притворился, что его вообще нет на белом свете. Только теперь он немного стал успокаиваться – здесь Гроза его не найдет.

Первый грозовой шквал давно прошел, и ливень расходился не на шутку. Дождь размеренно и упорно катил свои струи отвесно с дырявых небес на все вокруг. Попадал он и через прямую трубу в буржуйку и пытался загасить огонь, но смоле горит жарко, и ему такая вода не страшна. Она только шипела на железе, парила от ржавой трубы, а остальная, смешиваясь с копотью от смолевых пеньков, стекала грязной лужицей под ноги Ивану, который сидел у печки и предавался бесконечному блаженству – смотрел на огонь и грелся под шум дождя. Кругом стояла та удивительная

тишина, которая бывает привычной только для людей в лесу. Такая тишина перекрывает все лесные звуки: шелест падающих капель, шум листьев, переливчатые голоса ручейка. Сквозь нее Иван слышал сейчас только писк двух-трех одиноких комаров, залетевших в землянку и поющих о том, как им хорошо здесь свободно летать, когда собирать сидят под листьями, в траве и в других укромных местах. Эта комариная песня вовсе не раздражала Ивана. Он был абсолютно спокоен. Такое спокойствие доступно только вот таким людям, которые умеют жить в лесной тишине. Их не волнуют всякие суетные пустяки далекого, кишасщего страстями мира. Его беспокоило только одно – не расхворалась бы Мотя. Спина у нее что-то разболелась, а в огороде самая работа.

Ливень постепенно перешел в дождик, а потом и этот понемногу устал, унялся и совсем затих. Дрова в буржуйке прогорели, и открытый дверной проем впускал в избушку ночную свежесть умытого летнего леса. Иван крепко спал на уцелевшей части нар, а Артист дремал и, как обычно, вполуха сторожил свой и хозяйский покой.

Кот решил, что его час настал, когда предрасветные сумерки с их редкими ночными звуками уже уступали раннему птичьему хору, но еще не настало время развернуться комариному гулу. Выходящий на мокрую траву он не собирался. Оперевшись во весь рост на ствол елки, Кот вытянул вверх передние лапы и принялся с остервенением драть когтями кору – точить когти. Расчет оказался верным: Артист услышал посторонний звук и выглянул из землянки.

Это была их первая встреча глаза в глаза. Артист много раз наткался на свежие следы неизвестного для него зверя, но этот запах почему-то не вызывал желания бежать, преследовать и пытаться добыть его обладателя. Запах был знаком с детства. Этим запахом пропитаны все углы в доме, тряпки, на которых вырос щенок, коврик под кроватью хозяина. Несколько раз Артист видел мелькнувшую в кустах серую спинку и длинный хвост трубой, но чтобы вот так встретиться почти вплотную – такого еще не было. Кот предупредил первое движение собаки,

– Шуметь только не надо. Хозяина не буди. Надо спокойно вдвоем поговорить.

Артист почему-то послушался и придавил уже родившееся в горле рычание, но все его тело начала бить мелкая нервная дрожь. Кот спокойно сел там, где и стоял – на сухую хвою среди могучих корней под елкой, а Артисту ничего не оставалось, как переминаясь с лапы на лапу на сырой земле перед избушкой.

Кот покровительственным тоном предложил Артисту располагаться поудобнее – разговор, мол, долгий, спешить некуда.

Тут Артист узнал от Кота о своем будущем. В конце, вместо слов Кота о беге и смерти, перед Артистом возник Серый Клубок, который начал накачиваться на него и расти, расти и расти.

Очнулся пес, когда солнце всю светило, а хозяин выходил из избушки и чуть не наступил на лежащего на земле Артиста.

– Ну и приснится же такое, – подумал гончий пес, встряхнулся и радостно запрыгал вокруг Ивана.

В самом конце лета дядя Ваня с Артистом на несколько дней ушли в дальний обход за Дед Камень. Ночевали у костра, как им было привычно. В последнюю ночь перед возвращением домой Иван спал плохо. Когда рассвело так, что тропу под ногами можно было без труда различать, собрал рюкзак и позвал Артиста в дорогу.

– Путь сегодня, дружок, длинный. Надо дойти до западной границы нашего обхода, почти до самых полей совхозных, а оттуда по самой короткой тропке домой. Поторопимся, так засветло можно обернуться. Пошли, Артист, да смотри, по дороге не больно на всяких мелких зверюшек отвлекаться, не до них сегодня нам.

Артист сидел, наклонял голову то на один, то на другой бок, слушал Ивана и тихонько повиливал хвостом в знак того, что он одобряет, когда к нему обращаются по-человечески, с разговором.

В это время года лес стоит тихий. Нет ни птичьего свиста, ни других громких звуков. Шаги человеческие далеко слышно, если ветер не гудит в деревьях. Иван шагал по тропке по привычке осторожно, стараясь не выказывать своего присутствия, хотя и не собирался на кого-то охотиться. Перед тем, как выйти на открытое место из чащи – болото или елань, всегда замирал у лесной кромки, оглядывался и прислушивался. Артист, по своему природно-

му уму и врожденному охотничьему чувству делал так же, как хозяин. В его еще почти щенячьем возрасте большинство собак носятся по лесу, как угорелые, твякают на каждый шорох и гоняются за слетками. Артист был точно таким вокруг дома, но становился серьезен не по возрасту, если понимал, что они с хозяином отправились куда-то по делу.

Утро только еще вступало в свои права, разгоня уже по-осеннему холодные предрассветные туманы. Иван знал, что сейчас на спуске с горки они подойдут к большой лесной поляне, на другом краю которой внизу течет ручей. Он не знал, выкошена трава здесь в этом году или нет. Этот покос был самый дальний, и если хватало травы поближе к Широкой Речке, то в иные годы сюда покосники не забирались. Они немного сошли с тропы в сторону, и Иван остановился перед кустом жимолости, который отделял его теперь от поляны. Артист сел, прислонившись к его левой ноге.

Прямо перед ними лежала поляна некошенной, начинающей жухнуть травы. Она спускалась плавными волнами в долинку. Солнце поднималось у Ивана за спиной над лесом, который отбрасывал длинную тень. Прямо за кустом, под ногами вся трава была в мелких капельках росы. Пока до нее не добрались лучи, она не блестела, а тускло переливалась по краям листьев манжетки, на высоких стеблях таволги и на последних украшениях Иванчяя. Дальше, куда солнце уже дотянулось, верхушки стеблей уже были почти сухими, а в глубине травяного ковра местами вспыхивали солнечные искорки. Еще дальше над ручьем стояли густые клубы тумана. Они скрывали шапки кустов ивняка, а старые ольховины выставили кудрявые головы над еще не подвластным солнцу сумраком. Это торжественное своей тишиной и простотой зрелище оживляли парящие в воздухе редкие паутинки. Иван погладил Артиста по голове, потрепал его за ухом. Вздыхнул и хотел уже шагнуть из-за куста в траву, чтобы выйти снова на тропу, но замер, услышав справа от себя какой-то шорох. Он осторожно повернулся туда, чуть присел, прижав к себе голову Артиста. Буквально в десяти шагах от них, чуть впереди, лес вдавался в поляну небольшим мыском, и там, среди совсем маленьких елочек, под высокой лиственницей, стоял красавец лесной козел. Он так же, как и они, не решился сразу выйти на поляну, стоял, вытягивал шею, прислушивался, поводя ушами. Его было так хорошо видно, что Иван заметил, как подрагивают влажные черные ноздри, вьется около его века комар, отчего он часто моргает. Видна была каждая шерстинка, каждый изгиб мускулистого соразмерно красивого тела, каждый жемчужный вырост на стройных рогах. Казалось, сейчас ударит копытцем и, как в сказе про серебряное копытце, брызнут из-под ножки камни самоцветные. Идиллию испортил крик сойки. Вечно скандальная птица с мяукающим криком сорвалась с дерева и полетела на другую сторону поляны. Козел сорвался с места, громадными

прыжками взлетая высоко над травой, несколько раз сверкнул зеркалом белого пятна на затылке и пропал в кустах у ручья. Артист с каким-то стоном взлаял и бросился по-зрячему за козлом. Сейчас этот зверь прямо перед ним, и тысячи поколений предков гончих псов возопили в Артисте.

Иван всплеснул руками: «Ах ты, господи, рано тебе еще красного зверя гонять. Уведет ведь в такую даль, что и пропасть может. Вот незадача. И смех и грех. Где это видано, чтобы в шесть месяцев выжлец козла погнал. Одна надежда, что быстро сколется со следа и вернется».

Погоня уходила все дальше и дальше. Миновав еще одну горку, выбежав на небольшую лесную полянку, Козел резко остановился, развернулся, опустил рога и уставился своими большими темными глазами на Артиста.

— Ну, что, малец, запыхался? Отдышись и послушай хозяина леса, — спокойным голосом, будто и не было прыжков, бега и подъема на гору, сказал Козел.

Артист стоял перед зверем, далеко вывалив из пасти язык, тяжело дыша и растерянно округлив удивленные глаза. Первой его мыслью была:

— Ах, Кот, Кот, твои байки вовсе не сказки и не сон, оказывается. Как же я тебе тогда у землянки не поверил.

Вот настала и она — осень. Итог года. Все, что рождалось, всходило, тянулось к солнцу, цвело и вызревало, принесло свои плоды. Белка давно распустила своих детенышей на все четыре стороны самостоятельно осваивать этот мир и готовиться к зиме. Кот растолстел и стал до того ленив, что когда выпал первый сентябрьский снег, вообще не вышел из-под своего навеса, пока тот совсем не растаял, и все не высохло. Зато у Артиста тело налилось мощью. Под короткой, плотной, блестящей шерстью перекатывались тугие, не знающие усталости мышцы.

У людей близился сезон охоты на зайцев. Для настоящих охотников каждое открытие сезона — большой праздник. Артист заметил перемены в своей жизни недели за три. Его все реже и реже стали выпускать из сарая и подозрительно много кормили. Иван приносил миску с едой, гладил Артиста и приговаривал:

— Ешь, ешь. С твоим азартом скоро не только все лишнее спустишь, одни кожа да кости останутся.

За два дня до начала к избе подкатил большой блестящий черный автомобиль. Из машины вышли три человека и собака. Знакомый Андрюха, шофер весь в кожаных одеждах. Третьим был толстый, но совсем не старый дядька. Андрей вывел на поводке собаку. Артист все это наблюдал из своего сарайчика через щели в дверях. Приезжая собака

была удивительно похожа на него самого, но ее так быстро увели в дом и там закрыли, что он плохо успел разглядеть.

Что такое ружье, Артист знал с самого нежного возраста. Ближе к осени Артист видел, как после выстрела падал на землю рябчик, и хозяин подбирал его и давал слизывать еще горячую кровь. Больше ружье ни с чем для Артиста связано не было, и поэтому он, увидев ружье и чужую собаку, подумал, что все вкусное от рябчиков достанется ей, пока он сидит запертый.

В тот вечер Артиста не покормили. Он допоздна прислушивался к шуму, разговорам в бане, а потом и песням в доме, но к нему никто не зашел до самого утра. Утром вид у Андрея, Ивана и незнакомого толстяка был торжественно-серьезным. Собаку спустили с поводка сразу за огородом. Артиста Иван выпустил из сарая чуть раньше. Через пару минут все скрылись в лесу. Остро пахло первыми прелыми листьями, свежестью. В особую осеннюю тишину вплетался только писк и шелест перепархивающих синиц. Шли молча. Дышалось легко и вольно.

Андрей шагал быстро впереди всех, а собаки просто летели, шурша листьями, с которых в лесу еще не сошел иней. На первой поляне, куда наш молодой мастер выскочил впереди приезжей собаки, он наскокочил на свежий след зайца. Он знал, что здесь почти каждую ночь пасутся молодые зайчата из последнего летнего выводка его знакомой старой зайчихи. Они и отдыхать не уходили далеко, а ложились утром в ближайшем березняке. Он привычно залаял и ровно погнал. Ему все было до того знакомо, что даже не очень интересно. Он прекрасно знал, куда зайчишка побежит, где сделает скидку, куда повернет после просеки. Молодые зайки делают маленькие круги, заворачивают быстро. Все они давно знали Артиста и его гон воспринимали

как привычную игру и быстрым бегом с большими кругами себя не утруждали. Лай Артиста катился по округе, как звон колокольчика, весело отдаваясь эхом в лесных распадах. Полкруга уже было позади, и было только одно место, где след мог повернуть по одному ложку или по другому. Не успел Артист добежать до этого места, как внутри его круга раздался чужой, более грубый лай. Ясно, что приезжая собака погнала еще одного из его юных знакомцев. Голос ее был густым и красивым, как флейта. Она лаяла размеренно, но немного лениво, как то без азарта. Артист не знал, что ему делать и по инерции продолжал гнать своего зайчишку. Теперь два голоса, каждый в своем тоне и ритме наполняли лес, переливались и переплетались. Они чудесным образом дополняли друг друга, хотя их нельзя было назвать дуэтом. Просто каждый пел свою песню, но эти песни были об одном – о том, как весело гончим псам бежать по осеннему лесу, по манящему вперед и вперед заячьему следу, как радостно и вольно дышится на этом бесконечном пути, о гулком эхе собачьих голосов в приветливом лесу. Внимание Артиста и так раздваивалось на свой гон и на путь соперницы по искусству. Следить за чем-то еще он просто был не в состоянии и сначала не обратил внимания на звук выстрела. Стреляли в той стороне, где по его расчетам должен был бежать заяц, которого гнала чужая собака.

– Что за стрельба? – Подумал Артист. Звук был не такой, каким стрелял хозяин.

– Нашли время для рябчиков, – возмутился он, но замолчал и сошел с гона, побегал на выстрел в расчете на привычное угущение, опасаясь, что лакомство достанется приезжей, тем более, что ее голос тоже смолк.

На склоне небольшой горки стояли все охотни-

ки, а вокруг них прыгала соперница. Артист подбежал, но вместо рябчика увидел в руке у Андрея знакомого зайчишку, только он был мертвый. Его держали за задние лапы, а с мордочки капала свежая кровь, которую сучка жадно слизывала. Артист первый раз видел убитого зверя. Он остановился в отдалении и не хотел приближаться, пока не понял, что делают эти чужие люди и эта чужая собака с его зайцем в его лесу.

– Зачем его застрелили? – он этого не мог понять. Зачем было прерывать увлекательный гон выстрелом. Неужели эту глупую собаку ее глупый хозяин приучил вместо птиц есть зайцев и угощаться их кровью?

Собака увидела Артиста и зарычала. В этот момент до него дошел сладковатый запах заячьей крови, смешанный с кислым пороховым, и перед ним вырос Серый Клубок. Он был еще далеко, но быстро накатывал. Одновременно из памяти всплыли предупреждения Кота и Лесного Козла.

Как он мог выразить свой протест? Артист не мог ничего другого, как бежать. Он летел по лесу, не разбирая пути, лишь бы убежать от Клубка и быть подальше от запаха крови и чужих людей, которые привели его в такое замешательство. Когда он миновал ближнее болотце, немного успокоился и Клубок стал отставать. В нос просто ударил совсем свежий след старой зайчихи. Артист ощутил обычный непреодолимый позыв гнать и гнать по следу с голосом. Привычно повинувшись инстинкту, он уже ощутил в горле звук своего голоса, но перехватил его на выдохе и захлебнулся. Бег его продолжался, но Артисту уже не приходилось сдерживать лая. Он гнал зайчиху молча. Голос его пропал совсем. Эта немота была ответом всего его существа на предсказания о гибели. Ведь ему была предсказана

смерть, как только настанет осень и он поведет под выстрел первого зайца. Только сейчас он понял смысл этого пророчества лесных обитателей. Он раньше просто не мог себе представить, что его друзья по веселой лесной беготне будут замертво падать с кровью на мордочках из-за людских забав с ружьями. Теперь, когда его самого Клубок почти догнал, он ощутил холод смерти. Бег все продолжался и продолжался. Толстая зайчиха, не слышала его лая, и не понимала, что значит такая игра. Артист видел её лучше сквозь редующий прозрачный лес. Она стала делать прыжки все короче. Потом гон вовсе прекратился. Зайчиха развернулась к собаке и села. Артист остановился. Теперь они смотрели друг на друга, готовые сорваться с мест и продолжать прерванную гонку. А зачем? Такой вопрос не возникал ни у одного гончего пса до этого момента. Как только он всплыл в Артисте, гончий пес в нем умер, а Клубок навсегда исчез. Пророчество зверей все равно сбылось, хотя ни одного зайца он в эту осень под выстрел так и не выгнал.

С мольбертом по Уралу

Художник Туманов Альберт Михайлович родился 25 января 1938 года в пос. Лежнево Ивановской области. С 1945 года живет на Урале.

Первые шаги в изобразительном искусстве сделал в школьном кружке рисования. С 1953 по 1958 годы учился на живописном отделении Свердловского художественного училища. Будучи студентом выпускного курса, увлекся графикой и тогда же начал сотрудничать со Свердловским книжным издательством и журналом «Уральский следопыт».

Работа в «Уральском следопыте» рядом с такими мастерами как В.Волович, С.Киприн, Г.Переба-тов стала не только значительной вехой в биографии художника, но и своеобразной школой журналистики. Именно «Уральский следопыт» еще до поступления художника в полиграфический институт определил его дальнейшую судьбу, помог стать профессиональным иллюстратором.

В 1971 году окончил Московский полиграфический институт, факультет художественного оформления печатной продукции по специальности художник-график.

Молодого автора привлекают новые неведомые края, романтика дальних странствий, и он отправляется на Дальний Восток. Матросом торгового флота прошел Северным морским путем до порта Тикси в устье Лены.

Сахалин, Курилы, Камчатка, Чукотка, Арктические острова оставили в душе художника неизгладимые впечатления. Любовь к Северу, его неповторимой природе, красивым, мужественным людям – жителям этих суровых краев, остались у него навсегда. Позднее, вернувшись на Урал, не менее десяти сезонов ездил полевым рабочим с отрядом геологов по Приполярному и Полярному Уралу.

В 1986 году в составе Полярной экспедиции газеты «Советская Россия» прошел от Карского до Каспийского моря, таким образом ознакомившись со всем Уральским регионом от Пай-Хоя до Мугоджар. В 2000 году началась Всемирная Кругосветная экспедиция под флагом «Юнеско». В ее составе А.Туманов изучил жизнь ямальских ненцев и саамов Финляндии и Норвегии. Множество этнографических рисунков хранится в архиве «Полярэкса». Есть надежда, что экспедиция продолжится, и зритель увидит новые работы художника о Севере и его людях. Из каждой поездки художник привозит новые впечатления, этюды, наброски, которые в дальнейшем становятся основой его произведений.

Член Союза художников России Туманов А.М. – постоянный участник городских, республиканских и международных выставок.

В настоящее время Альберт Михайлович полон новых творческих планов и замыслов, продолжает работать над близкой, понятной ему и полюбившейся на всю жизнь Уральской тематикой.

Окрестности Конжака

Таяжная река

Автопортрет

На склоне горы Золотой

Клюквенные места

Скала Монах

ЧИТАЙТЕ В ДЕКАБРЕ:

РЕКА ВРЕМЕНИ

О судьбе русской девушки Прасковьи Луполовой писали книги, сочиняли оперы, ставили спектакли; она стала прообразом многих литературных героев. В советское время ее имя было предано забвению. Сотрудники Ишимского краеведческого музея мечтают поставить памятник Прасковье - единственный подобный памятник в России.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Участники экспедиции знакомились с приемами выживания на природе без снаряжения. Владея этим, наши предки, казаки-путешественники, довольствовались в походах снаряжением на уровне повседневной одежды и, как следствие, - ходили в лес круглогодично, в любую погоду! Причем они не «выживали, мужественно преодолевая нечеловеческие условия», а просто жили в ладу с природой, радуясь окружающему миру! Именно наш Урал, четыреста лет назад открывший путь в Сибирь, может ныне воссоздать уникальную походную культуру.

АЗЛИТА

В канун Нового года хочется чуда, сказки. Всего этого в двенадцатом номере будет предостаточно. Читателей «Уральского следопыта» порадует своим легким новогодним юмором сказка о Бабе Яге и Деде Йоге; те, кто помладше, с удовольствием прочтут сказку о Волшебной стране исполнения желаний, и, конечно же, всех нас ждет завершение удивительной повести Н. Ипатовой «Ледяное сердце Златовера», ведь так интересно, чем все закончится!

Хочешь двинуться - ищи попутчика!